

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Х Л И Х

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

Карточка цифровой копии (отсутствует в бумажном оригинале)

Шубинский П. П., Очерки Бухары // Журнал «Исторический вестник», т. XLIX. 1892, стр. 118-142, 364-389, 606-648. Журнал «Исторический вестник», т. L, 1892, стр. 99-123.

Source	Библиотека "Руниверс"
Layout	Виталий Бадмин http://fb.me/BadminPage
OCR	rus
OCR error check	No OCR error check
Note	

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1892 г.

	СТР.
I. Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XXII—XXIV. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5
II. До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XIX—XX. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	33
III. Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго . 1823 годъ. I—II.	47
IV. Военная гроза. Повѣсть. Главы V—VII. (Продолженіе). А. И. Лемана	75
V. Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева . IX—XI. (Продолженіе).	94
VI. Очерки Бухары. И. П. Шубинскаго	118
Иллюстрація: Портретъ эмира бухарскаго Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана.	
VII. Ясновельможный панъ Янъ Сапѣга. (Опытъ исторической характеристики). П. Н. Полеваго	143
VIII. Императоръ Александръ I въ городѣ Уфѣ въ 1824 году. П. Л. Юдина	151
Иллюстрація: Храмъ св. Александра Невскаго въ городѣ Уфѣ.	
IX. Эчміадзинскій патриаршій престолъ и армянскіе католиконы	159
X. Народная смута на Вяткѣ изъ-за «кормленія» воеводъ. (Очеркъ изъ жизни XVII вѣка). Н. Н. Оглоблина	165
XI. Уцѣлѣвшее герцогство. (Одинъ изъ германскихъ дворовъ въ 1892 году). В. З—ва	185
XII. Критика и библиографія	200
1) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892. С—наго.—2) Русская Историческая Библіотека, издаваемая археографическою комиссіею. Томъ тринадцатый. Спб. 1892. В. Б.—3) В. Я. Стоюницъ. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892. С.—4) Исторія англійскаго народа. Джона Ричарда Грина. Томъ второй. Монархія 1461—1540. Реформація 1540—1603. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Москва. 1892. А. Л.—на.—5) Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою ученою архивною комиссіею. Выпускъ второй. Кострома. 1892. В. Б.—6) Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія. Москва. 1892. В. Б.—7) Владимірское православное братство святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1890—1891 годъ. Владиміръ. 1892. Л.	
XIII. Заграничныя историческія новости	210
XIV. Изъ прошлаго	218
Моливленныя собранія сектантовъ квасниковъ. А. Ж.	
XV. Смѣсь	222
1) Девятисотлѣтіе православія на Волини.—2) Памятникъ Александру II въ Москвѣ.—3) Трехсотлѣтіе города Березова.—4) Археологическія находки въ Кіевѣ.—5) Сороколѣтіе учено-литературной дѣятельности С. И. Пономарева.—6) Докторскій диспутъ въ Петербургскомъ университетѣ.—7) Историческое общество.—8) Общество любителей древней письменности.—9) Некрологи: А. С. Пензінъ; Е. А. Краснова; Л. К. Ивановскій; Н. Е. Петропавловскій; П. И. Роговъ; С. И. Зеленый.	
XVI. Забѣты и поправки	232
Письмо въ редакцію. В. И. Семевскаго .	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Яна-Петра Сапѣги.—2) Роялистская ваговорщина. (Reine). Историческій романъ **Эюля Лермина**. Переводъ съ французскаго. XVI—XIX. (Продолженіе).—3) Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1891 году. (Окончаніе). **Л. Н. Павленкова**.—4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.

ОЧЕРКИ БУХАРЫ.

I.

Происхождение и родословная династии Мангытъ. — Эмиръ Мозафаръ-Эддинъ и его семья. — Положеніе Бухарскаго ханства передъ водвореніемъ на его престолѣ Сеидъ-Абдуль-Ахата. — Онъ дѣлается эмиромъ. — Церемонія восшествія на престолъ. — Первые реформы и преобразованія. — Дѣтство и отрочество эмира. — Его жизнь въ Кермине и управленіе бекствомъ. — Наружность Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана. — Его характеръ, привычки, образъ жизни. — Семья и гаремъ. — Состояніе эмира. — Высшая администрація ханства. — Представители духовенства и арміи. — Придворный штатъ. — Значеніе для Бухары русскаго политическаго агентства. — Внѣшнія сношенія эмира.

МИРЪ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ — седьмой государь изъ династии Мангытъ ¹⁾, утвердившейся на бухарскомъ престолѣ послѣ смерти Абуль-Гази, послѣдняго эмира изъ дома Аштарханидовъ, въ 1795—1796 году ²⁾.

Узбекскій родъ Мангытъ и, въ частности, отдѣленіе его Тукъ уже давно приблизились къ верховной власти и фактически управляли страной еще съ начала XVIII столѣтія ³⁾. Въ 1784 г. энергичный и талантливый представитель этого рода Шахъ-Мурадъ устраняетъ отъ власти слабого и неспособнаго Абуль-Гази и дѣлается верховнымъ правителемъ ханства. Его сынъ, Миръ-Гайдеръ, по смерти Шахъ-Мурада, послѣдовавшей въ 1802 г., принимаетъ титулъ эмира. Нынѣ царствующій въ Бухарѣ эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ — правнукъ этого государя.

¹⁾ Первымъ властителемъ Бухары изъ дома Мангытъ былъ Шахъ-Мурадъ (1784—1802 г.). Ему наследовали: Миръ-Гайдеръ (1802—1825 г.); Хуссейнъ-ханъ и Омаръ-ханъ (1825—1826 г.); Насръ-Уллахъ (1826—1860 г.); Мозафаръ-Эддинъ (1860—1885 г.).

²⁾ Вамбери: «Исторія Бухары», переводъ Павловскаго, Спб., 1873 г., т. II, стр. 120. Мирза-Шамси-Бухари: «Записки», Казань, 1861 г., пр. I, стр. 41—42.

³⁾ Буквальное значеніе слова «узбекъ» — самостоятельный. Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, пр. II, стр. 2. Слово «мангытъ» означаетъ густой лѣсъ. Абуль-Гази: «Родословная тюркскихъ племенъ», переводъ Саблукова, Казань, 1854 г., стр. 27. Слово «тукъ» — отрядъ воиновъ въ 100 человекъ. Марко Поло, переводъ Шемякина, Москва, 1863 г., стр. 184.

Династія Мангытъ ведетъ свой родъ по мужской линіи отъ Узбека, девятого государя изъ дома Джюджи, по женской — отъ Чингисъ-хана.

Мангыты были приведены на берега Оксуса Чингисъ-ханомъ съ сѣверо-востока Монголіи еще въ началѣ XIII столѣтія и, на ряду съ кунгратами, считались храбрѣйшимъ и знаменитымъ родомъ изъ всѣхъ узбекскихъ племенъ, кочевавшихъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства. Въ XVI столѣтіи Шейбани-Магометъ-ханъ призвалъ часть изъ нихъ въ Бухару, гдѣ предоставилъ имъ Каршинскія степи ¹⁾. Въ настоящее время они кочуютъ частью въ окрестностяхъ этого города, частью въ Бухарскомъ округѣ ²⁾. Оставшіяся въ Хивѣ племена мангытовъ населяютъ верховья лѣваго берега Сыръ-Дарьи и состоятъ въ подданствѣ хивинскаго хана.

Бухарскіе узбеки первоначально составляли собой военно-служилое сословіе. Политическое вліяніе ихъ росло по мѣрѣ ослабленія внутренняго строя ханства подъ скипетромъ слабыхъ и бездарныхъ Аштарханидовъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія оно достигаетъ своего апогея, и Шахъ-Мурадъ уже свободно овладѣваетъ древнимъ престоломъ Трансоксаніи; женившись, затѣмъ, на внучкѣ эмира Абуль-Феизъ-хана ³⁾, Шемсъ-Бану-Аимъ ⁴⁾, послѣдней представительницѣ рода Аштарханидовъ, онъ узаконяетъ захваченную имъ верховную власть и права основанной имъ династіи на престолѣ Чингисидовъ ⁵⁾.

Эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ родился въ Кермине въ 1857 года. Онъ былъ четвертый сынъ эмира Сеидъ-Мозафаръ-Эддина, умершаго въ Бухарѣ 31-го октября 1885 года. Мать эмира, персіянка, изъ рабынь, по имени Шамшатъ, отличалась рѣдкимъ умомъ и была любимой женой Мозафаръ-Эддина. Она умерла въ Кермине въ 1879 году, проживая у сына, котораго почти не оставляла со времени назначенія его бекомъ въ этотъ городъ. Кромѣ сына, у нея была одна дочь, Салиха, которую Мозафаръ-Эддинъ выдалъ замужъ за своего племянника Амандъ-Улла.

¹⁾ Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, стр. 116.

²⁾ Ханьковъ: «Описание Бухарскаго ханства», Спб., 1843 г., стр. 58—66.

³⁾ Абуль-Феизъ-ханъ царствовалъ въ Бухарѣ съ 1705—1747 г. Онъ былъ умерщвленъ своимъ мятежнымъ министромъ Рахимомъ-Би, захватившимъ въ свои руки верховную власть и истребившимъ все прямое потомство Абуль-Феиза. Мирза-Шамси-Бухари, пр. VIII, стр. 55—58. Послѣдній эмиръ изъ дома Аштарханидовъ, Абуль-Гази, былъ двоюродный племянникъ Абуль-Феиза.

⁴⁾ Малькольмъ и Изетуллахъ считаютъ ее дочерью Абуль-Феиза, причѣмъ первый придаетъ ей имя Елдузъ-Бегюмъ.

Мы даемъ преимущественную вѣру свѣдѣніямъ о ней въ статьѣ Гребенкина: «Родословная династіи Мангытъ» («Ежегодникъ Туркестанскаго края», вып. III, стр. 338—339).

⁵⁾ Аштарханиды были прямыми потомками Чингисъ-хана. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, происходили отъ изгнанныхъ изъ Россіи астраханскихъ хановъ. Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, стр. 67—69.

Извѣстно, что покойный Мозафаръ-Эддинъ былъ большой поклонникъ женской красоты. Пользуясь двойными правами мусульманина и средне-азиатскаго властителя, онъ имѣлъ, кромѣ четырехъ законныхъ женъ, еще обширный гаремъ, состоявшій изъ 150—200 женщинъ. Старшей его женой считалась дочь шахрисябзскаго бека, Даниаръ-аталыка, но отъ нея у него не было дѣтей. Отъ другихъ же женъ у него было слѣдующее потомство ¹⁾: Каты-Тюра-Абдуль-Маликъ, рожденный отъ одной изъ четырехъ законныхъ женъ эмира, персянки, по имени Хаса-Зумратъ, родившійся въ 1848 году; Сеидъ-Нуръ-Эддинъ, бывший бекъ Чаружуйскій, родился въ 1851 году, умеръ въ концѣ семидесятыхъ годовъ; Сеидъ-Абдуль-Мумминъ, родившійся въ 1852 г., еще при жизни Мозафаръ-Эддина былъ назначенъ гиссорскимъ бекомъ; Сеидъ-Абдуль-Ахатъ, недовольный его управленіемъ бекствомъ, перевелъ его въ 1886 г. сначала въ Байсунъ, а затѣмъ отозвалъ въ Бухару, гдѣ онъ теперь и проживаетъ съ своимъ семействомъ; Сеидъ-Абдуль-Фетгахъ, родился въ 1857 г., умеръ вскорѣ послѣ своей поездки въ Петербургъ, для представленія покойному государю императору, въ 1869 г.; Сеидъ-Абдуль-Саммадъ, бекъ чиракчинскій; Сеидъ-Садыкъ, покойнымъ эмиромъ былъ назначенъ бекомъ чарджуйскимъ послѣ смерти Нуръ-Эддина; по восшествіи на престолъ Абдуль-Ахата былъ отозванъ въ Бухару, гдѣ теперь проживаетъ; Сеидъ-Акрамъ, бекъ гузарскій; Сеидъ-Миръ-Мансуръ, родившійся въ 1863 г., поручикъ 3-го драгунскаго Сумскаго полка, служить и проживаетъ въ Москвѣ. Кромѣ того, у покойнаго эмира было нѣсколько сыновей, умершихъ еще при его жизни и не оставившихъ о себѣ историческихъ воспоминаній въ бухарскомъ народѣ.

Порядокъ престолонаслѣдія въ точности не установленъ бухарскими законами. Каждый властитель Бухары можетъ завѣщать свой престолъ «достойнѣйшему», но обыкновенно эмиры передавали его старшимъ сыновьямъ, которые, еще при жизни ихъ, носятъ титулъ каты-тюра, равносильный титулу наслѣдника.

Обстоятельства, послужившія причиной изгнанія изъ страны каты-тюра Абдуль-Малика, достаточно извѣстны, и мы не будемъ во всей подробности воспроизводить ихъ, напомнивъ лишь читателю, что этотъ бухарскій принцъ стремился къ овладѣнію престоломъ еще при жизни отца. Въ 1868 г., когда войска Мозафаръ-Эддина были окончательно разбиты русскими въ сраженіи при Зера-Булакѣ и вся страна возстала противъ него, Абдуль-Маликъ, подстрекаемый фанатическимъ духовенствомъ и англичанами, обѣщавшими ему помощь оружіемъ и деньгами, открыто становится

¹⁾ Свѣдѣнія о семьѣ эмира Мозафаръ-Эддина обязательно сообщены намъ проживающимъ въ Ташкентѣ двоюроднымъ братомъ эмира бухарскаго, Миръ-Сеидъ-Ахатъ-ханомъ.

во главѣ бунта и съ оставшимися въ Бухарѣ войсками выступаетъ противъ отца, который въ эту критическую минуту обращается за помощью къ своимъ недавнимъ врагамъ, русскимъ, съ которыми онъ только что заключилъ миръ. Помощь эта ему была немедленно дана, и генераль Абрамовъ, разсѣявъ войска каты-тюра въ стычкахъ при Джамѣ и Карши, принуждаетъ его самого бѣжать сначала въ Хиву, а затѣмъ въ Индію, гдѣ онъ до сихъ поръ проживаетъ въ Пешаверѣ, на пенсіи англійскаго правительства ¹⁾).

Оскорбленный и разгнѣванный отецъ навсегда лишаетъ Абдуль-Малика правъ на бухарскій престолъ и предполагаетъ назначить наслѣдникомъ послѣ себя третьяго своего сына, бека чарджуйскаго Нуръ-Эддина, но этотъ умный и талантливый принцъ вскорѣ умираетъ. Та же участь постигла и юнаго Абдуль-Феттаха, котораго Мозафаръ-Эддинъ прочилъ себѣ въ наслѣдники, отправивъ его въ 1869 году въ Россію, для представленія императору Александру II, котораго намѣревался просить объ утвержденіи Абдуль-Феттаха въ званіи каты-тюра еще при своей жизни ²⁾).

Потерявъ этихъ двухъ сыновей, эмиръ передаетъ права на бухарскій престолъ своему пятому и любимому сыну, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хану. Въ 1883 году онъ отправляетъ его въ Россію для представленія императору Александру Александровичу и для присутствованія на священномъ коронованіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, эмиръ проситъ объ утвержденіи Россіей Сеидъ-Абдуль-Ахата въ званіи наслѣдника Бухарскаго ханства. Государю императору было угодно исполнить просьбу эмира, и молодой принцъ увозитъ въ Бухару прочныя гарантіи своей будущей власти, оставивъ повсемѣстно въ русскомъ обществѣ симпатичныя воспоминанія, созданныя его простотой, умомъ и красивой наружностью ³⁾).

Лѣтомъ 1885 года Мозафаръ-Эддинъ находился въ Карши, гдѣ заболѣлъ эпидемической малярной лихорадкой. Осенью того же года онъ переѣхалъ въ Бухару, гдѣ болѣзнь усилилась, и 31-го октября, на разсвѣтѣ, онъ скончался на 62-мъ году отъ роду. Послѣдніе дни своей жизни Мозафаръ-Эддинъ провелъ въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ Ширъ-Баданѣ. Но приближенные эмира, и во главѣ ихъ 72-хъ-лѣтній кушъ-беги Мулла-Мехмедъ-Бій, предвидя скорую кончину своего властителя и опасаясь народныхъ беспорядковъ, ночью перевезли его во дворецъ, въ цитадель Бухары, гдѣ собственно онъ и умеръ.

¹⁾ Вамбери почему-то считаетъ его умершимъ («Исторія Бухары», т. II, стр. 195). Между тѣмъ, Абдуль-Маликъ, по официальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ, обрѣтается въ полномъ здоровьѣ, роскошно живя въ Пешаверѣ, на большую субсидію, отпускаемую ему англичанами.

²⁾ «Русскій Инвалидъ», 1869 г., №№ 116, 125 и 128.

³⁾ «Новое Время», 1883 г., № 2637; «Правительственный Вѣстникъ», 1887 г. № 8) и др.

Въ тѣхъ же видахъ отъ народа была скрыта смерть Мозафаръ-Эддина до прибытія изъ Кермине Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана, за которымъ былъ немедленно посланъ одинъ изъ наиболѣе преданныхъ ему мирахуровъ.

До прибытія новаго эмира, въ комнату, гдѣ помѣщалось тѣло покойнаго Мозафаръ-Эддина, никто не входилъ, кромѣ кушъ-беги и его сына Мухаметъ-Шерифа-Диванъ-беги, которые время отъ времени отдавали разныя приказанія отъ имени эмира, какъ бы еще живаго.

Получивъ извѣстіе о смерти отца, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ немедленно выѣхалъ изъ Кермине, въ сопровожденіи 1.000 нукеровъ, и утромъ 1-го ноября былъ уже въ кишлакѣ Богаеддинъ, мѣстѣ упокоенія знаменитаго средне-азіатскаго святаго Богаеддина-ходжи, отстоящемъ отъ Бухары на разстояніи 8 верстъ. Совершивъ молебствіе на могилѣ святаго и раздавъ милостыню, онъ, въ сопровожденіи выѣхавшей къ нему на встрѣчу огромной свиты бухарскихъ сановниковъ, войска, при огромномъ стеченіи народа, торжественно въѣхалъ въ Бухару.

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, тѣло Мозафаръ-Эддина было предано землѣ на кладбищѣ Хазретъ-Имя, гдѣ погребенъ весь родъ династіи Мангытъ.

4-го ноября состоялось восшествіе Сеидъ-Абдуль-Ахата на бухарскій престолъ. Церемонія эта, совмѣщающая въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и коронованіе, состоитъ въ томъ, что въ тронной залѣ древняго бухарскаго замка на Регистанѣ, при собраніи всѣхъ находящихся въ Бухарѣ придворныхъ, военныхъ, духовныхъ и гражданскихъ чиновъ, высшіе представители узбекскихъ родовъ, правительственной власти и духовенства торжественно сажаютъ новаго эмира на бѣлую кошму, разостланную у подножія трона, и, поднявъ кошму, опускаютъ ее, вмѣстѣ съ эмиромъ, на тронъ, представляющій собой большой, гладко отшлифованный, сѣро-синеватый мраморный камень, съ тремя ведущими къ нему ступенями, устланный семью покрывами изъ дорогихъ бухарскихъ и индійскихъ тканей ⁴⁾.

⁴⁾ Церемоніаль этотъ установленъ со временъ Рахима-Би, насильственно захватившаго власть послѣ умерщвленія Абуль-Фейза. Прежніе эмиры бухарскіе совершали свое коронованіе въ Самаркандѣ, восходя на знаменитый тронъ Тимура-кокъ-ташъ. Жители Самарканда отказались впустить въ городъ Рахима-Би. Чтобы совершить коронованіе, онъ, по совѣту приближенныхъ и какъ самъ родовитый узбекъ, принялъ символомъ коронованія чисто узбекское произведеніе, составляющее въ ихъ быту самый необходимый предметъ — кошму, а для обозначенія чистоты его намѣреній, происхожденія и богатства рода, кошма была выбрана бѣлая. Обрядъ коронованія былъ совершенъ узбеками, подобно только что описанному. Гребенкинъ: «Родословная династія Мангытъ» («Ежегодникъ Туркестанскаго края», вып. III, стр. 337).

Мирза-Шамси-Бухари («Записки», стр. 2) говоритъ, что Миръ-Хайдеръ, при

Затѣмъ произносятся привѣтствія, послѣ которыхъ присутствующіе присягаютъ эмиру, поочередно цѣлуя у него руку, которую, въ знакъ покорности и вѣчнаго повиновенія, прикладываютъ къ своему лбу и глазамъ. Первымъ подходитъ ходжа-калянъ (глава духовенства), вторымъ — накибъ (слѣдующій за нимъ духовный чинъ), третьимъ — кушь-беги, четвертымъ — диванъ-беги и т. д. Этотъ обрядъ присяги называется «дастбейгать».

Послѣ этого эмиръ удаляется во внутренніе покои, а присутствующимъ раздается сахаръ, и они разъѣжаются по домамъ ¹⁾.

Восшествіе на престолъ новаго эмира сопровождалось рядомъ празднествъ, устраиваемыхъ для народа, и обычной раздачей подарковъ, состоящихъ изъ дорогихъ халатовъ, лошадей и проч., приближеннымъ эмира, духовенству, войскамъ и чиновникамъ.

Эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ вступилъ на бухарскій престолъ съ самыми широкими планами относительно реформъ и преобразованій, которыя онъ намѣревался ввести въ странѣ своихъ предковъ. Онъ еще, видимо, находился въ то время подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки въ Россію, и не могъ не сознавать, что государственный и общественный строй его отечества является совершеннымъ анахронизмомъ среди охватившей его со всѣхъ сторонъ европейской цивилизаціи.

Положеніе дѣлъ въ ханствѣ, въ моментъ водворенія на его престолѣ Сеидъ-Абдуль-Ахата, представлялось дѣйствительно серьезнымъ. Покойный эмиръ Мозафаръ-Эддинъ, не смотря на свой своеобразный умъ и рѣдкую проницательность, являлся представителемъ стараго, отжившаго свой вѣкъ, исламо-іерархическаго режима, упорно отстаивавшаго страну отъ какихъ бы то ни было нововведеній въ духѣ времени. Духовной жизнью народа всецѣло руководило фанатическое духовенство, которое захватило также въ свои руки воспитаніе и образованіе юношества и судебную власть, рѣшая всѣ дѣла на основаніи постановленій алкорана и шаріата. Проведеніе какихъ бы то ни было реформъ путемъ законодательства было чрезвычайно затруднительно, такъ какъ всякій новый законъ, даже самый незначительный, становился въ разрѣзъ съ священными книгами мусульманства, вызывая горячій протестъ со стороны духовенства и солидарной съ нимъ консервативной партіи.

На ряду съ этимъ хищеніе и лихоимство администраціи были доведены до высшей степени. Съ народа не бралъ только тотъ изъ чиновниковъ, кто не хотѣлъ. Фактическаго контроля надъ дѣй-

---

восшествія на престолъ, возложилъ на голову вѣнецъ, украшенный драгоценными камнями, но этого не было исполнено при коронованіи Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана.

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ», 1887 г., № 89.

ствіями администраціи почти не существовало, да онъ и не могъ быть съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ, такъ какъ эмиру пришлось бы выбирать контролирующихъ лицъ изъ того же тѣсно сплоченнаго и одушевленнаго одной общей идеей сословія сипаевъ, которое представляло собой правильно-организованную и созданную историческимъ путемъ прочную систему взяточничества, лихоимства и хищеній.

Между тѣмъ, цѣлый рядъ войнъ, веденныхъ въ первый періодъ царствованія Мозафаръ-Эддина, значительно подорвалъ экономическое благосостояніе страны. Бухарскій народъ бѣднѣлъ съ каждымъ днемъ, торговля падала, и цѣлыя области пустѣли, будучи осталяемы жителями, которые эмигрировали въ предѣлы Русскаго Туркестана, въ Кашгарію, Авганистанъ, или просто бросали свои земли, переселяясь въ города, гдѣ являлись первыми піонерами нарождающагося въ странѣ народнаго пролетаріата.

Наряду съ этимъ, Бухара сдѣлалась опорнымъ пунктомъ для эмиграціи изъ Русскаго Туркестана всѣхъ вредныхъ элементовъ общества, въ видѣ фанатическаго духовенства и дервишества, не желавшаго примириться съ новымъ порядкомъ вещей, а также остатковъ бухарской и кокандской арміи и ханскихъ чиновниковъ, которымъ новый порядокъ не оставлялъ мѣста. Весь этотъ сбродъ, очистивъ Русскій Туркестанъ, потянулся въ священную Бухару, которая гостеприимно отворила ему свои ворота, удручая въ то же время страну содержаніемъ цѣлыхъ тысячъ непроизводительныхъ и безпокойныхъ тунеядцевъ.

Содержаніе бухарской арміи, которую Мозафаръ-Эдинъ упорно отказывался распустить, или сократить хотя на половину, тяжелымъ бременемъ лежало на финансахъ страны. Представляя собой подобіе опереточнаго войска, совершенно непригоднаго для боевыхъ цѣлей, армія эта, въ то же время, поглощала милліоны на свое содержаніе.

Торговля невольниками процвѣтала въ Бухарѣ, наряду съ системой всевозможныхъ административныхъ и судебныхъ злоупотребленій, произвола, доносовъ, пытокъ и звѣрскихъ казней.

Семья покойнаго эмира враждовала между собой, ожидая лишь его смерти, чтобы начать цѣлый рядъ интригъ и междоусобій, предотвратить которыя могло только могущественное вліяніе Россіи, а жемчужина бухарскихъ владѣній Шахризязбъ грозилъ отложеніемъ, открыто выражая желаніе лучше перейти въ русское подданство, чѣмъ подвергаться разорительному и угнетающему режиму.

Задавленный, обобранный и обращенный въ какое-то вычюное животное, народъ глухо ропталъ. Приносившее когда-то колоссальныя выгоды земледѣліе, промышленность и торговля падали съ каждымъ днемъ. Всякій спѣшилъ скрыть свой достатокъ отъ хищническихъ взоровъ ханскихъ чиновниковъ, или переселялся въ

другія страны, увозя съ собою нажитое состояніе. Только духовенство и солидарная съ нимъ администрація торжествовали повсюду, будучи вполне увѣрены, что въ лицѣ эмира Мозафаръ-Эддина они имѣютъ могущественный оплотъ отъ ненавистныхъ нововведеній, навязываемыхъ русской цивилизаціей.

Въ такомъ положеніи обстояли дѣла страны, когда на престолъ ея взошелъ 28-милѣтній Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ.

Безспорно, положеніе молодого эмира, какъ и положеніе всей страны, являлось чрезвычайно серьезнымъ. Сеидъ-Абдуль-Ахатъ не могъ не сознавать, что могущественная поддержка Россіи была ему оказана отнюдь не съ платонической цѣлью, и что, преслѣдуя свою цивилизаторскую задачу на дальнемъ Востока, сѣверный колоссъ потребуеть отъ него цѣлаго ряда широкихъ реформъ и преобразованій въ пользу народа и упорядоченія экономического и административнаго положенія страны.

На точкѣ, діаметрально противоположной этимъ требованіямъ, стояли фанатическое духовенство и консервативная старо-бухарская узбекская партія, стремившаяся къ упроченію существующаго порядка вещей и даже мечтавшая о возстановленіи ханства въ прежнихъ границахъ.

Многочисленная родня эмира почти поголовно была къ нему враждебно настроена, недовольная его возвышеніемъ помимо старшихъ братьевъ. Беки гиссарскій и чарджуйскій скрытно волновали народъ, распуская сенсационные слухи, а бывший каты-тюра Абдуль-Маликъ ожидалъ лишь удобнаго случая вторгнуться въ страну и поднять знамя мятежа противъ младшаго брата, котораго онъ считалъ похитителемъ власти.

При всемъ томъ, молодой эмиръ твердой рукой берется за кормило правленія и въ короткое время успѣваетъ возстановить въ странѣ относительный порядокъ и спокойствіе.

Первымъ закономъ, который онъ издаетъ по восшествіи своемъ на престолъ, былъ законъ объ освобожденіи рабовъ и объ отмѣнѣ навсегда рабства въ Бухарскихъ владѣніяхъ.

Безъ сомнѣнія, законъ этотъ, возвратившій свободу и человѣческія права десяткамъ тысячъ невольниковъ преимущественно изъ персіянъ, явился мѣрой чрезвычайно смѣлой по отношенію къ привилегированнымъ классамъ ханства, видѣвшимъ въ немъ актъ стѣсненія своихъ вѣковыхъ, освященныхъ исламомъ правъ и подрывъ экономического благосостоянія¹⁾.

¹⁾ Невольничество существовало въ Трансоксаніи еще со временъ глубокой древности. Оно особенно усилилось съ начала XVII столѣтія, когда невольничество шитовъ было оффициально санкціонировано фетвой муллы Шемсетдинъ-Магомета въ Гератѣ, въ царствованіе султана Гуссейнъ-Байкери, въ 1611 году. (Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», Спб., 1865 г., стр. 213; Веселовскій: «Русскіе невольники въ средне-азиатскихъ ханствахъ», Матеріалы для описанія Хивинскаго похода 1873 года, вып. III, стр. 1—4).

Мѣрой этой Сеидъ-Абдуль-Ахатъ создалъ и для самого себя весьма немаловажныя затрудненія, ибо значительная часть бухарской арміи и почти весь штатъ мелкихъ придворныхъ чиновниковъ и дворцовой прислуги состоялъ изъ рабовъ. Получивъ свободу, всѣ эти люди поспѣшили вернуться на родину, а на ихъ мѣсто пришлось набирать неизвѣстныхъ наемныхъ людей, содержаніе которыхъ вызвало новыя значительныя затраты.

Слѣдующей реформой эмира было сокращеніе штата бухарской арміи, которую онъ довелъ до 13-титысячнаго состава¹⁾.

Въ 1886 году Сеидъ-Абдуль-Ахатъ издалъ распоряженіе объ уничтоженіи во всемъ ханствѣ зиндановъ (подземныхъ тюремъ-клоповниковъ).

По его же приказанію была засыпана и замурована находившаяся въ бухарскомъ аркѣ²⁾ знаменитая подземная государственная тюрьма, называемая سیاхъ-чаръ (черный колодець) или Кеннехане (клоповникъ). Предки эмира бросали въ эту тюрьму преимущественно государственныхъ преступниковъ, гдѣ, послѣ всевозможныхъ истязаній, ихъ заживо съѣдали разводимые съ этой цѣлью мириады клоповъ, клещей и другихъ паразитовъ.

Вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены пытки, а примѣненіе смертной казни ограничено случаями крайней необходимости.

Осенью 1886 года, по желанію и ходатайству эмира, въ городѣ Бухарѣ было учреждено русское политическое агентство. Сеидъ-Абдуль-Ахатъ предоставилъ въ распоряженіе агентства одно изъ лучшихъ казенныхъ зданій города Бухары, и по его настоянію все содержаніе агентскаго дома, прислуги и казачьяго конвоя до перѣзда нашей миссіи во вновь отстроенный въ 1891 году посольскій домъ производилось изъ ханской казны. Повидимому, эмиръ былъ чрезвычайно доволенъ поселеніемъ въ его столицѣ представителя императорскаго правительства, значительно облегчившаго сношенія Бухары съ Россіей по политическимъ, торговымъ и другимъ дѣламъ. Въѣздъ нашего агента г. Чарыкова въ столицу ханства былъ обставленъ чрезвычайной пышностью, и вскорѣ между нимъ и эмиромъ установились наилучшія отношенія.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ, высоко цѣня покровительство, оказанное ему государемъ императоромъ, неоднократно заявлялъ, что считаетъ державнаго отца русскаго народа и своимъ вторымъ отцомъ, а Россію—своимъ вторымъ отечествомъ. Эти слова сдѣлались лозунгомъ

¹⁾ Штатъ бухарской арміи состоитъ въ настоящее время изъ 13-ти баталіоновъ пѣхоты по 1.000 человекъ въ каждомъ, 800 человекъ артиллеристовъ при 155 орудіяхъ, 2.000 иррегулярной конницы и одного кавалерійскаго 4-хъ-стеннаго полка. Пѣхота содержится въ сокращенномъ составѣ, вслѣдствіе чего общая цифра арміи не превышаетъ 13.000 человекъ.

²⁾ Аркъ—укрѣпленный замокъ, съ дворцомъ эмира, внутри Бухары.

его внутренней и внешней политики по отношению къ Россіи, по-видимому, вполне искренней и сердечной.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, эмиръ издалъ цѣлый рядъ постановленій съ цѣлью поднятія общественной нравственности. Употребленіе опиума, наши и кунара¹⁾ было строго воспрещено, такъ же какъ и публичные танцы бачей, скабрзные пантомимы и проч. Удвоена была строгость законовъ, карающихъ за продажу женъ, за взяточничество, лихоимство и проч. Чиновниковъ и другихъ должностныхъ лицъ эмиръ всѣми силами старался отучить отъ поборовъ съ народа и вымогательствъ, беспощадно смѣняя съ должностей и наказывая провинившихся.

Преслѣдуя эту послѣднюю задачу, онъ измѣнилъ систему закѣтнаго сбора, а съ цѣлью поощренія торговли значительно понизилъ таможенныя пошлины на ввозъ и вывозъ товаровъ.

Одновременно съ этимъ эмиръ дѣлаетъ попытку эмансипировать женщину въ своей странѣ, подавъ этому примѣръ устройствомъ нѣсколькихъ праздниковъ въ своемъ дворцѣ, на которые высшіе офицеры и чиновники столицы были приглашены вмѣстѣ съ своими женами. Въ то же время онъ упрощаетъ стѣснительный придворный этикетъ, стараясь измѣнить его примѣнительно къ видѣнному имъ въ Петербургѣ и Москвѣ во время поѣздки на коронацію. Обѣ эти мѣры встрѣчаютъ, однако, горячій протестъ со стороны духовенства и окружающихъ эмира царедворцевъ, вызывая сенсационныя слухи въ народѣ, которые заставляютъ Сеидъ-Абдуль-Ахата отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Въ настоящее время, какъ мы слышали, эмиръ занятъ проектомъ устройства грандіознаго оросительнаго канала изъ Аму-Дарьи, съ цѣлью орошенія неплодныхъ степей сѣверо-западной части ханства. Работы эти, по смѣтѣ инженеровъ, производившихъ изысканіе, будутъ стоить до 6.000.000 рублей, но польза ихъ для народа будетъ колоссальна, такъ какъ вода въ Средней Азіи составляетъ все. Открытіе этихъ работъ эмиръ ставитъ въ зависимость отъ своей поѣздки въ Петербургъ, которую, по слухамъ, намѣревается предпринять въ непродолжительномъ времени.

Мы далеки отъ мысли писать хвалебный панегирикъ дѣятельности Сеидъ-Абдуль-Ахата. Періодъ правленія его ханствомъ еще

---

¹⁾ Употребленіе этихъ наркотически-снотворныхъ веществъ въ большомъ ходу въ Средней Азіи и въ особенности въ Бухарѣ. Дѣйствіе опиума общезвѣстно. Что касается наши и кунара, то они производятъ ощущение равносильное гашишу. Эти вредныя вещества нашли распространеніе въ Средней Азіи со времени глубокой древности. Уже въ 1091 году извѣстный Старецъ Горы (Гассанъ-бенъ-Али), основатель династіи Ассасиновъ въ горахъ Рудбара, Ливанъ и Сиріи, пользовался ими, какъ вспомогательнымъ средствомъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Впослѣдствіи дервишество распространило эти вещества по всему Туркестану. (Марко Поло, стр. 97—100).

на столько коротокъ, что о немъ трудно составить какую бы то ни было общую характеристику. Задачу эту мы предоставляемъ времени, выразивъ лишь надежду, что молодой эмиръ не остановится въ своей дальнѣйшей дѣятельности на первыхъ шагахъ по пути улучшенія экономическаго, общественнаго и административнаго строя ввѣренной его попеченію обширной и богатой дарами природы страны.

Но, на ряду съ этимъ, мы не можемъ не воздать должной справедливости тѣмъ добрымъ сѣменамъ, которыя, при данныхъ обстоятельствахъ, уже брошены рукой Сеидъ-Абдуль-Ахаль-хана въ заглохшую почву страны.

Огромное большинство нашего общества убѣждено въ томъ, что бухарскіе эмиры, какъ и вообще всѣ средне-азиатскіе властители, представляютъ собой олицетвореніе всемогущества относительно подчиненныхъ ихъ власти народовъ, что стоитъ имъ только захотѣть, чтобы все совершилось ихъ подданными немедленно, безпрекословно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Едва ли есть другая конституція на свѣтѣ, которая такъ стѣсняла бы законодательную дѣятельность государей, какъ та конституція, которую представляетъ собой коранъ и шаріатъ. Будучи вольны въ жизни, смерти, имуществѣ отдѣльныхъ лицъ, въ своей внѣшней политикѣ и во всѣхъ частныхъ мѣропріятіяхъ, восточные правители оказываются подчасъ совершенно безсильными измѣнить законодательнымъ путемъ самое ничтожное условіе общественнаго и государственнаго механизма, существованіе котораго обусловлено кораномъ и шаріатомъ. Эти двѣ книги составляютъ всю сущность жизни, весь кодексъ средне-азиатскаго мусульманства. Онѣ исчерпываютъ собой правила общественной и частной жизни, народное образованіе, главнѣйшія черты финансовой системы, судопроизводство, правила владѣнія собственностью, словомъ, всю жизнь мусульманина, которая собственно и состоитъ изъ безконечнаго повторенія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, тысячелѣтнихъ правилъ, завѣщанныхъ ему аравійскимъ пророкомъ. Исторія востока представляетъ намъ многочисленныя примѣры паденія не только отдѣльныхъ правителей, но и цѣлыхъ династій, рѣшавшихся начать открытую борьбу съ установившимся исламо-іерархическимъ режимомъ.

Могущественное духовенство стоитъ во всеоружіи на защитѣ народной жизни отъ какихъ бы то ни было невовведеній внѣ этого законодательнаго круга, и власть всякаго мусульманскаго правителя только до тѣхъ поръ и сильна, пока она солидарна съ этимъ сословіемъ и не становится въ разрѣзъ съ каноническимъ мусульманскимъ правомъ.

Этой идеи, повидимому, придерживаемся и мы, предоставивъ въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ туземному населенію авто-

номію народнаго образованія, народнаго суда, и создавъ законодательство, приуроченное къ шаріату и вытекающимъ изъ него народнымъ обычаямъ.

Другимъ не менѣ сильнымъ двигателемъ народной жизни въ Средней Азіи и въ особенности въ Бухарѣ является обычай. Онъ

Эмиръ бухарскій Сайдъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ.

также почти силенъ, какъ и законъ. На стражѣ его стоитъ самъ народъ. Безспорно, все это отжило свой вѣкъ и совершенно не вяжется съ окружающею Бухарскія владѣнія современной обстановкой. Но темныя народныя массы далеки отъ сознанія дѣйствительнаго положенія вещей, и эмиру, не смотря на его кажущееся неограниченное могущество, не только приходится считаться со

«истор. вѣсти.», июль, 1892 г., т. XLIX.

9

всѣмъ этимъ въ своей дѣятельности правителя страны, но и подчинять свою личную жизнь той обстановкѣ и тѣмъ условіямъ, которыя повелѣваетъ ему коранъ, диктуетъ шаріать и указываетъ народный обычай.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ родился въ Кермине въ 1857 году, когда бекствомъ этимъ управлялъ, въ качествѣ наслѣдника престола, его покойный отецъ Мозафаръ-Эддинъ.

Дѣтство и первые годы юности эмиръ провелъ при дворѣ отца. Онъ получилъ обычное воспитаніе, которое дается бухарскимъ принцамъ: кромѣ грамоты, его научили персидскому и арабскому языкамъ, заставили вы зубрить наизусть коранъ и шаріать, познакомили съ нѣкоторыми образцами восточной литературы, на чемъ курсъ ученія и былъ законченъ. Въ тринадцать лѣтъ отецъ уже женилъ его на одной изъ своихъ племянницъ, которая и по сіе время считается старшей женой Сеидъ-Абдуль-Ахата. Однако же, воспитателю принца, Хаметъ-Максулю, удалось привить своему питомцу наклонность къ научнымъ занятіямъ. Эмиръ чрезвычайно любитъ литературу и въ особенности поэзію. Онъ считается большимъ знатокомъ восточныхъ поэтовъ и, какъ говорятъ, самъ недурно пишетъ стихи. Порусски онъ знаетъ лишь нѣсколько словъ, но изъ газетъ и журналовъ ему обыкновенно переводятъ все то, что касается политики, извѣстій отъ высочайшаго двора, Бухарскаго ханства и въ частности его самого.

Въ 18-ть лѣтъ Мозафаръ-Эддинъ назначилъ его бекомъ въ Кермине ¹⁾, гдѣ эмиръ и жилъ до смерти отца, вдали отъ дѣлъ и политики, пользуясь лишь правами обыкновеннаго бека. Управляя бекствомъ, онъ сумѣлъ заявить себя, какъ способный, дѣятельный, справедливый и добрый правитель. Населеніе любило его за его простоту, набожность, доступность и привѣтливое обращеніе. Проживая въ Кермине, эмиръ велъ самый простой образъ жизни: вставалъ обыкновенно съ восходомъ солнца, цѣлый день занимался дѣлами, а въ свободное время обучалъ войска, читалъ, или работалъ надъ дворцовыми или городскими постройками, не гнушаясь иногда собственными руками брать топоръ и ломъ, чтобы принять непосредственное участіе въ производимой постройкѣ. Его любимымъ развлеченіемъ были поѣздки въ сосѣднія Нуръ-Аттинскія горы, откуда онъ обыкновенно возвращался во главѣ цѣлаго транспорта арбъ, нагруженныхъ камнемъ для городскихъ построекъ.

Преобладающей страстью эмира была любовь къ спорту и лошадамъ. Онъ считался и до сихъ поръ считается однимъ изъ

¹⁾ Городъ и округъ Кермине отстоятъ отъ Бухары въ 80-ти верстахъ желѣзно-дорожнаго пути. Въ нѣсколькихъ верстахъ далѣе начинаются Нуръ-Аттинскія горы. Округъ этотъ издавна составляетъ удѣлъ бухарскихъ наслѣдниковъ.

лучшихъ ѣздоковъ въ ханствѣ. Проживая въ Кермине, онъ принималъ всегда непосредственное участіе во всѣхъ кокъ-бури ¹⁾ устраиваемыхъ узбеками въ окрестностяхъ этого города.

Извѣстно, съ какимъ пыломъ предаются средне-азиатцы этой ихъ любимой игрѣ, доводящей ихъ иногда до полного неистовства и забвенія всего окружающаго. Дѣло доходитъ весьма нерѣдко до убійствъ, но обычай, переходящій въ законъ, не позволяетъ родственникамъ убитаго требовать возмездія, если погибшій нашель смерть въ кокъ-бури. Даже сами эмиры, принимая участіе въ этой игрѣ, не обижаются, если ктонибудь толкнетъ ихъ, или даже въ пылу схватки свалить съ лошади.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ считался въ свое время однимъ изъ самыхъ ловкихъ и смѣлыхъ любителей кокъ-бури, но это не спасло его отъ опаснаго паденія съ коня, послѣдствія котораго онъ, какъ говорятъ, испытываетъ до сихъ поръ, вслѣдствіе чего и не позволяетъ себѣ больше принимать непосредственное участіе въ конныхъ ристалищахъ, ограничиваясь лишь ролью наблюдателя.

Домашняя жизнь Абдуль-Ахата, въ бытность его бекомъ въ Кермине, отличалась скромностью и простотой. Онъ совѣмъ не пилъ вина, не курилъ и довольствовался обычной скромной пищей. Его гаремъ состоялъ лишь изъ двухъ его законныхъ женъ.

Поѣздка молодаго принца въ Петербургъ и Москву въ 1883 году произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Милостивое обращеніе съ нимъ государя императора и августѣйшей семьи глубоко запало въ душу молодаго узбека, а культурная жизнь русскаго общества внушила ему горячее желаніе перенести все видѣнное имъ на почву своей родной страны.

Сеитъ-Абдуль-Ахатъ до сихъ поръ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Россіи, какъ о лучшемъ времени своей жизни, и любить при всякомъ удобномъ случаѣ говорить о немъ.

Все это создало ему огромную популярность, и народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда бразды правленія перейдутъ отъ престарѣлаго Мозафаръ-Эддина въ руки столь много обѣщавшаго въ будущемъ его молодаго наслѣдника. Тѣмъ болѣе невѣроятными казались проникшіе вскорѣ по воцареніи эмира въ общество и даже печать сенсаціонные слухи о гаремныхъ и другихъ излишествахъ, которыя будто бы дозволяетъ себѣ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ въ своей частной жизни, — излишествахъ, сдѣлавшихся предметомъ общественныхъ толковъ и народнаго неудовольствія.

---

¹⁾ Кокъ-бури, такъ же какъ и байга, состоитъ въ конной игрѣ, во время которой принимающіе въ ней участіе всадники на полномъ скаку выхватываютъ другъ у друга изъ рукъ убитаго козла. Побѣдителемъ считается тотъ, кто успѣетъ ускакать отъ товарищей и увести съ поля состязанія остатки разорванной добычи.

Мы позволимъ себѣ усомниться, однако же, въ справедливости большей части такого рода извѣстій и объяснить ихъ, съ одной стороны, происками враждебныхъ эмиру консервативныхъ элементовъ, старающихся всѣми силами подорвать обаяніе его въ народѣ, а съ другой—наклонностью самого бухарскаго народа къ политиканству, всевозможнымъ сплетнямъ, судамъ и пересудамъ, предметомъ которыхъ главнымъ образомъ является всегда ихъ эмиръ, а затѣмъ наиболѣе близкія къ нему окружающія лица. Эта черта въ таджикскомъ народѣ до такой степени сильна, что даже кровавый терроръ, посредствомъ котораго управляли страной предки эмира, не могъ удержать словоохотливыхъ обывателей священной Бухары отъ вмѣшательства въ семейную и частную жизнь ихъ повелителей. Подозрительный и свирѣпый Насръ-Уллахъ, доведшій полицейскую систему шпіонства въ странѣ до высшей степени, десятками рубилъ головы своихъ подданныхъ, уличенныхъ въ недоброжелательныхъ и недобрительныхъ отзывахъ о его личности. Но это лишь раздувало пламя, которое онъ старался потушить, и до крайности трусливый и робкій во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни таджикъ смѣло являлся на мѣсто только что совершенной казни, чтобы громогласно выразить свое порицаніе эмиру за его дѣйствія.

Безъ сомнѣнія, относительно мягкій и гуманный образъ дѣйствій Сеидъ-Абдуль-Ахата, ссвершенно игнорирующаго сенсационные народные толки о его личности, оставлялъ широкій просторъ для всякаго рода недоброжелательныхъ слуховъ, о немъ распускаемыхъ лицами, заинтересованными въ дѣлѣ охлажденія къ нему народной симпатіи, почему къ такого рода слухамъ мы и относимся съ крайней осторожностью.

Другой несимпатичной чертой характера эмира считаютъ его крайнюю скупость и допускаемые имъ чрезвычайные поборы съ народа. Но и въ этомъ отношеніи центръ тяжести лежитъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ въ самомъ народѣ. Общія статистическія цифры правительственныхъ сборовъ въ ханствѣ, пропорціонально числу душъ населенія, поражаютъ своею незначительностью¹⁾. Если же на самомъ дѣлѣ эти сборы и достигаютъ большихъ размѣровъ, то это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вымогательства администраціи, представляющей изъ себя правильно организованную шайку взяточниковъ. Администрація эта выходитъ изъ того же народа. Она есть продуктъ его корыстныхъ побужденій, и въ этомъ отношеніи всѣ мѣропріятія

---

¹⁾ Общая цифра сборовъ съ населенія на содержаніе центральной администраціи, двора эмира, арміи и высшаго духовенства, не превышаетъ 3.500,000 рублей въ годъ. Цифра народонаселенія ханства въ точности не опредѣлена но она во всякомъ случаѣ не менѣе полутора милліона душъ.

эмира, клонящаяся къ уничтоженію взяточничества и лихоимства въ странѣ, оказываются до сихъ поръ палліативами.

Эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ нѣсколько выше средняго роста, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія. Онъ бесспорно одинъ изъ самыхъ красивыхъ мужчинъ ханства. Правильныя, пропорціо-нально-тонкія черты лица, обрамленнаго черной, какъ смоль, бородкой, матово-прозрачный цвѣтъ кожи, правильный овалъ глубокихъ, съ оттѣнкомъ мечтательности, черныхъ, какъ агать, глазъ, не напоминаютъ въ немъ ничего узбекскаго и являются античнымъ образцомъ аристократическаго таджикскаго типа. Красивые бѣлые зубы, маленькая рука и нога, мягкій и пріятный тембръ голоса и изящная простота манеръ дополняютъ симпатичный портретъ вл-стителя священной Бухары.

Въ настоящее время эмиру 35 лѣтъ, но на видъ онъ кажется гораздо моложе.

Эмиръ, повидимому, сознаетъ, что природа не обидѣла его своими дарами. Онъ занятъ своею наружностью, старается одѣваться всегда къ лицу, а въ разговорѣ съ новыми лицами видимо бываетъ заинтересованъ впечатлѣніемъ, которое произведетъ на посѣтителя его внѣшній обликъ.

Обычная одежда Сеидъ-Абдуль-Ахата состоитъ изъ національнаго таджикскаго костюма, то-есть изъ бешмета, шелковаго халата и такихъ же чамбръ, заправленныхъ въ мягкіе кожаные ичиги. На головѣ носится вышитая шелками тюбитейка, а при выходахъ изъ дворца и во время молитвы поверхъ тюбитейки надѣвается еще бѣлая чалма. Въ торжественныхъ случаяхъ эмиръ надѣваетъ военную форму, состоящую изъ вышитаго золотомъ суконнаго двубортнаго мундира до колѣнъ, такихъ же рейтузъ на выпускъ, съ раструбами внизу, опущенными короткимъ мѣхомъ, и сапогъ со шпорами европейскаго образца. Поверхъ параднаго мундира надѣваются густыя эполеты и осыпанный драгоценными камнями широкій поясъ, къ которому пристегнута кривая хоро-санская пашка въ дорогихъ ножнахъ.

При этомъ одѣяніи, составляющемъ полную парадную форму эмира, онъ носитъ всѣ свои орденскіе знаки, а именно: ленту и осыпанный брилліантами орденъ Бѣлаго Ора, пожалованный ему государемъ императоромъ въ 1886 году, такой же орденъ св. Станислава 4-й степени, полученный имъ ранѣе, въ бытность на коронаціи. Осыпанную огромными брилліантами «Восходящую звѣзду священной Бухары», составляющую орденъ его дома¹⁾, эмиръ по-

¹⁾ Орденъ «Восходящей звѣзды священной Бухары» былъ учрежденъ эмиромъ Мозафаръ-Эддиномъ въ 1881—1882 г. Онъ имѣетъ пять степеней и жалуется эмиромъ только военнымъ и иностранцамъ. Кромѣ того, на офицерахъ и солдатахъ бухарской арміи мы видѣли какіе-то орденскіе знаки другаго образца, выдаваемые имъ эмиромъ за особые заслуги.

сидеть обыкновенно рядомъ съ Бѣлымъ Орломъ а затѣмъ еще идутъ какіе-то украшенные драгоценными камнями орденовые знаки, повидимому, турецкіе или персидскіе. Головной уборъ эмира, при этой формѣ, составляетъ бѣлая кашемировая, или индійской кисей, пышная чалма¹⁾.

Въ этомъ европейско-азиатскомъ одѣяніи, засѣдая на своемъ обычномъ тронѣ, состоящемъ изъ рѣзнаго деревяннаго кресла съ низенькой спинкой туземной работы, посреди ковровъ и всевозможныхъ восточныхъ орнаментовъ, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ является типомъ средне-азиатскаго властителя современной, переходной, формации.

Въ менѣ торжественныхъ официальныхъ случаяхъ эмиръ надѣваетъ цвѣтной бархатный мундиръ, съ русскими генеральскими погонами, при орденахъ, но безъ ленты.

По общимъ отзывамъ, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ отъ природы справедливъ, добръ и мягкосердеченъ, но подозрителенъ, вспыльчивъ и упрямъ. Относительно окружающихъ его должностныхъ лицъ администраціи онъ проявляетъ иногда крайнюю требовательность, доходящую до педантизма: онъ во все вмѣшивается, входитъ во всѣ мелочи правленія страной и, по выраженію бухарцевъ, хочетъ командовать и распоряжаться всѣми, отъ кушъ-беги до послѣдняго нукера. Въ особенности вызываетъ неудовольствіе лѣнливыхъ и неподвижныхъ азіатцевъ то, что эмиръ, просыпаясь обыкновенно съ восходомъ солнца, тотчасъ же принимается за дѣла и требуетъ, чтобы всѣ должностныя лица администраціи находились къ тому времени уже на опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ. Замѣтивъ какое нибудь злоупотребленіе или упущеніе, онъ круто распоряжается съ виновными и, въ припадкахъ вспыльчивости, собственноручно расправляется иногда съ нарушителями изданныхъ имъ постановленій. При всемъ этомъ, эмиръ отнюдь не жестокъ, не злопамятенъ, привѣтливъ и ласковъ съ народомъ и вообще съ тѣми, кого онъ считаетъ безусловно исполняющимъ свои обязанности.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ проводитъ въ своей столицѣ не болѣе полугода. Зимой онъ уѣзжаетъ обыкновенно на нѣсколько мѣсяцевъ, въ Шахризязь и Карши, гдѣ климатъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, а іюнь и іюль проводитъ въ Кермине²⁾,

¹⁾ Чалма изображаетъ собою саванъ, или покровъ, который каждый мусульманинъ долженъ имѣть на головѣ, какъ напоминаніе о смерти. Коранъ опредѣляетъ длину чалмы въ 7 аршинъ, но мусульманское благочестіе увеличиваетъ ее до 14, 28 и даже 42.

²⁾ Эти ежегодныя поѣздки бухарскихъ эмировъ по своей странѣ съ теченіемъ времени приобрѣли традиціонное значеніе. По всей вѣроятности, онѣ заимствуютъ свое историческое начало изъ эпохи Чингизидовъ, имѣвшихъ обыкновеніе проводить разные періоды года въ разныхъ провинціяхъ своей имперіи. (Марко Поло, стр. 208).

которое особенно любить, какъ родину и свой бывший удѣлъ. Въ этихъ поѣздкахъ его обыкновенно сопровождаетъ большая свита и значительный конвой, но семья эмира и высшіе чины администраціи остаются въ Бухарѣ. Возвращаясь въ столицу, эмиръ рѣдко занимаетъ большой дворецъ на Регистанѣ, а проживаетъ, большею частью, въ загородномъ замкѣ Ширъ-Баданѣ, снабженномъ всеми удобствами и комфортомъ европейской жизни.

Но гдѣ бы ни проживалъ эмиръ, режимъ его жизни остается всегда одинъ и тотъ же. Вставая съ восходомъ солнца, онъ посвящаетъ нѣсколько минутъ своему туалету, затѣмъ совершаетъ краткую молитву и выходитъ въ приемную залу, гдѣ его ожидаетъ завтракъ и собравшіеся уже къ тому времени, съ докладами, сановники и царедворцы.

Помѣстившись на диванѣ, передъ которымъ ставится небольшой столъ, эмиръ поочередно выслушиваетъ доклады собравшихся должностныхъ лицъ. Въ это время ему подають завтракъ, меню котораго ежедневно состоитъ изъ восьми блюдъ. Выбравъ одно-два блюда, онъ приказываетъ подать остальное присутствующимъ лицамъ. Послѣ этого подается чай. Выслушавъ доклады, эмиръ принимаетъ просителей и занимается судебными дѣлами. Отъ 11 до 2 часовъ онъ отдыхаетъ; въ 2 часа обѣдаетъ, послѣ чего опять принимаетъ просителей и разбираетъ тяжёбныя дѣла. Окончивъ это, онъ просматриваетъ донесенія бековъ и вообще всё поступающія втеченіе дня бумаги. Передъ закатомъ солнца совершаетъ намазъ и въ третій разъ принимаетъ всѣхъ имѣющихъ къ нему какое нибудь дѣло. Въ 8—9 часовъ вечера онъ удаляется во внутренніе покои дворца, гдѣ ужинаетъ и предаётся гаремнымъ развлеченіямъ.

Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, около 12 часовъ по полудни, эмиръ отправляется, съ большой торжественностью, на молитву въ главную соборную мечеть того города, гдѣ онъ находится. Его сопровождаютъ обыкновенно всѣ высшіе сановники и блестящая свита. Впереди ѣдутъ удайчи, съ длинными жезлами въ рукахъ, которые призываютъ благословеніе Божіе на главу своего повелителя. Тутъ же ѣдутъ казначеи эмира, которые раздають милостыню нищимъ.

Эмиръ совершаетъ эти выѣзды всегда верхомъ.

Вообще Сеидъ-Абдуль-Ахатъ не любитъ экипажей и чрезвычайно рѣдко пользуется ими.

Кстати сказать, что ѣзда въ придворныхъ бухарскихъ экипажахъ производится совсѣмъ инымъ способомъ, чѣмъ у насъ. Козлы обыкновенно остаются незанятыми, а кучера помѣщаются верхомъ на лошадахъ, запряженныхъ попарно въ 1, 2 и 3 пары. На каждой парѣ помѣщается одинъ ѣздовой, управляя своей и сподручной лошадыю съ помощью уздечки.

Въ теплую и сухую погоду эмиръ совершаетъ по улицамъ болѣе или менѣе длинныя прогулки верхомъ, посѣщаетъ байгу, кокъбури и скачки.

Ирѣдка это однообразное препровожденіе времени нарушается поѣздками эмира въ гости къ высшимъ сановникамъ ханства, совершаемыми всегда съ большой пышностью. Эта высоко цѣнимая бухарцами честь обходится имъ обыкновенно очень дорого, ибо, по установившемуся издревле обычаю, сановникъ, удостоившійся такой чести, долженъ поднести эмиру не менѣе 9 бакчей халатовъ, 9 лошадей въ полномъ уборѣ и 9 мѣшечковъ серебряныхъ монетъ разной стоимости¹⁾; кромѣ того, одарить и угостить всю свиту эмира, а путь его отъ дворца до воротъ посѣщаемого жилища осыпать серебряными монетами (теньга 20 коп.), а отъ воротъ до входа въ домъ золотыми тиллями (золотая бухарская тилля стоитъ 6 руб.)²⁾.

Богатые увеличиваютъ эти подарки вдвое, иногда втрое, сдвигая при удобномъ случаѣ съ народа затраченныя суммы.

Посѣщеніе эмира, кромѣ угощенія, сопряжено съ устройствомъ томаши, на которой подъ звуки туземной музыки пляшутъ бачи, показываютъ свое искусство акробаты и фокусники, а странствующие поэты и сочинители читаютъ свои произведенія.

Кухня Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана состоитъ исключительно изъ азіатскихъ блюдъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ палау. Вина онъ совсѣмъ не употребляетъ и не курить. Въ пищѣ соблюдаетъ большую умѣренность, придерживаясь убѣжденія, что это лучшее средство сохранить здоровье.

Заболѣвъ, эмиръ пользуется совѣтами туземныхъ врачей, и мы не слыхали, чтобы онъ обращался когда нибудь къ совѣтамъ проживающаго въ Бухарѣ русскаго доктора.

Гаремная жизнь эмира составляетъ тайну даже для близкихъ къ нему людей, и о ней можно судить лишь по слухамъ. На востокѣ вообще неприлично говорить о женщинахъ, о семейной жизни того или другаго лица, такъ что выяснить обстоятельно семейный бытъ повелителя Бухары рѣшительно не представляется возможности даже путемъ разговоровъ объ этомъ съ приближенными Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана³⁾. Что же касается до такъ на-

¹⁾ Въ тюркскомъ народѣ издавна укоренился обычай приводить всякое дѣло къ цифрѣ 9. Это употребленіе числа 9 произошло отъ первыхъ 9 монгольскихъ хановъ, отъ Монголь-хана до Иль-хана (Абуль-Гази, стр. 12).

²⁾ Этотъ древній обычай установленъ въ Бухарѣ со временъ Чингисидовъ. Безъ сомнѣнія, при настоящемъ положеніи вещей онъ представляетъ одно изъ золъ, съ которымъ Сеидъ-Абдуль-Ахату давно слѣдовало бы покончить.

³⁾ Согласно съ правилами ислама неприлично говорить о чьей нибудь женѣ, и потому на востокѣ употребляются метафоры для выраженія идеи супружества. Такъ, турокъ въ обществѣ называетъ свою жену гаремомъ, персіянинъ — выраженіемъ, подразумевающимъ домъ, хозяйство, туркменъ — палаткой, а житель

зваемыхъ «базарныхъ» слуховъ, то имъ отнюдь нельзя придавать серьезнаго значенія.

Тѣмъ не менѣе, извѣстно, что новый эмиръ втеченіе своего семилѣтняго правленія успѣлъ обзавестись значительнымъ гаремомъ. Время отъ времени онъ устраиваетъ въ немъ праздники для своихъ женъ, разрѣшаетъ имъ прогулки въ окрестностяхъ столицы и въ горы, въ закрытыхъ туземныхъ экипажахъ, посѣщеніе родныхъ, и нѣсколько разъ въ годъ открываетъ внутри дворца базары, на которыхъ онѣ могутъ покупать нужные для нихъ предметы.

У Сеидъ-Абдуль-Ахата было всего пять сыновей, изъ которыхъ остались въ настоящее время въ живыхъ только два: Сеидъ-Миръ-Алемъ—13 лѣтъ и Сеидъ Миръ-Хуссейнъ—9 лѣтъ. Старшій сынъ эмира Сеидъ-Миръ-Абдуллахъ долженъ былъ сдѣлаться наслѣдникомъ Бухарскаго ханства. Эмиръ уже намѣревался отправить его въ Россію, съ цѣлью дать ему европейское образованіе, но въ 1889 году онъ потерялъ этого сына, вмѣстѣ съ двумя младшими, погибшими отъ дифтерита или эпидемической малярной лихорадки.

Теперь наслѣдникомъ Абдуль-Ахата считается 13-ти-лѣтній Сеидъ-Миръ-Алемъ, котораго эмиръ намѣревается везти въ Россію, гдѣ оставить до окончанія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Бухарцы рассказываютъ чудеса о колоссальныхъ богатствахъ эмира, заключающихся въ наличныхъ деньгахъ, драгоценностяхъ, золотой и серебряной утвари и проч.

По ихъ словамъ, одни наличные капиталы эмира достигаютъ 100 милліоновъ рублей. Но это, безъ сомнѣнія, составляетъ выдумку. Состояніе эмира едва ли превышаетъ цифру 12—15 милліоновъ. Что же касается его сокровищъ, то и онѣ едва ли такъ значительны, какъ объ этомъ думаютъ. Бухара—страна подарковъ и, безъ сомнѣнія, если бы эмиры только одной династіи Мангытъ вздумали сохранять всѣ драгоценные предметы, присланные имъ одновременно въ подарокъ русскими государями, турецкими султанами, персидскими и другими сосѣдними властителями, а за послѣднія 25 лѣтъ—туркестанскими генераль-губернаторами, то это, вмѣстѣ съ подношеніями ихъ подданныхъ и коронными драгоценностями, составило бы при переводѣ на деньги огромную цифру. Между тѣмъ, мы знаемъ, что предки эмира до Мозафаръ-Эддина включительно имѣли обыкновеніе сохранять изъ этихъ цѣнностей только тѣ предметы, которые имѣли историческое значеніе или оказывались нужными въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Остальное, не желая продавать и находя въ то же время излишнимъ сохранять въ своихъ подвальныхъ кладовыхъ, они переливали въ монету.

Средней Азіи — балашака (дѣти). Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», приложение I, стр. 51.

Эта своего рода похвальная щепетильность была, однако, причиною варварскаго истребленія массы драгоценныхъ по работѣ издѣлій изъ серебра и золота, цѣлыми ворохами привозимыхъ и присылаемыхъ въ подарокъ эмирамъ изъ Россіи и другихъ странъ. Запасъ драгоценныхъ камней въ казнѣ эмира также едва ли значителенъ. Мы знаемъ, что Сеидъ-Абдуль-Ахатъ весьма нерѣдко покупаетъ брилліанты и жемчугъ для подарковъ своимъ женамъ, чего онъ, вѣроятно, не дѣлалъ бы, если бы увѣренія бухарцевъ о томъ, что въ кладовыхъ Регистанскаго дворца хранятся цѣлые ящики того и другаго, были справедливы.

При всемъ томъ, личное состояніе Сеидъ-Абдуль-Ахата, заключающееся въ принадлежащихъ ему земляхъ, капиталахъ и драгоценностяхъ, конечно, относительно громадно. А такъ такъ, по общему отзыву, эмиръ чрезвычайно расчетливъ и далеко не проживаетъ всѣхъ своихъ доходовъ, то, безъ сомнѣнія, со временемъ богатство его достигнетъ дѣйствительно колоссальной цифры.

Упомянувъ выше о подаркахъ, мы считаемъ необходимымъ выяснитъ ихъ историческое происхожденіе въ Бухарскомъ ханствѣ и вообще на востокѣ.

Законъ Магомета повелѣваетъ каждому мусульманину съ честью принять гостя, кто бы онъ ни былъ, угостить его, дать ему возможность отдохнуть, если онъ путешественникъ, а отпуская — позаботиться о его одеждѣ и конѣ. Вслѣдствіе этого, еще со временъ утвержденія ислама, въ странѣ вошло въ обычай, что эмиры бухарскіе щедро одаряли всѣхъ путешественниковъ и вообще всѣхъ посѣщающихъ ихъ пріѣзжихъ лицъ. Предметъ подарка составляла обыкновенно лошадь въ полномъ уборѣ, полный комплектъ одежды и нѣсколько кусковъ различныхъ тканей туземной работы. Болѣе значительныя лица получали нѣсколько лошадей, нѣсколько комплектовъ одежды и т. д.

Въ свою очередь, эмиры не гнушались подарками, которые имъ приносили иноземные и свои пріѣзжіе посѣтители, и принимали ихъ.

Съ теченіемъ времени этотъ обычай взаимнаго одариванія сдѣлался съ одной стороны какъ бы синонимомъ дружбы и расположенія эмира къ посѣтителю, а съ другой — знакомъ вниманія и уваженія къ нему.

Впослѣдствіи вошло въ обычай, при отправленіи изъ Бухары пословъ къ союзнымъ и дружественнымъ государямъ, тоже посылать при нихъ подарки. Это, разумѣется, вызвало взаимность.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ придерживается этого древняго обычая, щедро одаряя всѣхъ вновь представляющихся къ его двору.

Мы уже упомянули выше, что эмиръ есть глава ханства, но ограниченный каноническимъ мусульманскимъ правомъ, то-есть кораномъ и шаріатомъ.

Его ближайшимъ помощникомъ по управленію ханствомъ дол-

женъ быть аталыкъ. Должность эта остается, однако, не замѣщенной со временъ Насръ-Уллаха, назначившаго въ послѣдній разъ аталыкомъ владѣтеля шахризъбскаго—Даніара.

Ближайшимъ помощникомъ эмира въ настоящее время является 40-ти-лѣтній кушъ-беги Ша-Мирза. Должность кушъ-беги, по своему внутреннему значенію въ Бухарскомъ ханствѣ, можетъ быть приравниваема къ должности вице-канцлера. Кромѣ того, она сопряжена съ должностями коменданта арка, дворца на Регистанѣ, губернатора города Бухары, хранителя государственной печати и казны эмира. Эту послѣднюю обязанность Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ передалъ, впрочемъ, другому лицу, поручивъ, взамѣнъ ея, Ша-Мирзѣ завѣдываніе таможенными сборами въ столицѣ.

Ша-Мирза родомъ персіянинъ. Еще ребенкомъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ туркменами, которые продали его въ рабство Мозафаръ-Эддину, при которомъ онъ и состоялъ въ услуженіи. При переселеніи Сеидъ-Абдуль-Ахата въ Кермине, покойный эмиръ назначилъ Ша-Мирзу къ нему казначеемъ, а затѣмъ бекомъ въ Хатырчи. Абдуль-Ахатъ перевелъ его оттуда бекомъ въ Шахризъбъ, а послѣ смерти Муллы-Мехмедъ-Бія, въ 1889 году, назначилъ на должность кушъ-беги.

Ша-Мирза обладаетъ красивой наружностью типичнаго персіянина, чрезвычайно словоохотливъ, простъ и веселъ. Эру его жизни составляетъ поѣздка въ Петербургъ въ 1888 году во главѣ посольства, которому было поручено повергнуть предъ государемъ императоромъ благодарность эмира за проведеніе чрезъ его владѣнія Закаспійской желѣзной дороги. Онъ до сей минуты вспоминаетъ съ живѣйшимъ восторгомъ обо всемъ видѣнномъ въ Россіи, о милостивомъ приѣмѣ государя императора, съ благоговѣніемъ показывая всѣмъ своимъ новымъ знакомымъ подаренную ему при этомъ богатую пашку и орденскіе знаки св. Станислава 1-й степени, которыми чрезвычайно гордится.

Кушъ-беги живетъ всегда въ Регистанскомъ дворцѣ, гдѣ для помѣщенія этого сановника со всей его семьей, чадами и домоладцами имѣется отдѣльный домъ и дворъ. Особенность его положенія состоитъ въ томъ, что, по законамъ страны, во время отлучекъ эмира изъ Бухары онъ не имѣетъ права оставлять дворецъ и живетъ тамъ безвыѣздно до возвращенія въ столицу своего повелителя.

Эмиръ цѣнитъ въ Ша-Мирзѣ его честность и преданность, будучи совершенно покоенъ за управленіе столицей во время своихъ отлучекъ оттуда.

Вторымъ сановникомъ въ ханствѣ послѣ Ша-Мирзы является молодой Астанакулъ-парваначи, исполняющій обязанности главнаго зякетчія (нѣчто въ родѣ министра финансовъ) въ Бухарскомъ ханствѣ. Этотъ молодой и способный сановникъ представляетъ собой

нарождающійся типъ бухарца современной формаціи, сложившейся подъ вліяніемъ отношеній къ русской цивилизаціи.

Онъ не пользуется, какъ говорятъ, личными симпатіями эмира, но Сеидъ-Абдуль-Ахатъ, цѣня службу его престарѣлаго дѣда и отца, а также подъ вліяніемъ симпатій къ нему русскихъ властей, справедливо предоставляетъ ему значительную долю вліянія въ дѣлахъ ханства.

Слѣдующими затѣмъ наиболѣе вліятельными лицами при дворѣ эмира являются: начальникъ артиллеріи бухарской арміи Топчи-баши-Мулла-Махмудъ, совѣтникъ эмира Дурбинъ-бій и начальникъ ширъ-баданскаго гарнизона Халь-Мурадъ-Бекъ.

Всѣ эти лица имѣютъ, такъ сказать, лишь мѣстное значеніе, ибо во главѣ арміи и администраціи стоитъ самъ эмиръ, непосредственно всѣмъ распоряжаясь путемъ прямыхъ сношеній съ беками (губернаторами провинцій), съ начальниками отдѣльных частей войскъ, а по дѣламъ внѣшней политики—съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, съ политическимъ агентомъ въ Бухарѣ и съ сосѣдними владѣтелями.

Только въ отношеніи церковныхъ дѣлъ эмиръ не предпринимаетъ ничего помимо шейхъ-уль-ислама и ходжа-каляна, являющихся представителями высшей духовной власти въ странѣ.

При особѣ эмира состоитъ совѣтъ изъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ лицъ, который онъ собираетъ для обсужденія всякой предполагающейся важной реформы. По обычаямъ страны, онъ не можетъ предпринять ничего рѣшительнаго безъ предварительнаго обсужденія этимъ совѣтомъ проектируемой реформы.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ чиновъ и должностей сложной бухарской администраціи и укажемъ лишь на особенно выдающіеся.

Изъ нихъ по духовной части наиболѣе важными являются: шейхъ-уль-исламъ, ходжа-калянъ, накибъ и райсъ.

Всѣ эти лица обязательно происходятъ изъ сословія сеидовъ и ходжей¹⁾. Они являются ближайшими совѣтниками и помощниками эмира въ судебныхъ дѣлахъ, вѣдаютъ церковныя дѣла, засѣдаютъ въ ханскомъ совѣтѣ и вообще пользуются широкими правами и большимъ вліяніемъ. Ходжа-калянъ есть единственное лице, при встрѣчѣ съ которымъ эмиръ цѣлуется и которое имѣетъ право вхо-

¹⁾ Сеидами называются всѣ вообще потомки первыхъ четырехъ халифовъ, преемниковъ Магомета: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али, женатаго на любимой дочери пророка Фатимѣ. Титулъ ходжей носятъ потомки Магомета отъ другихъ его дочерей. Въ Туркестанскомъ краѣ принято называть также ходжами всѣхъ тѣхъ мусульманъ, которые совершили паломничество въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета.

Остальной бухарскій народъ раздѣляется на два сословія: сипаевъ—служащихъ и фукара—неслужащихъ.

дить къ нему неподпоясаннымъ. Раисъ—есть блюститель общественной нравственности и исполненія правовѣрными внѣшнихъ правилъ мусульманской обрядности.

Высшими представителями гражданскаго управленія считаются кушъ-беги, главный зякетчій и беки—губернаторы областей. Имъ за особыя заслуги придаются иногда званія диванъ-беги (нѣчто въ родѣ званія статсъ-секретаря), парваначи, инаковъ и биевъ. Есть и такія лица, которыя носятъ только одни эти званія, не занимая опредѣленныхъ должностей и лишь состоя при дворѣ и при особѣ эмира.

Старшимъ лицомъ въ арміи эмира считается топчи-баши, за нимъ слѣдуетъ чинъ-датха (бухарскій генераль) и токсаба (полковникъ); чинъ мирахура равняется чину капитана.

Придворный штатъ эмира состоитъ изъ гражданскихъ и военныхъ лицъ. Между первыми считаются наиболѣе важными удайги (церемоніймейстеры) и мехремы (камергеры). Адъютанты эмира числятся въ званіяхъ мирахуровъ и иногда биевъ.

Изъ этой послѣдней категоріи лицъ наибольшимъ расположеніемъ эмира пользуются почтенный и представительный старецъ удайги Яхши-бекъ, ведущій свой древній родъ отъ арабовъ-завоевателей; Насръ-Улла-бій, узбекъ, бывшій воспитатель и наставникъ брата эмира Сеидъ-Миръ-Мансура; молодой и красивый мирахуръ-баши Юнусъ-Магометъ, завѣдывающій конюшнями и экипажами эмира; мирахуръ Мирза-Джаляль и персіанинъ токсаба Абдуль-Кадыръ, командующій коннымъ ханскимъ конвоемъ. Двое послѣднихъ назначаются обыкновенно эмиромъ въ качествѣ посланцевъ для доставленія особо важныхъ писемъ и подарковъ туркестанскимъ генераль-губернаторамъ.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ чрезвычайно твердъ въ своихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ людямъ. Опала при его дворѣ вещь вообще рѣдкая, и въ этомъ отношеніи онъ отнюдь не подражаетъ своимъ капризнымъ, жестокимъ и деспотическимъ предкамъ, каждый отдѣльный порывъ гнѣва которыхъ навлекалъ на провинившагося полнѣйшую опалу, конфискованіе имущества, а иногда и смерть. До сихъ поръ не слышно было, чтобы Сеидъ-Абдуль-Ахатъ смѣщаль съ должностей или налагалъ взысканіе на служащихъ и придворныхъ лицъ за что либо другое, кромѣ злоупотребленій по службѣ, взяточничества или общихъ преступленій, предусмотрѣнныхъ мусульманскимъ кодексомъ.

При всемъ томъ, сила привычки къ наружному низкопоклонству и раболѣпію въ бухарскомъ народѣ на столько велика, что едва ли мы найдемъ другой дворъ на востокѣ, кромѣ развѣ персидскаго, гдѣ личность правителя пользовалась бы наружнымъ поклоненіемъ въ такой степени, въ какой пользуется въ Бухарѣ личность эмира. При видѣ своего повелителя каждый бухарецъ, какъ бы онъ ни

стоялъ высоко въ общественной или служебной іерархіи, буквально, обращается въ ничто. Эта черта низкопоклонства наиболее присуща высшимъ придворнымъ и административнымъ сферамъ, тогда какъ духовенство и простой народъ выражаютъ, по отношенію къ эмиру, болѣе самостоятельности и чувства собственнаго достоинства.

Бухара живетъ почти исключительно своей внутренней, само-бытнотой жизнью. Поэтому ея внѣшнія сношенія отнюдь не сложны. Они заключаются главнымъ образомъ въ сношеніяхъ съ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, который, по дѣламъ международнымъ, торговымъ и политическимъ, является главнымъ посредникомъ между эмиромъ и нашимъ центральнымъ правительствомъ. Политическое агентство въ Бухарѣ имѣетъ цѣлью охраненіе на мѣстѣ нашихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ въ ханствѣ, а также является наблюдательной инстанціей по отношенію къ проживающимъ въ Бухарѣ русскимъ подданнымъ.

Сеидъ-Абдуль-Ахатъ, сознавая всю важность для страны такого мѣстнаго представительства, пользуется имъ, какъ совѣщательнымъ ресурсомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ не только внѣшней, но и внутренней политики. Разумѣется, это не составляетъ ошибки правленія молодаго эмира, ибо въ лицѣ нашего политическаго агента въ Бухарѣ, П. М. Лессара, онъ находитъ не только олицетвореніе прямого, честнаго и открытаго образа дѣйствій Россіи къ покровительствуемому ею маленькому государству, но и высоко образованнаго человѣка, имѣющаго возможность принести существенную пользу странѣ своими обширными научно-практическими познаніями, специализированными на почвѣ Средней Азіи.

Два раза въ годъ, зимой и въ началѣ лѣта, между эмиромъ и туркестанскимъ генераль-губернаторомъ происходитъ обмѣнъ при-вѣтствій посредствомъ небольшихъ посольствъ. Этотъ обмѣнъ посольствъ сопряженъ съ обычнымъ на востокѣ обмѣномъ подарковъ.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ эмиръ высылаетъ посольства къ высочайшему двору, какъ это было въ послѣдній разъ въ 1888 году, по случаю открытія Закаспійской желѣзной дороги.

П. Шубинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1892 г.

	СТР.
I. Последній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XXV—XXVIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	233
II. До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XXI—XXIII. (Окончаніе). И. И. Потапенко	262
III. Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. 1823 годъ. III—V. (Окончаніе).	275
IV. Военная гроза. Повѣсть. Главы VIII—XI. (Окончаніе). А. И. Лемана.	306
V. Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева. XII—XIV. (Продолженіе)	338
VI. Очерки Бухары. II. (Продолженіе). П. П. Шубинскаго	363
VII. Гоголь, какъ историкъ. Ф. А. Витберга	390
VIII. Ермакъ въ былинахъ русскаго народа. А. В. Оксенова	424
IX. Писатель двадцатыхъ годовъ. С. С. Трубочева	443
Иллюстрація: Портретъ князя Петра Андреевича Вяземскаго.	
X. Хутынскій монастырь. (По поводу семисотлѣтія съ его основанія). И. Привольева	455
Иллюстрація: Хутынскій монастырь (1. Общій видъ монастыря съ р. Волхова.—2. Преображенскій соборъ, освященный въ 1515 г.—3. Рака надъ мощами пр. Варлаама.—4. Холмъ за монастырской оградой съ часовней на мѣстѣ бывшей вѣдьи преподобнаго).	
XI. Бритика и библиографія	462
1) О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. П. В. Безобразова. Москва. 1892. А. Л.—на.—2) Е. И. Утинъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892. Р. И. Сементювнаго.—3) Г. Джавшѣвъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1892. А. Фаресова.—4) Рулетка въ Монако. Переводъ съ французскаго. Москва. 1892. В.—ъ.—5) Историческій очеркъ Романово-Борисоглѣбскаго училища (1787—1891 г.). Составилъ А. А. Кузнецовъ. Мышкинъ. 1892. В. Б.	
XII. Заграничныя историческія новости	473
XIII. Смѣсь	481
1) Дворецъ царевича Дмитрія. — 2) Десятилѣтняя годовщина смерти М. Д. Скобелева. — 3) Полувѣковая дѣятельность профессора Павлова. — 4) Присужденіе премій Петра Великаго. — 5) Могила Фонвизина и другихъ писателей. — 6) Археологическое общество. — 7) Некрологи: К. Ф. Ординъ; В. М. Каченовскій; Д. А. Кобыковъ.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. — 2) Роялистская заговорщица. (Вѣже). Историческій романъ Жюль Лермина. Переводъ съ французскаго. XX—XXIII. (Окончаніе). — 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

ОЧЕРКИ БУХАРЫ¹⁾.

II.

Страдальческая черта въ исторической жизни Трансоксаніи. — Четыре главные періода ея исторіи. — Извѣстія древнѣйшихъ географовъ и лѣтописцевъ. — Владычество персовъ и македонянъ. — Появленіе варваровъ и наступившій съ ними темный періодъ. — Легенда объ основаніи Бухары и о первыхъ династіяхъ. — Завоеванія арабовъ и утверженіе ислама. — Саманиды, Сельджукиды, Хорезмскіе князья. — Блестящій періодъ процвѣтанія Трансоксаніи. — Нашествіе монголовъ уничтожаетъ культуру, науки и образованность. — Чингисиды. — Бѣдствія страны въ періодъ ихъ управленія. — Усиленіе вліянія ислама. — Тимуръ искусственно возрождаетъ Трансоксанію. — Узбеки. — Шейбаниды и Аштарханиды. — Упадокъ культурной и духовной жизни таджикскаго народа. — Эпоха проявленія крайняго фанатизма и суевѣрія. — Династія Мангытъ довершаетъ распаденіе Трансоксаніи. — Стремленія Россіи возстановить прерванный международный путь. — Грандіозный замыселъ Петра Великаго и политика его преемниковъ. — Причины, вызвавшія вооруженное движеніе Россіи въ Среднюю Азію. — Результаты этого движенія. — Краткое обзорѣніе Бухарскаго ханства въ настоящемъ его объемѣ. — Что намъ общають въ будущемъ народности Средней Азіи.

ВЪ ИСТОРИИ народовъ едва ли найдется другая много-страдательная страна, кромѣ развѣ Грузіи, которая выдержала бы столько всевозможныхъ бѣдствій, сколько выдержала ихъ древняя Трансоксанія, извѣстная со времени порабощенія ея арабами подъ именемъ Мавероунъ-негра, — названія, которое въ позднѣйшіе вѣка было замѣнено названіемъ Бухары, или Бухарскаго ханства. Это послѣднее названіе страна заимствовала отъ своего столичнаго города, возникновеніе котораго слѣдуетъ отнести ко временамъ почти доисторическимъ.

Слово «бухара» есть туранское слово. На монгольскомъ языкѣ оно означаетъ «буддійскій храмъ, монастырь», что какъ будто намекаетъ на возникновеніе древней столицы Трансоксаніи въ эпоху утвержденія въ странѣ ученія Будды, то-есть въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 118.

На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Группируя извѣстныя до сего времени историческія данныя, можно съ увѣренностью сказать, что городъ Бухара носилъ ранѣе другое названіе ¹⁾ и возникъ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за вулканическимъ переворотомъ, измѣнившимъ водную систему Средней Азіи, въ періодъ времени между VIII—VII столѣтіями до Р. Х. Этотъ переворотъ служитъ исходной точкой исторіи страны, ея столицы и таджикскаго народа. Мы раздѣляемъ исторію Трансоксаніи на четыре главные періода, а именно: отъ геологическаго или вулканическаго переворота до нашествія арабовъ и утвержденія ислама; отъ этого послѣдняго до появленія монголовъ и владычества Чингиса; отъ Чингиса до Тимура; отъ Тимура до современной намъ исторіи Бухары и Туркестанскаго края. Сообразно этому, прежде чѣмъ перейдти къ описанію современнаго положенія бывшей столицы Трансоксаніи мы постараемся представить читателю въ сжатомъ очеркѣ ея историческія судьбы, въ связи съ судьбами всей страны и населяющаго ее таджикскаго народа.

Первыми извѣстіями о Трансоксаніи мы обязаны пророку Іезекілю, который, въ XXXI главѣ своей книги, свидѣтельствуетъ что страна эта, еще до покоренія ея персами, была богата и стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія народовъ древняго міра ²⁾. Даже поработеніе ея Киромъ и вулканическій переворотъ, измѣнившій водную систему Средней Азіи и бывший, какъ можно думать, причиною неисчислимыхъ бѣдствій для ея обитателей, не въ состояніи были подорвать экономическаго превосходства Трансоксаніи надъ остальными народами, составлявшими Персидскую монархію, такъ какъ, по свидѣтельству Геродота, 14 и 16 сатрапій, въ концѣ VI вѣка до Р. Х., платили Дарію Гистаспу ежегодно 900 талантовъ серебра, то-есть на 200 талантовъ болѣе Египта. Тому же писателю мы обязаны извѣстіемъ, что колхидяне ѣздили въ Среднюю Азію за товарами и доставляли ихъ въ Европу ³⁾. Во времена Дарія Гистаспа посѣтилъ Трансоксанію Пинеагоръ. Описанная имъ земля Зарангейская есть Трансоксанія. Онъ говоритъ, что земля эта была населена арійскимъ племенемъ и имѣла главный городъ Артоксану. Племя и городъ заимствовали свое названіе и богатство отъ рѣки Арія ⁴⁾. Въ V вѣкѣ до Р. Х. народы, населявшіе

¹⁾ Вамбери предполагаетъ, что Бухара носила первоначально иранское названіе Джемукетъ («Исторія Бохары», т. I, стр. 15).

²⁾ Пророкъ Іезекіиль, послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 году до Р. Х., въ числѣ другихъ іудеевъ былъ выселенъ въ Халдею, лежащую на востокѣ нынѣшняго Ирана, въ близкомъ сосѣдствѣ Туркестана. Книга пророка Іезекіиля включаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, доказывающій, что онъ основательно зналъ современную ему исторію (Чайковскій, «Туркестанъ и его рѣка по Библии и Геродоту», 1884 г., стр. 9, 10, 13—17).

³⁾ «Аму и Узбой», Самара, 1879 г., стр. 1.

⁴⁾ Чайковскій, стр. 11.

Трансоксанію и подвластные персамъ, принимали участіе въ нашествіи Ксеркса на Грецію. Народы эти были гирканяне, бактріане, хорезмیانе и зарангеяне. Въ IV вѣкѣ Трансоксанія вмѣстѣ съ прочими владѣніями персидскаго царя Дарія была завоевана Александромъ Македонскимъ. Отсюда весной 327 года онъ предпринялъ походъ въ Индію ¹⁾. Эта эпоха находитъ себѣ описателей въ лицѣ Страбона, Плинія и отчасти Плутарха. По смерти Александра Великаго на развалинахъ созданной имъ колоссальной имперіи было основано великолѣпное Греко-Бактрійское царство, просуществовавшее до 125 года, когда оно было разрушено скивами или саками ²⁾. Съ этого момента до VII вѣка по Р. Х. непроницаемый мракъ окутываетъ втеченіе почти восьми столѣтій исторію Трансоксаніи. Мы склонны думать, что въ этотъ періодъ времени Трансоксанія не имѣла ни постоянныхъ границъ, ни прочнаго государственнаго устройства и испытывала переходное состояніе, объяснимое ея географическимъ положеніемъ въ началѣ того огромнаго пути, по которому совершалось движеніе варварскихъ народовъ съ востока на западъ. Безъ сомнѣнія, первые разрушительные удары этихъ варваровъ падали на нее. Здѣсь они совершали свой первый рывокъ и уходили, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ.

По поводу основанія теперешняго города Бухары до насъ дошли слѣдующія преданія. Мѣстность, на которой расположенъ этотъ городъ и его окрестности, представляла собой болотистое озеро, покрытое мѣстами тростникомъ и лѣсомъ. Издавна она привлекала къ себѣ охотниковъ и рыболововъ, которые основали здѣсь четыре первыхъ поселенія: Таркамрудъ, Берване, Асване и Нуръ ³⁾. Съ теченіемъ времени болота высохли, заросли, были уничтожены и на этой мѣстности возникъ значительный городъ. Царь Ефрозіабъ основалъ въ немъ укрѣпленный замокъ, построенный имъ на мѣстѣ теперешняго арка, дворца эмира. Расширяясь и обогащаясь, городъ этотъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ значеніе столичнаго города окружающей его страны.

Первымъ властителемъ, управлявшимъ городомъ Бухарой, считается какой-то Аберци, свергнутый съ престола сосѣднимъ турецкимъ правителемъ Ширкишверомъ, основавшимъ династію, просуществовавшую въ странѣ до конца VIII столѣтія. Послѣднимъ представителемъ этой династіи былъ ничтожный и слабый Абуль-Изгакъ, добровольно уступившій свою власть и престолъ Измаилу Самониду. Этотъ первый періодъ исторіи Трансоксаніи былъ ознаменованъ порабощеніемъ ея арабами (672—874 гг.) и принятіемъ

¹⁾ Плутархъ, «Жизнь знаменитыхъ людей древности. Александръ Великій» Москва, 1889 г., стр. 139—140.

²⁾ Шлегель, «Journal Asiatique», 1828, p. 326.

³⁾ Вамбери, «Исторія Бухары», т. I, стр. 1.

ислама, который съ начала VIII столѣтія твердой ногой становится въ Бухарѣ, постепенно вытѣсняя насажденную здѣсь несторіанами религію Христа¹⁾, ученіе Зороастра и Будды. Съ этой эпохи, или иначе съ VIII столѣтія по Р. Х., опять начинается исторія Трансоксаніи и въ частности исторія Бухары, переноса насъ изъ міра легендъ и преданій на почву несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ. Она завѣщала намъ многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что нашествіе арабовъ застало Трансоксанію страной богатой, цвѣтущей и уже довольно сильной въ военно-политическомъ отношеніи.

Выше мы указали уже на то роковое вліяніе, которое географическое положеніе Трансоксаніи, по пути переселенія народовъ съ востока на западъ, имѣло на судьбы этой страны. Причиняя ей неисчислимыя бѣдствія, положеніе это являлось, однако же, и источникомъ благосостоянія страны, такъ какъ, пропустивъ сквозь себя огромныя полчища варваровъ, оставлявшихъ за собою смерть и разрушеніе, она вскорѣ опять возрождалась подъ вліяніемъ оживленныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній востока съ западомъ, въ которыхъ, благодаря своему центральному положенію, играла роль неизбѣжной посредницы. Торговый путь изъ Индіи къ Балтійскому, Каспійскому и Черному морямъ пролегалъ чрезъ нее. Обогащая страну, онъ былъ въ то же время источникомъ обогащенія Великаго Новгорода, Майнца, Трузо, Висьби, Генуи, Венеціи и многихъ другихъ городовъ²⁾. Это обстоятельство, въ соединеніи съ необыкновенной выносливостью таджикскаго народа, цѣлыя тысячелѣтія поддерживавшаго въ Средней Азіи, подъ ударами варваровъ, свѣтильникъ древне-иранской культуры, было главной причиной тѣхъ быстрыхъ переходовъ отъ полного разгрома и разоренія къ цвѣтущему экономическому состоянію, которое мы столько разъ встрѣчаемъ на страницахъ исторіи Трансоксаніи. Въ частности это относится и къ ея столицѣ. Десятки разъ разрушаемая и сжигавшаяся почти до тла, она вскорѣ опять возрождалась изъ пепла, и терпѣливый таджикъ начиналъ снова трудиться надъ созиданіемъ роднаго города.

Блестящій періодъ правленія Саманидовъ (873—1004 гг.) доводитъ Трансоксанію до высокой степени экономическаго благосостоянія. Городъ Бухара украшается и расширяется. Воздвигается

¹⁾ Несторіанское христіанство проникло въ Среднюю Азію еще до III вѣка по Р. Х. Въ началѣ IV столѣтія оно имѣло епископскія кафедръ въ Тусѣ, Мервѣ и Самаркандѣ, а въ 1420 году Мервъ дѣлается постояннымъ мѣстопребываніемъ митрополитовъ средне-азійскихъ. Появленіе арабовъ въ Трансоксаніи нанесло христіанству первый ударъ, но оно существовало въ равныхъ мѣстностяхъ страны до конца XIV столѣтія, когда окончательно прекратило свое существованіе въ Средней Азіи.

²⁾ «Аму и Узбой», стр. 2—3.

множество новых мечетей, школ, читаленъ. Проводятся новые пути сообщенія, водопроводы, а древній замокъ Ефрозіаба возобновляется и превращается въ великолѣпный дворець. Бухара дѣлается средоточіемъ наукъ и искусствъ, мѣстопробываніемъ знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ того времени¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ скипетромъ Саманидовъ, она впервые пріобрѣтаетъ значеніе религіознаго центра средне-азиатскихъ мусульманъ суннитскаго толка, становясь убѣжищемъ такого рода ученыхъ и ревнителей вѣры, которые судорожно хватались за малѣйшую мелочь корана и шаріата, и тѣмъ высоко держали знамя суннитскаго ученія надъ шіитскимъ западомъ Азіи²⁾.

Стотридцатилѣтнее правленіе династіи Сельджукидовъ (1004—1133), покорившихъ Трансоксанію по низверженіи послѣдняго Саманида³⁾, было ознаменовано блестящими завоеваніями на востокъ и западъ. Будучи представителями исключительно военнаго дѣла, эмиры этой династіи выдѣлили изъ своей среды только одного государя—Меликъ-Шаха, прославившаго себя огромными услугами, оказанными имъ наукѣ, искусствомъ, поэзіи и промышленности. Укрѣпившаяся затѣмъ на престолѣ Трансоксаніи династія хорезмскихъ князей (1133 — 1220 г.) доводитъ Бухару до высшей степени культурнаго развитія и военно-политическаго могущества въ средѣ государствъ центральной Азіи. За четыреста лѣтъ, протекшія со времени водворенія въ странѣ первыхъ Саманидовъ, она дѣлаетъ поразительные успѣхи въ области земледѣлія, промышленности, торговли, наукъ и искусствъ. Между послѣдними въ особенности процвѣтаетъ исторія, архитектура и ирригаціонное искусство. Этотъ четырехсотлѣтній періодъ времени чрезвычайно богатъ историческими матеріалами. Исторія всегда была любимой наукой таджика, точно также какъ поэзіи онъ отдавалъ предпочтеніе передъ остальными отдѣлами литературы, соединяя весьма нерѣдко то и другое вмѣстѣ и облекая какой нибудь историческій моментъ въ жизни своего народа, или даже цѣлыя эпохи, въ поэтическія формы касыдовъ и газелей⁴⁾.

¹⁾ Наршахи, авторъ знаменитой «Китабъ-и-Наршахи», написанной имъ по порученію эмира Нуха-Бинъ-Насра, въ 332—337 году гиджирѣ; Абуль-Газанъ-Рудеки, написавшій миллионъ триста двустыщъ, собранныхъ въ ста книгъ, и другіе.

²⁾ Сунниты есть послѣдователи трехъ первыхъ халифовъ-преемниковъ Магомета: Абу-Бекра, Омара и Османа, признаваемыхъ шіитами похитителями власти, которая, по ихъ понятіямъ, должна была быть вручена, по смерти Магомета, его вятю Алію, сдѣлавшемуся халифомъ лишь по смерти Османа. Отсюда разладъ и религіозная вражда между тѣми и другими (Поздѣвъ, «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ», Оренбургъ, 1886 года, стр. 17—36).

³⁾ Абуль-Изгакъ Мунтасиръ, погубившій насильственной смертью въ 1004 г.

⁴⁾ Касыдами называются стихотворенія въ 19—100 двустыщъ, родъ поэмы или оды; газелями—небольшія стихотворенія, состоящія изъ 7, 12 и не болѣе 19 двустыщъ; диваномъ—сборникъ всѣхъ произведеній извѣстнаго мусульманскаго поэта.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи засталъ Трансоксанію и ея столицу 1220 годъ, имѣвшій для нея роковое значеніе.

Геніальный хищникъ Чингисъ-ханъ, изъ глубины своихъ необозримыхъ степей, давно уже обратилъ алчные взгляды на цвѣтущую и богатую Трансоксанію. Ея великолѣпные города и села несмѣтная сокровища изъ серебра и золота, дорогія ткани, роскошная зелень садовъ и обиліе текущей воды, о чемъ онъ зналъ черезъ купцовъ и многочисленныхъ лазутчиковъ, не могли не возбудить чувства завистливой алчности въ этомъ варварѣ и его монголахъ, принужденныхъ довольствоваться скудной жизнью кочевниковъ въ бесплодныхъ и сухихъ степяхъ сѣверо-восточной Азіи. Движимый этими чувствами и той страшной стихійной силой, которая, со временъ Алариха и Атиллы, толкала полчища варваровъ на путь великаго переселенія народовъ, Чингисъ выступаетъ въ 1218 году противъ Бухары съ арміей въ 600,000 человекъ и буквально обращаетъ этотъ городъ и всю страну въ груды развалинъ ¹⁾. Войска эмира Магомета были почти поголовно истреблены, а самъ онъ, припущенный бѣжать изъ своихъ владѣній, кончаетъ жизнь въ сумасшествіи. Жители столицы и большей части бухарскихъ городовъ перебиты или обращены въ рабство. Ограбивъ страну почти дотла, монголы постарались, уходя обратно, истребить все то, что они не въ состояніи были захватить съ собой. Не довольствуясь этимъ, Чингисъ уводитъ въ Монголію всѣхъ жителей, которые представляли хотя какой нибудь интересъ въ его глазахъ. Уцѣлѣвшіе солдаты арміи Магомета должны были стать подъ его знамена. Искусные зодчіе, художники и садоводы отправлены на далекій востокъ, чтобы украсить монголо-китайскую резиденцію завоевателя; знаменитыхъ же ремесленниковъ, между которыми славилась ткачи шелковыхъ и льняныхъ матерій, онъ раздарилъ своимъ женамъ и родственникамъ, какъ искусныхъ рабовъ. Только немногимъ удалось избѣжать плѣна или смерти, и когда одинъ изъ бѣглецовъ прибылъ въ Хорасанъ и былъ спрошенъ объ участи своего роднаго города, то онъ отвѣтилъ слѣдующимъ сжатымъ, впо-

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ историкъ Ибнъ-Уль-Аттыръ достопамятный въ лѣтописяхъ таджикскаго народа день разрушенія Бухары войсками Чингиса, «Только и слышны были, что стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, на вѣки разлучаемыхъ. Варвары безчестили женъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ родныхъ, которымъ въ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы. Не только были разбиты всѣ дома и похищены огромныя сокровища, но ярость грабителей не щадила даже ничего не стоящихъ на видъ священныхъ предметовъ: кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ, вмѣсто соломы, а изъ ларей, гдѣ сохранялись священныя книги, сдѣланы корыта для корма лошадей. Почтенные шейхи и муллы, бывшіе звѣздами учености, должны были прислуживать пирующимъ солдатамъ, или служить потѣхой для монгольскихъ мудрецовъ, а высокочтимые священники смотрѣть за мулами, какъ конюхи» (Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 142—154).

слѣдствіи прославившимся, персидскимъ стихомъ: «они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли»¹⁾).

Результаты монгольскаго погрома были, въ полномъ смыслѣ слова, гибельны для Трансоксаніи и ея столицы. Страна обезлюдѣла, и многіе ея цвѣтущіе оазисы обратились въ пустыни. Навсегда исчезло съ этого времени въ Бухарѣ производство высокоцѣннаго оружія и нарядовъ, толстыхъ шелковыхъ тканей и драгоценныхъ эмалированныхъ издѣлій изъ серебра и золота. Не менѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ монгольскимъ погромомъ наукѣ, искусствамъ и образованности, свившимъ, какъ казалось, прочный пріютъ въ древней столицѣ Трансоксаніи. Духовная жизнь таджикскаго народа съ этого роковаго для него момента, если не окончательно погасла, то уже никогда не могла возродиться въ той мѣрѣ, въ какой она процвѣтала до нашествія Чингиса. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ золь этой эпохи, навсегда оставившимъ слѣдъ въ характерѣ таджикскаго народа, была крайняя грубость и жестокость нравовъ, привитыхъ ему монголами-завоевателями. Одновременно съ этимъ усилился фанатизмъ, такъ какъ съ упадкомъ наукъ и просвѣщенія религія сдѣлалась единственной духовной пищей народа. Впослѣдствіи, съ принятіемъ магометанства правителями, она нашла себѣ еще болѣе прочную точку опоры въ лицѣ новообращенныхъ князей, сдѣлавшихся усердными ревнителями ислама.

Тщетны были дальнѣйшія усилія Тимура и его талантливыхъ преемниковъ поднять экономическій и умственный уровень народныхъ массъ. Ограбивъ чуть не половину земнаго шара для своей родной Трансоксаніи, употребляя всѣ усилія, чтобы путемъ переселенія изъ завоеванныхъ странъ знаменитыхъ ученыхъ, лучшихъ мастеровъ, зодчихъ и ремесленниковъ пересадить въ страну заглохшія сѣмена индо-иранской и отчасти европейской культуры, Тамерланъ уже не могъ вполне достигнуть этого, и медленный процессъ духовнаго и экономическаго разложенія таджикской народности, тотчасъ послѣ его смерти, не замедлилъ вновь обнаружиться.

Умирая, Чингисъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ основанную имъ колоссальную монархію между четырьмя своими сыновьями. Изъ нихъ второй, Чагатай, получилъ во владѣніе весь теперешній русскій и азіатскій Туркестанъ, со включеніемъ въ него бухарскихъ владѣній, подъ протекторатомъ Монгольской имперіи²⁾.

Такимъ образомъ, втеченіе стосороколѣтняго правленія Чингисидовъ (1226—1363 г.) нѣкогда могущественная Трансоксанія была низведена на степень второстепенной провинціи. Ея судьба,

¹⁾ Гаммеръ Пургсталь, «Исторія Золотой Орды», стр. 80.

²⁾ Старшій сынъ Чингиса, Огтай, получилъ Китай и Монголію, вмѣстѣ съ главенствомъ надъ удѣлами братьевъ: Бату-Хорезмъ и Дештъ-и-Кипчакъ, Тули-Хорасанъ, Персію и Индію.

кромѣ того, становится въ зависимость отъ переворотовъ престолонаслѣдія въ Монгольской имперіи..

По смерти Чагатая Трансоксанія дѣлается театромъ почти непрерывныхъ междоусобныхъ, династическихъ и движимыхъ честолюбіемъ войнъ, представляя собой ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія, смѣняютъ другъ друга. Ея когда-то многолюдныя провинціи обливаются кровью. Остатки городовъ и деревень пылаютъ въ пламени, а жители лишаются своего послѣдняго имущества, или тысячами уводятся въ рабство.

Однако же, многострадальный народъ находитъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы пережить эти тяжкіе удары и заставить варваровъ принять отъ него исламъ, вмѣстѣ съ остатками древнеиранской культуры. Уже вскорѣ послѣ удаленія Чингиса изъ Трансоксаніи Бухара начала замѣтно возрождаться. Разбѣжавшіеся земледѣльцы и ремесленники возвращались на свои мѣста. Мало-помалу возобновлялись мечети и школы, и въ 1234 году столица Трансоксаніи насчитывала въ своихъ стѣнахъ уже до тысячи чело-¹⁾вѣкъ учащихся).

Появленіе не всемірной сценѣ колоссальной личности Тимура ²⁾ и его династіи останавливаетъ на время ходъ міроваго колеса, и звѣзда таджикскаго народа загорается опять въ полномъ блескѣ. Но этотъ блескъ является уже не тѣмъ естественнымъ продуктомъ внутренней силы, экономического благосостоянія и образованности, какъ это было въ эпоху, предшествовавшую нашествію Чингиса, а лишь результатомъ случайнаго сочетанія гениальныхъ свойствъ великаго полководца, искусства, съ которымъ онъ успѣлъ сгруппировать и направить подъ своими знаменами не успѣвшую еще разложиться монгольскую силу, и относительной слабостью покоренныхъ имъ народовъ востока, объясняемой недавно пережитыми бѣдствіями монгольскаго владычества. Награбленные имъ несмѣтныя богатства лишь временно обогатили Трансоксанію, а искусственно насаждаемая руками иноземцевъ культура и образованность не могли пустить глубокихъ корней въ истощенной

¹⁾ Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 159.

²⁾ Тимуръ, Тамерланъ, или Тимуръ-ленгъ (хромой), родился въ Шахризбѣзѣ 7 мая 1336 г. По матери онъ происходитъ отъ Чингисъ-хана, а общимъ предкомъ этихъ знаменитыхъ завоевателей былъ сынъ монгольскаго хана Тумине (Л. Лангле, «Жизнь Тимура», пер. съ франц. Суворова, Ташкентъ, 1890 г., стр. 1).

Вамбери на стр. 181—183 «Исторіи Бохары» говоритъ, что отецъ Тимура Тургай, происходилъ изъ узбекской фамиліи Керкенъ и былъ главой узбекскаго рода Берласъ. Въ спискѣ узбекскихъ родовъ Ханыкова, приведенномъ на стр. 58—63 его книги «Описаніе Бухарскаго ханства», заимствованномъ изъ сочиненія «Нассады-Намяти-Узбекіа», мы не находимъ, однако же, рода Берласъ. Что же касается фамиліи Керкенъ, или Киркынъ, то у Ханыкова она означена самостоятельнымъ родомъ, 76-мъ изъ 97-ми, перечисленныхъ въ спискѣ.

почвъ страны и вскорѣ опять заглохли, не будучи питаемы здоровыми жизненными соками. Кромѣ того, 35-ти-лѣтніе походы Тимура пагубно отразились на народонаселеніи, лишивъ его лучшихъ, наиболѣе производительныхъ силъ¹⁾. Относительно главнаго своего стремленія, перенесенія политическаго центра тяжести западнаго ислама въ свои владѣнія, Тамерланъ, еще при жизни, долженъ былъ испытать рядъ разочарованій. Порабощенные имъ народы западной Азіи съ отвращеніемъ отвергали эту идею; покоряясь силѣ оружія, они тотчасъ же возставали противъ нея, какъ только войска желѣзнаго завоевателя оставляли ихъ территоріи. При всемъ томъ, тридцатитрехлѣтній періодъ владычества Тимура (1369—1405 г.) представляетъ собою блестящую страницу исторіи Трансоксаніи. Страна искусственно оживилась и разцвѣла подъ вліяніемъ огромнаго наплыва золота, свезеннаго сюда завоевателемъ и его войсками со всѣхъ концовъ Малой и Средней Азіи²⁾. Руками плѣнныхъ художниковъ, ремесленниковъ и мастеровъ были пущены въ ходъ всевозможныя искусства и промыслы. Наука и литература, усердно поощряемая Тимуромъ, возродились и произвели на свѣтъ массу ученыхъ, поэтовъ и богослововъ³⁾. Самъ Тимуръ подавалъ собой примѣръ литературнымъ занятіямъ, находя время, не смотря на непрерывныя войны, создать свой огромный кодексъ—записки⁴⁾. Но то, что составило несомнѣнную, далеко пережившую его славу,—это грандіозныя архитектурныя памятники, которые онъ сотнями воздвигалъ въ разныхъ пунктахъ своего отечества. Эти драгоценныя остатки средне-вѣковаго мусульманскаго зодчества до сей поры поражаютъ взглядъ, умъ и чувства своимъ величіемъ, изяществомъ красокъ, смѣлостью и легкостью своихъ архитектурныхъ очертаній⁵⁾.

¹⁾ Въ періодъ времени съ 1369—1402 г. Тимуръ объединилъ подъ своей властью всю Трансоксанію, покорилъ Туркменію, Хиву, Хоросанъ, Авганистанъ, Систанъ, Белуджистанъ, Аравію, Сирію, Адзербіджанъ, Грузію, Арменію, Индію, царство Золотой Орды, по пути въ которое прошелъ южную и среднюю Россію. Въ 1405 году онъ умеръ на пути въ Китай, въ городѣ Отрарѣ, 72 лѣтъ отъ роду, уже почти слѣпой.

²⁾ Испанскій посолъ при дворѣ Тимура Рюи-Гонзалесъ-де-Клавихо оставилъ въ своихъ интересныхъ запискахъ многочисленныя свидѣтельства о колоссальныхъ богатствахъ, собранныхъ Тимуромъ въ его столицѣ Самаркандѣ (Клавихо, «Дневникъ путешествія ко двору Тимура», переводъ съ испанскаго, подъ редакціей Срезневскаго, стр. 186—189, 327—328 и др.).

³⁾ Поэтъ Кермані, написавшій исторію Тимура въ стихахъ; составитель арабскаго словаря Джезери, мистикъ, Ходжа-Богасдинъ и др. (Вамбери, «Исторія Бухары», т. I, стр. 235—237).

⁴⁾ Кодексъ этотъ носитъ названіе Тююкаты-и-Тимуръ, то-есть повелѣніе Тимура; состоитъ изъ 457 страницъ (тамъ же, прим. 3, стр. 183).

⁵⁾ Изъ сохранившихся, хотя отчасти, до нашихъ дней величайшихъ памятниковъ эпохи Тимура являются: мечеть и усыпальница Хааретъ-Есеви въ Туркестанѣ, мечети Шейхъ-Зинде и Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ, усыпальница Тимура въ томъ же городѣ и остатки его дворца въ Шахрисябѣ.

Реакція искусственно созданнаго Тимуромъ порядка вещей не замедлила проявиться почти тотчасъ послѣ его смерти. Политическое значеніе Трансоксаніи падало съ каждымъ днемъ, и отдѣльныя талантливныя личности на ея простолѣ, подобныя Улугъ-бегу, Мирь-Али-Ширу, Шейбани, Абдуллахъ-хану и Абдуль-Азису, уже не могли остановить общій процессъ разрушенія, который красной нитью проходитъ сквозь всю послѣдующую исторію таджикскаго народа. Открытіе морскаго пути изъ Европы въ Китай и Индію, появленіе узбековъ и частыя перемѣны династій не мало способствовали процессу окончательнаго ослабленія ея политическаго и культурнаго организма. Отброшенные на время побѣдами Тимура, узбеки тотчасъ послѣ его смерти и распаденія Золотой Орды снова появляются у воротъ Трансоксаніи. Талантливые, но изнѣженные Тимуриды (1405—1500), витавшіе по преимуществу въ сферахъ научныхъ идей, поэзіи и искусствъ, процвѣтавшихъ въ Трансоксаніи подъ ихъ скипетромъ, какъ никогда ранѣе, оказались бессильными противостоять той грубой, стихійной силѣ, которую олицетворяли собой многочисленныя полчища узбекскихъ варваровъ. Въ то время, какъ среди всеобщаго распаденія монархіи Тимура Улугъ-Бекъ трудился надъ составленіемъ своихъ знаменитыхъ астрономическихъ таблицъ ¹⁾, Шахрухъ-Мирза изощрялся въ поэзіи, а Абуль-Саидъ и Мирь-Али-Ширъ, поощряя живопись и водчество, созидали великолѣпныя архитектурныя памятники, узбеки желѣзнымъ кольцомъ охватывали Трансоксанію и послѣ упорной войны и политическихъ интригъ овладѣли ея престоломъ, заставивъ талантливаго Баберъ-Мирзу покинуть тронъ предковъ и искать убѣжища въ Индіи, гдѣ онъ основалъ впоследствии имперію великаго Могола ²⁾.

Этотъ періодъ медленнаго распаденія монархіи Тимура былъ ознаменованъ въ частности для города Бухары эпохой обновленія и возрожденія.

Еще первые Чингисиды, имѣвшіе привычку кочевниковъ перѣзжать изъ города въ городъ въ районѣ своихъ владѣній, ли-

¹⁾ Первое извѣстіе объ этихъ таблицахъ, по словамъ Вамбери, западъ получилъ отъ профессора Оксфордскаго университета Джона Гривви, въ 1642—1648 г. Докторъ Фома Гайдъ перевелъ и обнародовалъ ихъ въ 1665 г. Его книга, съ исправленіями Шарпа, была напечатана въ 1767 г., а позже Седило перевелъ ее на французскій языкъ. Улугъ-Бекъ, кромѣ астрономіи и математики, занимался изящной литературой, живописью и музыкой. Онъ владѣлъ замѣчательной памятью, дававшей ему возможность знать наизусть весь коранъ въ семи различныхъ писаніяхъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. I, стр. 249 и 267).

²⁾ Баберъ-Мирза, основатель Могольской имперіи и авторъ знаменитаго Баберъ-Наме, былъ первымъ государемъ Индіи, завязавшимъ съ Россіей дипломатическія сношенія. Въ 1534 г. его посольство, съ предложеніемъ дружбы и любви, было въ Россіи у великаго князя Василія Іоанновича, въ лицѣ Ходжи-Хуссейна («Русская лѣтопись по Никоновскому списку», изд. имп. акад. наукъ, Спб., 1790 г., ч. 6, стр. 250).

шили ее тѣснаго значенія главной столицы ханства. Тимуръ же и его потомки официально перенесли столицу въ Самаркандъ, который дѣлается ихъ резиденціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ареной всевозможныхъ интригъ, междоусобій и кровопролитій. Какъ бы забытая на время Бухара пользуется этимъ, чтобы отдохнуть и оправиться. Ея торговля, благодаря центральному положенію города въ странѣ, быстро развивается. Объ руку съ ней дѣлаютъ большой успѣхъ промышленность, ремесла и даже искусство, такъ какъ въ періодъ царствованія Тимуридовъ она пользуется извѣстностью знаменитой на востокѣ школы живописи. Благочестіе мусульманъ украшаетъ ее множествомъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ, и къ концу XVI столѣтія она начинаетъ опять соперничать съ Самаркандомъ. Въ то же время Шейбаниды, стремившіеся къ уничтоженію въ народной памяти преданій о Тимурѣ и его потомствѣ, переносятъ свою резиденцію и столицу ханства въ Бухару.

Узбекская династія Шейбанидовъ (1500—1597 г.), кромѣ самаго ея мужественнаго и талантливаго основателя Шейбани-Магометъ-хана, подарила Трансоксанію высоко-даровитымъ государемъ Абдуллахъ-ханомъ ¹⁾. Подъ властью этихъ двухъ эмировъ страна опять нѣсколько окрѣпла, но наступившія послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ смуты и междоусобія уничтожаютъ всѣ ихъ благія начинанія.

Одновременно съ этимъ духъ ханжества, обрядности и суевѣрія, начинаетъ все болѣе и болѣе завладѣвать народными массами, окончательно вытѣсняя культурныя стремленія, науку и искусство. Наряду съ этимъ Трансоксанія лишается значенія главнаго торговаго рынка въ Средней Азіи и единственной посредницы въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Китаемъ и Индіей. Еще разореніе Тамерланомъ Астрахани и Азова (1395—1397 г.) нанесло чувствительный ударъ международной торговлѣ черезъ Среднюю Азію. Завоеваніе Константинополя и Кафы (Феодосіи) Магометомъ Великимъ причинило ей еще болѣе чувствительный ударъ, а съ открытіемъ Васко-де-Гама (1498 г.) новаго морскаго пути изъ Европы въ Индію, вокругъ Африки, средне-азиатскій сухопутный торговый путь до послѣдняго времени былъ почти совершенно оставленъ ²⁾. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ общій упадокъ внутренняго и внѣшняго значенія страны продолжаетъ прогрессировать втеченіе всего почти двухсотлѣтняго правленія Аштарханидовъ (1597—1784 г.), которыхъ судьба дѣлаетъ свидѣтелями уси-

¹⁾ Абдуллахъ-хану принадлежатъ всѣ остатки великаго водчества въ Бухарскомъ ханствѣ. Науки, земледѣіе, торговля находятъ въ немъ усерднаго покровителя. Турція, Крымъ, Китай искали союза съ нимъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. 2, стр. 56—61).

²⁾ «Аму и Узбой», стр. 4.

ливающагося процесса разложенія Трансоксаніи. Слабые и ничтожные государи этой династии лишь фиктивнымъ образомъ управляли страной, занимаясь на самомъ дѣлѣ богословскими преніями и религиозной казуистикой, замѣнившей собой живую науку.

Въ 1740 году Бухара переживаетъ нашествіе послѣдняго колоссальнаго варвара, въ лицѣ Надирь-Шаха, которое застаётъ ее почти совершенно безпомощной. Ограбивъ окрестности столицы, Надирь-Шахъ уже окружаетъ ее своими полчищами, но эмиръ Абуль-Фаизъ ¹⁾ успѣваетъ умиловитъ его принятіемъ присяги и изъявленіемъ безусловной покорности, послѣ чего шахъ оставляетъ Трансоксанію, захвативъ съ собою огромную контрибуцію и массы сокровищъ.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, слѣдствіемъ чрезвычайное усиленіе въ Бухарѣ узбекской партіи. Призванные въ страну еще во времена Шейбани, узбеки получили сначала исключительное значеніе военнаго сословія. Съ теченіемъ времени они успѣли захватить въ свои руки всѣ высшія должности въ государствѣ и образовали могущественную партію, которая фактически управляла страной, возводя на тронъ и низвергая съ него эмировъ по своему усмотрѣнію. Въ 1784 году сынъ бухарскаго аталыка Даніаль-бека, Шахъ-Мурадъ, устраняетъ отъ власти послѣдняго Аштарханида, Абуль-Гази, и овладѣваетъ престоломъ Трансоксаніи, подъ именемъ эмира Маассума. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ становится основателемъ царствующей по сіе время въ Бухарѣ династии Мангытъ. Шесть эмировъ этой династии, до Мозафаръ-Эдина включительно, представляютъ собой вѣрнѣйшихъ выразителей своего суфически ложно-набожнаго вѣка. При нихъ погасъ послѣдній лучъ того блеска, экономическаго благосостоянія и политическаго величія, въ какомъ неоднократно являлась Трансоксанія въ счастливыя эпохи своей исторической жизни. Въ то время, какъ повсюду человѣчество дѣлаетъ гигантскіе шаги на почвѣ прогресса и цивилизаціи, правители Бухары употребляютъ всѣ усилія, чтобы искоренить въ странѣ послѣдніе остатки культурной эпохи и вдвинуть народную жизнь въ тѣсныя рамки отжившихъ свой вѣкъ бытовыхъ, общественныхъ и религиозно-іерархическихъ идей мусульманскаго законодательства. Въ ихъ эпоху прерываются

¹⁾ Абуль-Фаизъ-ханъ былъ умерщвленъ своимъ мятежнымъ министромъ Рахимомъ-Би въ 1747 г. Той же участи подверглись наслѣдники Абуль-Фаиза—Абуль-Муминъ и Обейдулахъ. Принявъ затѣмъ титулъ хана, Рахимъ оставляетъ послѣ себя власть, съ званіемъ аталыка, своему племяннику Даніаль-беку, отъ котораго она переходитъ сначала къ Девлетъ-кушъ-беги, а затѣмъ къ Шахъ-Мураду, основателю династии Мангытъ. Втеченіе всего этого періода времени Аштарханиды были лишь фиктивными правителями Бухары, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ министровъ (Мураза-Шемси-Бухари, «Записки», Казань, 1861 г., пр. I на стр. 41—42 и 8 на стр. 55—58).

почти окончательно всё прямые сношения ханства не только с Европой, но и с соседними государствами, вследствие чего Бухара становится недоступной не только для путешественников, но и для официальных послов, из которых многие расплачиваются жизнью за попытки их государей завязать с правителями ханства международные сношения ¹⁾. Торговые обороты страны мало-по-малу сводятся исключительно к вывозу из ханства сырых произведений, и лишь немногие смельчаки из русских купцов рѣшаются проникнуть с своими товарами в эту дикую, преданную фанатизму и произволу страну. Торговля невольниками усиливается и достигает огромных размѣров. В то же время, на ряду с Хивой и Туркменіей, ханство дѣлается гнѣздомъ вооруженныхъ шаекъ всякаго сброда, безпрепятственно грабившихъ предѣлы соседнихъ странъ. Внутренній строй ханства становится в эту эпоху на почву исключительно исламо-іерархическаго режима. Духовенство окончательно выходит из сферы посредственнаго воздѣйствія и становится активнымъ распорядителемъ народной жизни, захвативъ в свои руки судопроизводство, народное образованіе и значительную часть административной власти. Сами эмиры, оставляя в сторонѣ истинные интересы и нужды народа, трудятся надъ составленіемъ законовъ, воспрепятствующихъ, подъ страхомъ смертной казни, употребленіе табаку и вина ²⁾, издають драконовскія постановленія объ отдѣленіи обоихъ половъ,

¹⁾ В 1842 г. в Бухарѣ были публично казнены официальный посолъ британскаго правительства полковникъ Стоддартъ и посолъ вь Коканѣ капитанъ Кононои. Около этого же времени тамъ наши себѣ смерть италянцы Орландо и Назелли, имѣвшіе, какъ можно думать, тайныя порученія отъ своего правительства къ эмиру Насръ-Уллаху. В 1846 г. поручикъ Вибуртъ былъ схваченъ туркменами на пути вь Хиву и послѣ продолжительнаго заключенія казненъ вь Бухарѣ. Нѣсколько ранѣе вь предѣлахъ Бухарскаго ханства было истреблено цѣлое персидское посольство. Мы указали лишь на наиболѣе выдающіяся жертвы бухарской подозрительности и неуваженія международныхъ правъ; второстепенныхъ было множество.

²⁾ Очень многіе, и вь томъ числѣ сами среднеазіатцы, склонны приписывать появленіе пьянства вь Туркестанѣ русскому влиянію. Какъ видимъ, это далеко не такъ, ибо еще вь XVIII в. правительство принуждено было вступить вь борьбу сь этимъ общественнымъ порокомъ и издавать противъ него карательные законы. Кроме того, намъ извѣстно, что и великіе Саманиды не были чужды этому пристрастію, такъ какъ, по свидѣтельству Мирхонда, Абуль-Али «разбилъ о стекло винаго стакана зданіе воздержанія». Грозный Чагатай, старшій представитель Чингисидовъ, былъ формальный пьяница, а гениальный Тимуръ, какъ свидѣтельствуеть Клавихо, любилъ и поощрять попойки. *Delirium tremens* была самой обыкновенной болѣзнію вь Средней Азіи вь XIII—XVIII столѣтіяхъ; исторической жертвой ея сдѣлался, между прочимъ, симпатичный и талантливый Баберь-Мирза. Шейбанидъ-Бурханъ ханъ и Аштарханидъ Вели-Мегмедъ вписали свои имена вь исторію, какъ величайшіе поклонники Бахуса. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать сотни, но довольно и этихъ...

возстановляютъ разнаго рода уже давно забытыя въ другихъ мусульманскихъ странахъ религіозныя должности, въ родѣ «раисовъ», и т. д. Своей личной жизнью они подаютъ примѣръ фанатизма, лицемѣрія и ханжества, которое доходитъ до того, что во времена Шахъ-Мурада въ одной Бухарѣ, изъ общей 80-тысячной массы жителей, было до 30.000 учащихся въ медресе семинаристовъ. Кромѣ того, каждый изъ нихъ стремится къ приобрѣтенію славы завоевателя, и ихъ правленіе ознаменовано многочисленными, хотя и мелкими, войнами съ сосѣдями. Легко понять печальный результатъ всего этого. Такъ, на примѣръ, запрещеніе табаку и вина привело къ употребленію гораздо болѣе вреднаго опиума, наши и кукнара; затворничество женщины усилило проявленіе гнуснаго порока, въ особенности присущаго таджикской націи, а поощреніе ханжества до крайности размножило и усилило въ странѣ неприводительный и безпокойный классъ мусульманскаго духовенства и дервишества. Наука и литература окончательно были подавлены въ Бухарѣ въ эту темную эпоху, точно также, какъ искусства и промышленность. Даже знаменитое когда-то въ странѣ шелководство къ концу XVIII вѣка почти совершенно уничтожается, и эмиръ Шахъ-Мурадъ принужденъ принимать искусственныя мѣры къ поддержанію этой важной отрасли промышленности ¹⁾. Въ то же время лучшія провинціи ханства одна за другой отпадаютъ отъ него, и въ 1826 году эмиръ Насръ-Уллахъ можетъ считать себя активнымъ повелителемъ только на пространствѣ 5.600 кв. геогр. миль, изъ которыхъ лишь 500—600 обработаны и заселены осѣдлыми жителями ²⁾. Въ такомъ положеніи находился этотъ жалкій обломокъ монархіи Тимура, когда, по выраженію Вамбери, до воротъ Бухарскаго ханства достигли первые предвѣстники европейскаго духа и могущества, въ лицѣ Россіи и Англіи, и стали стучаться въ нихъ ³⁾.

Изъ всѣхъ странъ Европы Россія съ самыхъ отдаленныхъ временъ болѣе другихъ соприкасалась съ Средней Азіей и прилегающими къ ней государствами, находясь на пути прямого сообщенія ея съ западомъ. Владычество монголовъ еще болѣе сблизило насъ, въ международномъ и торговомъ отношеніи, съ нашими ближайшими сосѣдями. Завоеванія Тамерлана, султана Магомета, открытіе новаго морскаго пути вокругъ Африки и наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ внутреннихъ безпорядковъ въ Трансоксаніи и прилегающихъ къ ней странахъ были причиной насильственнаго перерыва въ ходѣ этого сближенія и временнаго оставленія

¹⁾ Гребенкинъ, «Родословная династіи Мангытъ», см. Ежегодникъ Туркестанскаго края, вып. 3, стр. 338—339.

²⁾ Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 5.

³⁾ Вамбери, «Исторія Бохары», т. II, стр. 140.

созданнаго тысячелѣтіями торговаго пути изъ Западной Европы въ Китай и Индію, чрезъ Россію и Трансоксанію. Въ періодъ времени, съ конца XV столѣтія вплоть до нашихъ дней, путь этотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и торговыя сношенія Россіи съ Средней Азіей, были почти совершенно оставлены. При всемъ томъ, русскіе государи, еще начиная съ Іоанна III, дѣлають рядъ попытокъ къ возстановленію прерваннаго международнаго сообщенія. Царствованіе Грознаго и Годунова, усиленно интересовавшихся сближеніемъ русскихъ торговыхъ интересовъ съ отдаленнымъ востокомъ, было ознаменовано первой попыткой англичанъ втереться въ это зарождающееся сближеніе посредствомъ основанія торговаго товарищества Дженкинсона (1558 г.). Разныя затрудненія и наступившее въ Россіи смутное время остановили развитіе этой вредной для насъ торговли. Царь Алексѣй Михайловичъ вновь выдвигаетъ забытый на время среднеазиатскій вопросъ на почву практическаго осуществленія, а императоръ Петръ Великій ставитъ одной изъ главныхъ задачъ своего царствованія овладѣніе всѣми торговыми путями между Каспійскимъ, Чернымъ, Бѣлымъ и Балтійскимъ морями, съ цѣлью доставить русскому народу возможность сдѣлаться главнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ произведеній востока и запада ¹⁾. Разорительныя войны съ Турціей и Швеціей, неудачный походъ въ Хиву кн. Бековича-Черкаскаго и преждевременная смерть Петра помѣшали ему довести до конца этотъ грандіозный замыселъ, послѣдствія котораго для Россіи были бы въ полномъ смыслѣ слова необъятны. Въ то же время дѣятельное стремленіе Россіи на востокъ возбудило въ англичанахъ, уже тогда мечтавшихъ о всемірномъ торговомъ преобладаніи, сильныя опасенія. Съ той поры Англія, настойчиво и не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, ставитъ преграды всякому предпріятію Россіи на востокѣ, въ которомъ хотя сколько нибудь проглядываетъ осуществленіе великихъ намѣреній царя-преобразователя. Весь интересъ и вниманіе ближайшихъ преемниковъ Петра I сосредоточиваются на дѣлахъ европейской политики, и созданная имъ идея находитъ себѣ ближайшую сторонницу лишь въ лицѣ Екатерины Великой, которая, равно какъ и императоръ Николай, стремится къ осуществленію ея путемъ мирныхъ переговоровъ и дружественнаго воздѣйствія на среднеазиатскихъ владѣтелей. Безъ сомнѣнія, эта медленная, но за то вѣрная система принесла бы съ теченіемъ времени свои плоды, но быстрое развитіе нашей торговли въ первой половинѣ текущаго столѣтія, необходимость сбыта товаровъ на азіатскихъ рынкахъ и негодованіе правительства и народа, вызванное постоянными набѣгами на наши восточныя границы хищныхъ ко-

¹⁾ Идаровъ, «Значеніе Индіи въ политикѣ Россіи съ Турціей и Англіей» («Русскій Вѣстникъ», 1883 г., № 171, стр. 491—499).—«Аму и Узбой», стр. 7.

«истор. вѣстн.», августъ, 1892 г., т. XLIX.

кандскихъ, хивинскихъ, бухарскихъ и туркменскихъ шаекъ, вызвали рѣшительныя дѣйствія, окончившіяся присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ Кокандскаго ханства, Самаркандской области, части Хивы и туркменскихъ кочевій.

Мы не будемъ утомлять читателей подробнымъ изложеніемъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, отсылая специально интересующихся этимъ вопросомъ къ прекраснымъ трудамъ Н. И. Гродекова, Д. Н. Куропаткина, г. Макшеева-Мапонова и другихъ нашихъ лучшихъ военныхъ писателей, и упомянемъ лишь въ краткихъ чертахъ о ходѣ нашего поступательнаго движенія въ Средней Азіи.

Въ періодъ времени съ 1845—1864 г. Россія, воюя съ Коканомъ, заняла Акъ-Мечеть, Яны-Курганъ, Токмакъ, Пишпекъ и Мерке. Вслѣдъ затѣмъ представилась необходимость сомкнуть передовые посты Оренбургской и Сибирской линій, разобщенные пространствомъ въ 700 верстъ, въ которое безпрепятственно проникали шайки всякаго сброда. Съ этою цѣлью въ 1864 году были заняты Аулие-Ата, Туркестанъ и Чимкентъ. 15-го іюня 1865 года отрядъ М. Г. Черняева занимаетъ Ташкентъ ¹⁾. Одновременно съ этимъ бухарскій эмиръ Мозафаръ-Эддинъ открыто принимаетъ на себя неблагоприятную роль защитника кокандскаго хана, стоившую ему впослѣдствіи половины владѣній, и силой задерживаетъ въ Бухарѣ наше посольство съ г. Струве во главѣ ²⁾. Это вынуждаетъ М. Г. Черняева предпринять въ 1866 г. рекогносцировку въ окрестности Джизака, послѣ которой онъ возвращается въ Ташкентъ. Отозванный въ томъ же году изъ Туркестанскаго края, онъ передаетъ начальствованіе надъ войсками генералу Романовскому, который, разбивъ 20-го мая 1866 г. при Ирджарѣ перешедшаго въ наступленіе эмира, овладѣваетъ Ходжентомъ, Нау, Ура-Тюбе и Джизакомъ.

15-го іюня 1867 г. было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, подъ управленіемъ К. П. фонъ-Кауфмана.

Первый неудачный періодъ кампаніи уже нѣсколько поколебалъ ту самоувѣренность, съ которой Мозафаръ-Эддинъ началъ непосильную для него борьбу, но, подъ вліяніемъ слѣпаго въ своемъ фанатизмѣ духовенства и населенія Бухары, онъ рѣшается продолжать войну. Весь 1867 г. эмиръ проводитъ въ сосредоточеніи

¹⁾ Занятіе укрѣпленнаго Ташкента отрядомъ М. Г. Черняева, состоявшимъ лишь изъ 1951 человека, при 12 орудіяхъ, имѣвшихъ противъ себя огромный городъ, защищаемый 30.000 войска, при 50 орудіяхъ и 100.000 жителей, составляетъ, безспорно, одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи. Подробности этого дѣла изложены въ реляціи генерала Черняева отъ 7-го іюня 1865 года. См. «Русскій Туркестанъ», вып. 3, стр. 91—98.

²⁾ Татариновъ, «Семимѣсячный плѣнъ въ Бухарѣ», Москва, 1867 г.; Глуховской, «Плѣнъ въ Бухарѣ», «Русскій Инвалидъ», 1868 г., №№ 97—100.

значительной армии въ окрестностях Самарканда и обдумываетъ планъ для наступленія, но генералъ Кауфманъ предупреждаетъ его въ этомъ и 8-го мая 1868 г. самъ открываетъ наступательныя дѣйствія, которыя влекутъ за собой полнѣйшее пораженіе бухарской армии подъ стѣнами Самарканда и Зерабулака.

Ближайшимъ результатомъ этихъ событій является окончательное паденіе военно-политическаго значенія Бухарскаго ханства въ средѣ государствъ Средней Азіи. Хотя великодушный побѣдитель и оставилъ Мозафаръ-Эддину лучшую часть его владѣній, удержавъ за собою лишь Самаркандскую область, но уже самое водвореніе русской власти въ непосредственной близости владѣній эмира должно было низвести эти послѣднія на степень небольшого, зависимаго государства, какимъ оно и является по отношенію къ Россіи въ данную минуту. Послѣдующія событія: походъ въ Хиву, присоединеніе къ нашей территоріи остальной части кокандскихъ владѣній, Ахаль-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ, упрочиваютъ могущество и обаяніе Россіи въ Средней Азіи, окончательно лишая призрачную идею главенства Бухары надъ народами Средней Азіи всякаго практическаго смысла и значенія.

Всѣ эти событія являются заключительнымъ актомъ и, такъ сказать, естественнымъ продуктомъ приведеннаго нами выше историческаго хода вещей.

Шести-вѣковое зданіе фанатизма, доведеннаго до изувѣрства, грубаго невѣжества, безсовѣстной тираніи, какою являлась, по отношенію къ современному европейскому порядку вещей, тогдашняя Бухара, не могло выдержать, конечно, даже и перваго натиска великой культурной сѣверной державы, рѣшившейся силою оружія проложить заграждаемый ей историческій путь къ истокамъ Окса и Яксарта. Довольно было горсти солдатъ и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы это одряхлѣвшее зданіе, начало разложенія котораго было положено руками Чингисидовъ и доведено до послѣдней степени недѣльной политикой послѣдующихъ династій, рухнуло и обратилось въ прахъ, на вѣки похоронивъ подъ своими обломками эпоху среднеазиатскаго варварства и деспотизма.

Пережитая недавно и переживаемая нами до сихъ поръ эпоха есть эпоха великаго перелома въ историческихъ судьбахъ среднеазиатскихъ народовъ, вступившихъ отнынѣ подъ покровительство могучей Россіи на путь духовнаго и культурнаго возрожденія. Въ частности для самой Россіи она ознаменована возобновеніемъ великаго международнаго прямаго торговаго пути и ея значенія главной посредницы между Европой и Азіей. Тщетными кажутся намъ, въ виду этихъ событій, усилія англичанъ создать новую плотину, преграждающую распространеніе торговаго и политическаго вліянія Россіи на восточную Азію, путемъ насильственной нейтрализаціи Афганистана, мелкихъ интригъ въ пограничныхъ

съ нами китайскихъ провинціяхъ, систематическаго заплоненія Персіи англійскими торгово-политическими агентствами и т. д. Времена, когда возможно было съ успѣхомъ эксплуатировать случайное измѣненіе торговаго пути между Россіей и Туркестаномъ, видимо прошли безвозвратно и не сдержатъ торгашествуящему народу его золотомъ и интригами естественнаго хода міроваго колеса, съ неотразимой силой влекущаго народы востока на путь естественнаго сближенія съ могучей Россіей, подъ сѣнью которой ихъ многочисленные братья уже нашли себѣ покой и отдохновеніе. За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени присоединенія къ Россіи главныхъ частей Туркестанскаго края, древняя Трансоксанія оправилась и разцвѣла. Она перестала быть театромъ безконечныхъ кровавыхъ смуть, и ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія. вмѣстѣ съ тѣмъ, они перестали быть сартами, киргизами, персами или туркменами, то-есть людьми съ разными политическими, религіозными и имущественными правами передъ властью и закономъ, а стали равноправными со всѣми остальными подданными великаго русскаго царя, безпристрастіе и отеческая заботливость котораго одинаково распространяется на все обширное Русское царство, отъ великорусской крестьянской избы до кибитки кочеваго узбека и нагорной сакли жителя отдаленныхъ Памирскихъ хребтовъ. Тѣнь мощной сѣверной державы, постепенно удлиняясь къ востоку, оживила и сохранившія свою автономію ханства Бухарское и Хивинское. Въ нихъ, также какъ и въ русскомъ Туркестанѣ, ощущается замѣтный поворотъ отъ тысячелѣтняго застоя къ культурной жизни. Остается лишь пожелать, чтобы они поскорѣе и окончательно сбросили опутывающія ихъ оковы средневѣковаго режима, фанатизма и суевѣрія, и еще болѣе сблизились съ нами въ международномъ и культурномъ отношеніи.

Бухарское ханство въ настоящемъ его объемѣ представляетъ собой площадь земли, равную приблизительно 5.000 кв. географическихъ миль¹⁾, острымъ угломъ врѣзывающуюся по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ въ наши среднеазиатскія владѣнія. Границы ханства чрезвычайно сложны. Съ сѣвера онѣ соприкасаются съ нашими Самаркандской и Ферганской областями; на востокѣ съ Кашгаріей и отчасти Кашемиромъ, на югѣ съ Афганистаномъ, отъ котораго отдѣляются рѣкой Аму, на западѣ и юго-

¹⁾ Площадь Бухарскаго ханства точно такъ же, какъ цифра его народонаселенія, въ точности не измѣрена. Среднеазиатскіе мусульмане считаютъ почему-то грѣхомъ производить такого рода измѣренія. Въ Бухарѣ, гдѣ все совершается на основаніи обычая, или религіознаго догмата, вто служить причиной полнаго отсутствія какихъ бы то ни было вѣрныхъ статистическихъ данныхъ.

западъ — съ Закаспійской областью и Хивинскимъ ханствомъ. Это центральное положеніе бухарскихъ владѣній дѣлаетъ ихъ чрезвычайно важными для насъ въ стратегическомъ, торгово-промышленномъ и международномъ отношеніи. Въ указанныхъ границахъ вся площадь ханства раздѣляется на три главныя части, рѣзко отличающіяся между собою во многомъ: западную, среднюю и восточную¹⁾. Западная часть представляетъ собой равнину, орошаемую въ срединной своей части рѣкой Заравшаномъ, истокающимъ здѣсь свое теченіе въ безчисленныхъ арыкахъ Зіауддина, Кермине, Бухарскаго и Каракульскаго округовъ. Эта равнина сливается на сѣверо-западѣ съ Кызыль-кумами, а на востокѣ переходитъ въ травянистую степь «Карнакъ-чуль», покрывающуюся весной роскошной растительностью. Климатъ этой части ханства жаркій, континентальный, лѣтомъ $+ 35^{\circ}$ до 40° , зимой -10° , способствующій развитію злокачественныхъ мѣстныхъ лихорадокъ, болѣзней желудка, глазъ и т. д. Жители занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, овцеводствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ. Воздѣлываніе хлопка, разведеніе виноградниковъ и тута для выкормки шелковичнаго червя, знаменитыхъ каракульскихъ овецъ, мѣстныхъ породъ лошадей, скота и верблюдовъ занимаетъ первое мѣсто. Второе мѣсто послѣ земледѣльческой промышленности принадлежитъ торговлѣ. Предметомъ вывоза служатъ хлопокъ, шелкъ, мерлушка, кожи, ризь, фрукты въ сушеномъ видѣ, кошмы и ковры. Вообще это есть самая богатая и культурная часть ханства. Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, перерѣзавшей ее своими рельсами, и близость русской границы оживили въ ней культурную дѣятельность и, вѣроятно, недалеко то время, когда эта часть ханства окончательно утратитъ свой дикій, первобытный характеръ. Средняя часть бухарской территоріи состоитъ изъ отроговъ хребтовъ Тянь-Шаньскихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Баба-тагъ, Гази-Малекъ и Кара-тау, образующихъ площади, возвышающіяся до 4 т. ф. надъ уровнемъ моря. Эта полоса ханства густо заселена, изобилуетъ минералами, между которыми преобладаетъ каменный уголь, соль, а мѣстами попадаетъ и золото. По мѣрѣ приближенія къ главнымъ горнымъ хребтамъ, мѣстность становится плодородной, покрывается тучной травой; горныя долины изобилуютъ рощами фисташковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, встрѣчаются нефтяные источники, горячіе ключи и множество небольшихъ горныхъ рѣчекъ, щедро надѣляющихъ водой земледѣльческое населеніе этой живописной полосы Бухарскаго ханства. Особеннымъ плодородіемъ славится здѣсь Гиссарская долина. Низовья рѣкъ Якъ-су и Пянджа изобилуютъ тиграми, ры-

¹⁾ Остроумовъ (Н. В.), «Географія Туркестанскаго края», Самаркандъ, 1891 г., стр. 73.

сями и другими хищными звѣрями. Климатъ этой средней полосы ханства умѣренный, здоровый. Жители занимаются почти исключительно земледѣльемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и огородничествомъ, сбывая свои произведенія, вьючными путями, на базары Бухары, въ Дарвазъ и Афганистанъ. Восточная часть ханства, Каратегинъ и Дарвазъ, представляетъ собой дикую горную страну, перерѣзанную тремя гигантскими хребтами: Каратегинскимъ, Петра I и Дарвазскимъ, достигающими мѣстами 25 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Долины перваго изъ этихъ хребтовъ считаются плодородными, послѣднихъ двухъ—бѣдными и бесплодными. Жители Каратегина занимаются земледѣльемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ. Тутъ съ успѣхомъ произрастаетъ пшеница, ячмень, просо, ленъ, табакъ, люцерна, разнаго рода кожные овощи и фрукты, а рогатый скотъ и горныя лошади славятся своей силой и крѣпостью на все Бухарское ханство. Вообще эта часть бухарскихъ владѣнй можетъ быть признана относительно богатой и цвѣтущей. Совершенно противоположную картину представляетъ собою Дарвазъ. Это—мѣстность, стоящая на низшей степени культурнаго развитія народовъ, населяющихъ Бухарское ханство. Здѣсь не существуетъ ни промысловъ, ни ремеслъ. Почти единственный источникъ существованія жителей этой маленькой оригинальной страны, населенной 35 т. жителей, составляетъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ. Ягодами этого растенія они питаются, высушивая ихъ и обращая въ муку; ими же платятъ подати и добываютъ средства къ существованію, обмѣнивая на необходимые въ общежитіи предметы домашняго обихода. Тутовое дерево составляетъ для нихъ все, даже денежный знакъ, такъ какъ тубитейка сушеныхъ ягодъ этого растенія принимается, какъ денежная единица при расплатѣ¹⁾. Многіе отъ рожденія до смерти не знаютъ вкуса ржанаго или пшеничнаго хлѣба, питаются тутовой мукой. Подъ вліяніемъ этой пищи они хилы и недолговѣчны. Климатъ Дарваза лѣтомъ жаркій, достигающій +35°; зимой суровый, но вообще считается здоровымъ. Пути сообщенія удобны лишь для пѣшехода и всадника, но безъ вьюка.

Народонаселеніе Бухарскаго ханства въ точности не исчислено, точно такъ же какъ его площадь. Но во всякомъ случаѣ оно превышаетъ собой полтора милліона душъ обоюго пола. Въ этнографическомъ отношеніи оно раздѣляется на узбековъ, составляющихъ главную массу, почти половину всего населенія, таджиковъ, жителей преимущественно городовъ, аравитянъ, персовъ, евреевъ и цыганъ. Послѣднихъ четырехъ народностей насчитывается не болѣе 20 т. душъ. Въ административномъ отношеніи ханство раздѣляется на двадцать восемь округовъ, изъ которыхъ главными

¹⁾ 45 тубитеекъ тутъ составляютъ 1 теньгу = 20 коп.

считаются одиннадцать бекствъ, а именно: Кермине, Каршинское, Шаарское, Ширабадское, Гиссарское, Бальджуанское, Каратегинское, Дарвазское, Керкинское, Чарджуйское и Кабаклинское. Богатѣйшимъ изъ всѣхъ бекствъ считается бекство Гиссарское, уплачивающее ежегодно въ казну эмира около 500.000 руб. годовыхъ сборовъ; затѣмъ Чарджуйское — 200.000 рублей, Зіауддинское — 180.000 рублей; около этой же цифры, каждое въ отдѣльности, даютъ бекства Кермине, Карши, Кулябъ и Каракулъ. Бѣднѣйшими считаются Килифскій и Учъ-Учакскій округа, приносящіе лишь 8—10 т. рублей; годовыхъ сборовъ. Наиболѣе значительными городами въ торгово-промышленномъ и стратегическомъ отношеніи являются, послѣ Бухары, Карши и Чарджуй¹⁾. Первый изъ этихъ городовъ имѣетъ до 35 т. жителей, извѣстенъ своими базарами, выдѣлкой ковровъ и богатой растительностью. Въ его обширномъ оазисѣ, имѣющемъ до 20 миль ширины, разводится превосходный каршинскій табакъ. Чарджуй, состоящій въ настоящее время изъ двухъ городовъ—русскаго и бухарскаго, представляетъ собой важный торгово-промышленный и стратегическій пунктъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, являясь одной изъ первоклассныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги.

Главную жизненную артерію въ Бухарскомъ ханствѣ, какъ и вообще въ Средней Азій, составляютъ рѣки. Искусственное орошеніе здѣсь также необходимо, какъ удобреніе почвы въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Безъ него тутъ ничего не выростетъ. Съ другой стороны, оно даетъ богатѣйшіе результаты повсюду, гдѣ представляется возможность удѣлить хотя бы нѣсколько капель воды этой плодородной почвѣ. Значеніе воды увеличивается по мѣрѣ пониженія поверхности ханства съ юго-востока на сѣверо-западъ и пропорціональнаго съ нимъ уменьшенія атмосферной влаги, питающей землю и дающей жизнь растительности. Поэтому понятно, какое огромное значеніе представляютъ для Бухары ея двѣ главныя рѣки: Аму и Заравшанъ²⁾, дающіе жизнь природѣ и

¹⁾ Законъ опредѣляетъ въ каждомъ городѣ аркъ, стѣну городскую и не менѣе 3-хъ мечетей, изъ которыхъ одна должна вмѣщать все городское населеніе.

²⁾ Аму-Дарья, или древній Оксусъ. Существуетъ предположеніе, что въ древности рѣка эта впадала въ Каспійское море. Спорный вопросъ объ этомъ породилъ съ теченіемъ времени цѣлую литературу, чрезвычайно важную и интересную какъ по своимъ научнымъ выводамъ, такъ и по тому обширному историческому матеріалу, который былъ добытъ при производствѣ техническихъ разслѣдованій древнихъ руслъ Узбоа.

Перу г. Лессара принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ вопросѣ. См. П. Лессаръ, «Оксусъ, его древнѣйшее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ», переводъ съ французскаго Романовича, Ташкентъ, 1891 г. Это небольшое, но полное глубокаго интереса изслѣдованіе, повидимому, окончательно разрушаетъ легенду о томъ, что Узбой составляетъ древнее русло Оксуса, а также гипотезу о возможности направленія теченія Аму-Дарьи этимъ путемъ къ берегамъ Каспія.

Заръ-авшанъ означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «раздаватель золота».

человѣку южной и юго-западной части ханства. Быстрое развитіе земледѣлія въ Самаркандской области, обладающей верхнимъ теченіемъ Заравшана, дѣлаетъ за послѣднее время эту рѣку недостаточнымъ резервуаромъ для питанія тѣхъ обширныхъ оазисовъ, которые образовались по ея берегамъ на русской и бухарской территоріи, причемъ послѣдняя терпитъ подчасъ существенную нужду въ водоснабженіи. Что касается Аму-Дарьи, то водами ея пользуется лишь незначительная часть населенія южной и юго-западной полосы ханства, такъ какъ существовавшіе когда-то магистральные арыки, посредствомъ которыхъ вода изъ Аму достигала до центральныхъ областей страны, уже давно оставлены; проведеніе же новыхъ стоило бы колоссальныхъ денежныхъ затратъ, которыя страна едва ли въ состояніи была бы выдержать. Тѣмъ не менѣе, эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ чрезвычайно занятъ мыслію о проведеніи воды изъ Аму въ центральныя области ханства¹).

Крайнее разнообразіе устройства поверхности Бухарскаго ханства, представляющаго собой всѣ фазисы измѣненія земной коры, отъ величайшихъ въ мірѣ горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, глетчерами и перерѣзанныхъ непроходимыми стремнинами горныхъ рѣкъ и водопадовъ, до необозримыхъ низменныхъ степей сѣверо-западной полосы, породило крайнее разнообразіе производительности, климатическихъ, этнографическихъ, культурныхъ и бытовыхъ условій этой интересной страны, заключающей въ себѣ огромныя, но еще совершенно неизслѣдованныя естественныя богатства. Къ сожалѣнію, все здѣсь стоитъ еще на самой низменной первобытной ступени экономическаго развитія. Сельское хозяйство, промыслы и ремесла, торговля и финансовая система, даже народная жизнь, — все это идетъ по тѣмъ же самымъ рельсамъ, которые были установлены тысячу лѣтъ назадъ. Фабричной и заводской промышленности совсѣмъ не существуетъ, хотя нѣтъ страны, которая, по своимъ естественнымъ богатствамъ, представляла бы болѣе шансовъ на успѣшное развитіе того и другаго, какъ теперешнее Бухарское ханство. При всемъ томъ, страна можетъ считаться богатой. Огромное большинство жителей ея существуетъ безбѣдно и даже роскошно по отношенію, напримѣръ, къ нашему русскому крестьянину, тяжелымъ трудомъ добываю-

¹) Его императорское высочество великій князь Николай Константиновичъ, трудамъ котораго Туркестанскій край обязанъ обращеніемъ въ цвѣтущіе оазисы многихъ тысячъ десятинъ пустынныхъ, запущенныхъ земель, путемъ проведенія на нихъ арыковъ (Искандеръ, Ханымъ, Урумбай и др.), предпринялъ въ послѣднее время, съ высочайшаго соизволенія, проведеніе арыка «Бухара» изъ Сыръ-Дарьи чрезъ Голодную степь по направленію къ Бухарскимъ предѣламъ. Если эта грандіозная работа будетъ доведена до конца, то вся южная часть бухарскихъ и русскихъ кызыль-кумовъ будетъ обращена въ цвѣтущій оазисъ, а культурная полоса Бухарскаго ханства получитъ новые богатые источники для водоснабженія.

щему средства для своего сравнительно скуднаго существованія и уплаты небольшой государственной и земской подати.

Среднеазиатскій мусульманинъ, кто бы онъ ни былъ, не любить тяжелаго физическаго труда. Онъ всегда исполняетъ его спустя рукава и тотчасъ мѣняетъ на торговлю или какой нибудь промыселъ, какъ только представляется къ тому хотя малѣйшая возможность. Трудъ настоящій, тяжелый, въ потъ лица, ему неизвѣстенъ. Въ прежнія времена онъ предоставлялъ его невольнику; теперь же отдается ему лишь на столько, на сколько это является для него крайней необходимостью. Постепенное развитіе торговли подъ вліяніемъ русской промышленности и относительное упорядоченіе финансовой системы въ правленіе Сеидъ-Абдуль-Ахата, даетъ возможность народнымъ массамъ возмѣститъ этимъ экономическій ущербъ, причиненный упраздненіемъ невольничества. Это наводитъ на вѣроятное предположеніе, что и дальнѣйшія экономическія улучшенія вызовутъ соответственное уменьшеніе труда со стороны туркестанскаго и бухарскаго сарта, который, по природѣ своей, есть отнюдь не труженикъ, а лишь ловкій эксплуататоръ чужаго труда. Во всякомъ случаѣ, для полнаго экономического возрожденія страны ей необходимы постороннія силы. Такъ сказать, вынужденнаго, принудительнаго труда однихъ туземцевъ, обращающихъ всѣ свои помыслы на торговлю и промышленность, слишкомъ недостаточно. Трудъ этотъ, не будучи спеціальнымъ трудомъ настоящей, сознательно израсходованной рабочей силы, никогда не дастъ и настоящихъ жизненныхъ и вполне законченныхъ результатовъ. Съ другой стороны, въ области торговли и промышленности житель Средней Азии и въ особенности сартъ-таджикъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Во всякаго рода гешефтахъ, маклерствахъ и способахъ легкой наживы денегъ, при относительно малой затратѣ труда и капитала, онъ превзойдетъ самаго опытнаго еврея, армянина или другаго, не менѣе типичнаго въ этомъ отношеніи, инородца.

Бухара ведетъ обширную торговлю съ Россіей, Персіей, Афганистаномъ, Кашмиромъ, Индіей и Кашгаріей. Предметы вывоза составляютъ: хлопокъ, шелкъ, сушеные плоды и ягоды, рисъ, сырецъ, кубовая краска, бязи, низшихъ сортовъ бирюза, мерлушки, мѣха, ковры и кошмы, предметы одежды, шали, шерстяныя и шелковыя матеріи. Предметы ввоза: изъ Россіи ситецъ, шелковыя матеріи, сукна, парчи, кожи, чугуны, желѣзо, бакалейный товаръ и мелкіе предметы роскоши; изъ Афганистана и Кашмира: шали, индійская кисея, парчи, лекарственныя вещества, кубовая краска и индійскія варенья; изъ Персіи: шали, тармалама, высшихъ сортовъ бирюза, англійскіе ситцы, коленкоръ и кисея; изъ Кашгаріи: фарфоръ, чай, китайскія шелковыя матеріи. Всѣ эти произведенія находятъ себѣ вѣншній сбытъ, и лишь одна пятая часть

изъ нихъ дѣлается предметомъ мѣстнаго потребленія. Ежегодный ввозъ товаровъ въ Бухарское ханство, до открытiя Закаспiйской желѣзной дороги, то-есть до 1888 г., производился не менѣе какъ на 40.000 верблюдахъ, вывозъ—на 50.000, что, по словамъ компетентныхъ лицъ, должно было опредѣлить среднiя цифры ввоза въ 32.000.000 и вывоза въ 45.000.000 рублей ¹⁾.

Господствующая религiя въ Бухарскомъ ханствѣ есть исламъ. Христiане, евреи и индусы составляютъ незначительную цифру (не болѣе 10 т. человѣкъ), совершенно незамѣтную въ общей массѣ бухарскаго народа.

Народное образованiе находится исключительно въ рукахъ духовенства, которое и направляетъ его въ духѣ ислама. Грамотность чрезвычайно развита между осѣдлымъ населенiемъ, и рѣдкiй бухарецъ не обученъ чтенiю, письму и главнымъ догматамъ вѣроученiя Магомета. Высшими учебными заведенiями въ странѣ являются медресе, гдѣ взрослые семинаристы готовятъ къ занятiю духовныхъ должностей и учительскихъ мѣстъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ народныхъ школахъ. Низшими являются эти послѣднiя, называемыя мактабъ-хане.

Пути сообщенiя совершенно первобытны. Кромѣ Закаспiйской желѣзной дороги, въ ханствѣ нѣтъ ни одного правильно-разработаннаго пути. Чтобы покончить съ этимъ краткимъ описанiемъ страны, скажемъ нѣсколько словъ о населяющихъ ее жителяхъ.

Главную массу бухарскаго народа, какъ мы указали это выше, составляютъ узбеки. Типомъ лица и характеромъ они напоминаютъ монголовъ, но имѣютъ глаза больше, а черты лица красивѣе. Цвѣтъ волосъ и бороды переходитъ отъ рыжаго къ темно-русому. Ростъ среднiй; тѣлосложенiе крѣпкое, сильное. Въ общей массѣ они добродушны, откровенны, правдивы и честны, но лѣнивы и безпечны до крайности. Этотъ народъ еще до сей минуты сохранилъ остатокъ прежней воинственности и, будучи сплоченъ, могъ бы составлять отличный материалъ для военнаго дѣла. Грамотность и, слѣдовательно, фанатизмъ между узбеками развиты гораздо менѣе, чѣмъ между таджиками. Въ образѣ жизни, пищѣ и одеждѣ, они соблюдаютъ умѣренность, переходящую въ суровость. Бухарскiе узбеки раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые занимаются исключительно овцеводствомъ и коневодствомъ, производя знаменитыхъ каракульскихъ овецъ и сильную упряжную лошадь; осѣдлые—торговлей.

¹⁾ Въ Бухарѣ нѣтъ ассигнацiй, и главной денежной единицей является теньга, серебряная монета, равная 20 копѣйкамъ. 44 мѣдныя пуллы составляютъ одну теньгу. Бухарскiй золотой называется тилля и равняется 6 рублямъ.

Линейную мѣру составляетъ алчинъ = одному нашему аршину, и гязъ = 1 арш. 4 вершкамъ. Фарсангъ = 8 в. 447 саж.; танапъ = $\frac{3}{4}$ кв. десятины.

Мѣру сыпучихъ тѣлъ составляетъ батманъ = 7 п. 32 ф. 48 зол.

Таджики—жители городовъ и большихъ деревень (кишлаковъ). Это народъ арийскаго племени, сохранившій до нашихъ дней свой красивый типъ, отличающійся высокимъ ростомъ, правильными чертами лица, матово-прозрачнымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и глазами. Они одарены отъ природы врожденной граціей, щеголеваты и привѣтливы, но корыстолюбивы, низкопоклонны, трусливы, наклонны ко лжи и всевозможнымъ порокамъ. Отвращеніе къ физическому труду, хвастливость и нестойкость въ словѣ дополняютъ сложившійся подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета не-симпатичный нравственный обликъ этого народа, занимающагося исключительно внутренней и внѣшней торговлей¹⁾.

Арабы составляютъ небольшую группу кочевниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ ханства, преимущественно же въ окрестностяхъ Вартапзи. Этотъ народъ вполнѣ сохранилъ типъ, характеръ и обычаи своихъ отдаленныхъ соплеменниковъ въ Малой Азіи. Скотоводство и овцеводство составляютъ исключительное занятіе арабовъ. Нравы ихъ отличаются добродушіемъ, прямою и честностью.

Евреи населяютъ особые, отведенные для нихъ, кварталы въ Бухарѣ и Карши. Они занимаются исключительно торговлей. Поселившись въ Бухарскихъ предѣлахъ съ незапамятныхъ временъ, они, подъ вліяніемъ правительственнаго и религіознаго мусульманскаго гнета, восприняли отъ бухарскаго народа образъ жизни, одежду, нравы и даже многоженство, удержавъ отъ ветхо-завѣтныхъ временъ лишь одну религію.

Персіяне составляютъ потомковъ рабовъ-отпущенниковъ и 4.000 семействъ, выведенныхъ сюда изъ Мерва Шахъ-Мурадомъ. Это народъ по большей части трудолюбивый, исполняющій наиболѣе тяжелый физическій трудъ.

Цыгане кочуютъ преимущественно въ окрестностяхъ Каракуля. Они исповѣдуютъ исламъ; занимаются барышничествомъ и воровбой.

Условія мусульманскаго законодательства, проникающаго въ самыя мельчайшія подробности общественной жизни, уравниваютъ бытъ, нравы и обычаи этихъ разношерстныхъ племенъ, которые въ главныхъ чертахъ остаются одни и тѣ же какъ въ кибиткѣ кочеваго узбека, такъ и въ богатомъ домѣ осѣдлаго таджика или

¹⁾ Мы не желаемъ оставлять читателей при убѣжденіи, что этотъ не-симпатичный портретъ одной изъ главныхъ народностей Средней Азіи созданъ исключительно нашими наблюденіями. Знаменитые ориенталисты: Борнсъ, Ханьковъ, Вамбери, Уйфальви и многіе другіе, рисуютъ эту народность еще менѣе заслуживающей симпатіи. Съ своей стороны мы не прибавимъ къ этому ничего новаго, такъ какъ наши личныя наблюденія составляютъ лишь продолженіе установившагося взгляда. См. Борнсъ, «Путешествіе въ Бухару», ч. II, стр. 50—57; Ханьковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 55—56; Вамбери, «Очерки Средней Азіи», стр. 318; Уйфальви, «Le Cohistan, le Ferghanah et Couldja», pp. 60—61.

въ саклѣ персіянина. Вездѣ мы видимъ буквальное исполненіе всѣхъ правилъ внѣшней обрядности, предписываемыхъ исламомъ, господство обычая, болѣшую или меньшую грубость и жестокость нравовъ, порабощеніе женщины, полное преклоненіе передъ религіознымъ культомъ, который служитъ для бухарскаго народа единственной призмой въ его взглядахъ и отношеніяхъ къ жизни и ея проявленіямъ. Повсюду одинаковый бытъ кочевника достаточно хорошо извѣстенъ всѣмъ и каждому, и мы не будемъ останавливаться на немъ. Что же касается домашней жизни осѣдлой части бухарскаго народа, то она является образцомъ первобытной патриархальности. Устройство жилищъ, одежда, пища, все отвѣчаетъ потребностямъ крайней необходимости и указаніямъ шаріата. Обстановка богатаго бухарца мало отличается отъ обстановки бѣдняка. Болѣе состоятельные люди имѣютъ лишь большихъ размѣровъ дома, болѣе запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Раздѣленіе половъ становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ бухарецъ важнѣе и состоятельнѣе. Постепенно ослабѣвая, оно совершенно почти уничтожается лишь въ нищенствующемъ классѣ, такъ какъ представительницы этого слоя общества наравнѣ съ киргизками и маленькими дѣвочками пользуются правомъ появляться повсюду съ незакрытымъ лицомъ. Втеченіе послѣдняго времени образовалась цѣлая группа писателей, которая, по слѣдамъ г. Миддендорфа¹⁾, до крайности идеализируя таджикскую народность, силится создать изъ нея нѣчто въ родѣ проводника европейскихъ стремленій въ остальные племена Средней Азіи. Съ своей стороны мы отнюдь не раздѣляемъ этихъ увлеченій.

Центръ тяжести успѣшнаго движенія всѣхъ вообще народовъ Средней Азіи по пути прогрессивнаго развитія лежитъ главнымъ образомъ въ исламѣ. Гдѣ онъ процвѣтаетъ въ большей степени, тамъ успѣхъ этотъ менѣе вѣроятенъ, и наоборотъ. Непримиримость основныхъ принциповъ магометанства съ идеей прогрессивнаго движенія человѣчества въ области мысли и науки достаточно выяснена исторіей. Намъ кажется совершенно бесполезнымъ распространяться на эту тему. Между тѣмъ мы видимъ, что ни въ одной изъ народностей Средней Азіи исламъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ таджикской. Съ теченіемъ времени онъ не только овладѣлъ направленіемъ мысли, обычаемъ, складомъ характера и даже закономъ, управляющимъ жизнью сарта-таджика, но сдѣлалъ его ближайшимъ проводникомъ религіознаго фанатизма въ остальные массы кочеваго и осѣдлаго населенія Средней Азіи. То поверхностное сближеніе таджикской народности съ русскимъ элементомъ, которое мы замѣчаемъ въ нашихъ туркестанскихъ городскихъ центрахъ, отнюдь не должно быть принимаемо, какъ знакъ готовности служить дѣлу осуществленія нашихъ культурныхъ задачъ на далекомъ

¹⁾ Миддендорфъ, «Очерки Ферганской долины», стр. 363—365.

востокъ. Оближеніе это обуславливается необходимостью, спекулятивными цѣлями и выработанной тысячелѣтіями привычкой гнуться передъ властью и закономъ. На самомъ же дѣлѣ за ней въ большинствѣ случаевъ скрытъ самый непримиримый фанатизмъ, самое упорное нежеланіе воспринять что либо отъ плодовъ европейскаго просвѣщенія.

Настоящее, здоровое ядро духовныхъ силъ Средней Азіи лежитъ въ киргизскомъ и узбекскомъ кочевомъ населеніи. Оно несравненно менѣе фанатизировано, выше въ нравственномъ отношеніи и охотнѣе усваиваетъ отъ насъ идеи образованности и просвѣщенія. Доказательствомъ тому могутъ служить цѣлыя десятки офицеровъ, чиновниковъ и учителей изъ киргизъ, съ успѣхомъ исполняющіе свои служебныя обязанности въ Туркестанскомъ краѣ. Что же касается таджиковъ, то изъ ихъ среды намъ неизвѣстно ни одного такого лица. До сихъ поръ они ограничиваются лишь выдѣленіемъ контингента мусульманскаго духовенства и дервишества.

Вотъ почему мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что элементъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать наибольшихъ плодовъ въ нашихъ усиліяхъ поднять экономическій и умственный уровень Средней Азіи, заключается въ киргизахъ и узбекахъ, а отнюдь не въ таджикахъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то имъ всецѣло должна быть предоставлена область торговли. Въ ней они не имѣютъ себѣ соперниковъ. Дальше же этого они едва ли подвигнутся когда либо.

П. Шубинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

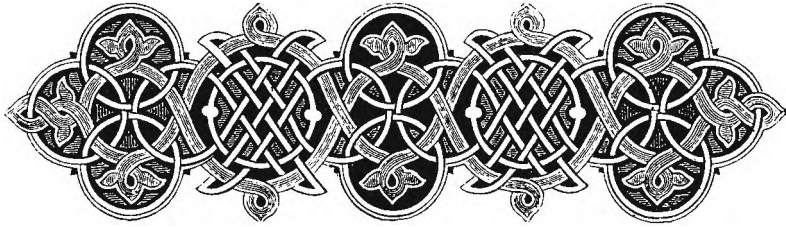
СЕНТЯВРЬ, 1892 г.

	СТР.
I. Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	489
II. Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева. XV—XIX. (Окончаніе)	511
III. Обломки крѣпостнаго времени. Бабушка. С. П. Воронежскаго . .	540
IV. Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года. I—III. Ягмина . . .	561
V. Наши отжившія и отживающія колоніи. Л. И. Ч—кова	586
VI. Очерки Бухары. III. (Продолженіе). П. П. Шубинскаго	620
Иллюстраціи: 1) Кладбище въ Бухарѣ.—2) Площадь въ Бухарѣ.—3) Мечеть и-Каланъ.—4) Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.—5) Бухарская торговая контора.—6) Медресе Абдуллахъ-хана.	
VII. Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь—мѣсто родины преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца. А. А. Титова	649
Иллюстраціи: 1) Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь.—2) Придѣлъ въ Троицкомъ храмѣ.	
VIII. Очерки тамбовскаго быта XVII и XVIII столѣтій. И. И. Дубасова	655
IX. Великій адмиралъ океана. А. Л.	667
Иллюстраціи: 1) Наиболѣе распространенный портретъ Колумба.—2) Высадка кастильцевъ на берегъ Новаго Свѣта. Картина Д. Пуэбла.—3) Встрѣча Колумба въ Барселонѣ 15-го апрѣля 1493 года. Картина Р. Балака.—4) Смерть Колумба.—5) Памятникъ Колумбу въ Генуѣ.	
X. «Больной человѣкъ». (Діагнозъ его недуга). Р. И. Сементковскаго	684
XI. Великій старикъ. Историко-біографическій очеркъ. І. В. Т.	705
Иллюстраціи: 1) Благородный старый левъ.—2) Лордъ Б.—Дровосѣкъ, пощади это милое турецкое дерево.—3) Выборъ между репрессивными мѣрами и ирландскимъ самоуправленіемъ.—4) Выборъ сдѣланъ.	
XII. Критика и библіографія	721
1) Девятисотлѣтіе православія на Волыни. 992—1892 г. Части I и II. Житомиръ. 1892.—0. П. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892. В. Б.—2) Краткій очеркъ Приамурскаго края. По официальнымъ даннымъ. Спб. 1892. А. О—ва.—3) К. Головинъ. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892. Р. И. Сементковскаго.—4) Историческій очеркъ города Шуи. Составилъ дѣйствительный членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Владимірь. 1892. С.—5) К. Плотниковъ. Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Выпуски I—III. Спб. 1891—92. М. С—скаго.—6) Пермскій край. Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1892. В. Б.—7) А. П. Субботинъ. Чай и торговля имъ. Съ приложеніемъ картъ, діаграммъ, фототипій и гравюръ. Спб. 1892. А. Фаресова.—8) М. Грушевскій Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1892. В. Б.—9) А. И. Паевская. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины врача. Спб. 1892. А. Л—на.—10) Холмскій народный календарь на 1893 годъ. Изданіе Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Годъ девятый. Петроградъ. 1892. Л.	

См. слѣд. стр.

	СТР.
XIII. Заграничныя историческія новости	741
XIV. Изъ прошлаго	749
Бой русскихъ съ турками въ г. Бѣлгородѣ. А. Т.	
XV. Смѣсь	752
1) Двадцатипятилѣтіе общества Краснаго Креста. — 2) Двадцатипятилѣтіе Туркестанскаго генераль-губернаторства. — 3) Пятидесятилѣтній юбилей В. А. Дашкова. — 4) Памятникъ женщинамъ въ Севастополѣ. — 5) Археологическія находки въ Рязани. — 6) Открытіе подземелья въ Москвѣ. — 7) Могила въ Митавѣ. — 8) Какъ мы хранимъ наши памятники. — 9) Русская могила на Сенъ-Готардѣ. — 10) Некрологи: Е. Ѳ. Заринъ; Э. А. Ханъ; А. Д. Сатинъ; М. И. Бабиновъ; К. А. Тарновскій.	
XVI. Замѣтки и поправки	758
По поводу отчета г. Павленкова о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. А. Лугановскаго.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. А. Алексѣева. — 2) Въ поискахъ правосудія. (Изъ нѣмецкаго быта XVI вѣка). Историческая повѣсть Блейста (Michael Kohlhaas). Переводъ съ нѣмецкаго. I. — 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

ОЧЕРКИ БУХАРЫ ¹⁾.

III.

Географическое положеніе города Бухары.—Предмѣстья, крѣпостная стѣна, ворота.—Главнѣйшіе пункты бухарской столицы.—Народонаселеніе, общественныя зданія, каналы, мосты и хаузы.—Каналъ Шахри-Рудъ и Ляби-Хаузь-Диванъ-Беги.—Значеніе воды для городского населенія.—Регистанскій замокъ.—Кладбища и ихъ археологическое значеніе.—Мечеть-и-Калианъ, медресе Миръ-Арабъ и башня Манари-Калианъ.—Нѣсколько словъ по поводу прохожденія курса мусульманскаго права.—Общій видъ на Бухару и ея окрестности съ высоты большаго минарета.—Какъ средне-азиатцы относятся къ историческимъ памятникамъ.—Главный городской базаръ.—Еще о бухарской торговлѣ.—Медресе Гаушонъ, Кукольташъ и Иръ-Назаръ.—Гузари-писанъ, или кварталъ прокаженныхъ.—Что такое махао и песь.—Кошъ-медресе и Мадари-ханъ.

ГОРОДЪ Бухара расположенъ въ юго-западной, равнинной, части ханства, въ восьми верстахъ посейнаго пути отъ станціи Закаспійской желѣзной дороги «Бухара», удержавшей за собой это древнее монголо-буддійское названіе.

Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги положило конецъ эпохѣ, дѣлавшей эти страны и, въ частности, ихъ столичный городъ почти недоступными для туриста. Теперь всякій путешественникъ, имѣющій возможность прожить два-три дня въ образовавшемся около желѣзно-дорожной станціи русскомъ поселкѣ, нанявъ верховую лошадь и взявъ проводника, можетъ осмотрѣть, съ внѣшней стороны, всѣ достопримѣчательности недоступной, когда-то, для европейца бухарской столицы. Если, при этомъ, онъ заручится содѣйствіемъ русскаго политическаго агентства,—на сколько намъ из-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 363.

вѣстно,—охотно оказываемымъ всѣмъ тѣмъ, кто посѣщаетъ городъ и страну дѣйствительно съ серьезными цѣлями, то бухарская администрація назначить еще, съ своей стороны, провожатаго, который покажетъ любознательному туристу и внутреннее содержимое интересныхъ памятниковъ старины, древнихъ мечетей, общественныхъ и другихъ зданій.

Безъ этого послѣдняго условія, подробный осмотръ достопримѣчательностей Бухары является до сихъ поръ не вполне безопаснымъ, ибо фанатическіе и подозрительные бухарцы крайне недобѣрчиво относятся ко всѣмъ научнымъ изысканіямъ и какимъ бы то ни было разслѣдованіямъ. Палка караулъ-бега¹⁾ является, однако, совершенно достаточной защитой для всякаго туриста отъ возможныхъ и вѣроятныхъ случайностей.

Городъ Бухара расположенъ на обширной равнинѣ, орошаемой водами древняго Согда, или Заравшана, подъ 39°46' сѣв. шир., слѣдовательно, на одной широтѣ съ мѣстами, климатъ которыхъ считается въ Европѣ жаркимъ, а въ Америкѣ черезъ котормя проходитъ экваторъ—среднимъ.

Средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ 32°,5, зимнихъ 9°,4, весеннихъ 12°.

Вѣтры почти постоянно сѣверные; съ наибольшей силой N-O.

Издали городъ представляется какимъ-то гигантскимъ паркомъ, такъ какъ широкая лента садовъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ своимъ зеленымъ поясомъ. Только огромные купола мечетей да возвышающіеся кое-гдѣ высокія башни и минареты показываютъ, что за этимъ лиственнымъ моремъ скрытъ знаменитый мусульманскій городъ.

Съ какой бы стороны вы ни подѣхали къ Бухарѣ, вамъ придется пересѣчь линію городскихъ предмѣстій, буквально утопающую въ зелени тутовыхъ, абрикосовыхъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ. Предмѣстья эти ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго типа предмѣстій большихъ средне-азіатскихъ городовъ. Они состоятъ изъ длинныхъ и довольно широкихъ улицъ, обнесенныхъ по сторонамъ глинобитными, разной высоты, стѣнами, за которыми скрыты сады и жилища, составляющія, по большей части, лѣтнія помѣщенія столичнаго населенія. Вдоль улицъ проведены арыки и разсажены туловыя или таловыя деревья. Изрѣдка, на этихъ однообразныхъ улицахъ, встрѣчаются небольшіе базары, торгующіе преимущественно сѣстными продуктами, съ нѣсколькими неизбѣжными чай-хана, мелочными лавочками и т. д. Проѣхавъ предмѣстьями двѣ-три версты, вы достигаете городской стѣны, за которой начинается уже настоящій городъ.

Эта историческая стѣна, по преданію, была сооружена еще ка-

¹⁾ Бухарскій полицейскій чиновникъ средней категоріи.

лифомъ Магди въ 830 году для защиты города отъ постоянныхъ набѣговъ турокъ. При Имаилѣ Саманидѣ она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 г. совершенно разрушена Чингисомъ. Въ 1234 г. Чагатай возстановилъ ее почти въ настоящемъ ея видѣ.

Стѣна эта имѣетъ въ вышину до 4 и въ толщину до 2 сажень, окружая площадь въ 1.564,875 кв. саж., на протяженіи 11 верстъ 400 саж.¹⁾.

На всемъ протяженіи стѣна снабжена 11 воротами и 130 полукруглыми башнями (бурджами), предназначенными для фланговой обороны заключающихся между ними участковъ мертвого пространства.

Стѣна эта, разумѣется, не можетъ оказать почти никакого сопротивленія современному разрушительному дѣйствию артиллерійской техники и имѣетъ значеніе лишь какъ образецъ крѣпостнаго строительнаго искусства временъ давно минувшихъ, но сами буржарцы придаютъ ей большое оборонительное значеніе.

Центръ города составляетъ городская соборная площадь, на которой расположена главная соборная мечеть Калянъ, медресе Миръ-Арабъ и знаменитая круглая башня Манари-Калянъ, съ которой, еще въ царствованіе Мозафаръ-Эддина, свергали на каменный помостъ площади преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Къ этой площади отъ всѣхъ одиннадцати воротъ сходятся неправильными радіусами узкія и кривыя улицы священной Бухары²⁾, образуя, вмѣстѣ съ безчисленными переулками, пѣлый лабиринтъ, свободно ориентироваться въ которомъ не всегда можетъ даже природный бухарецъ.

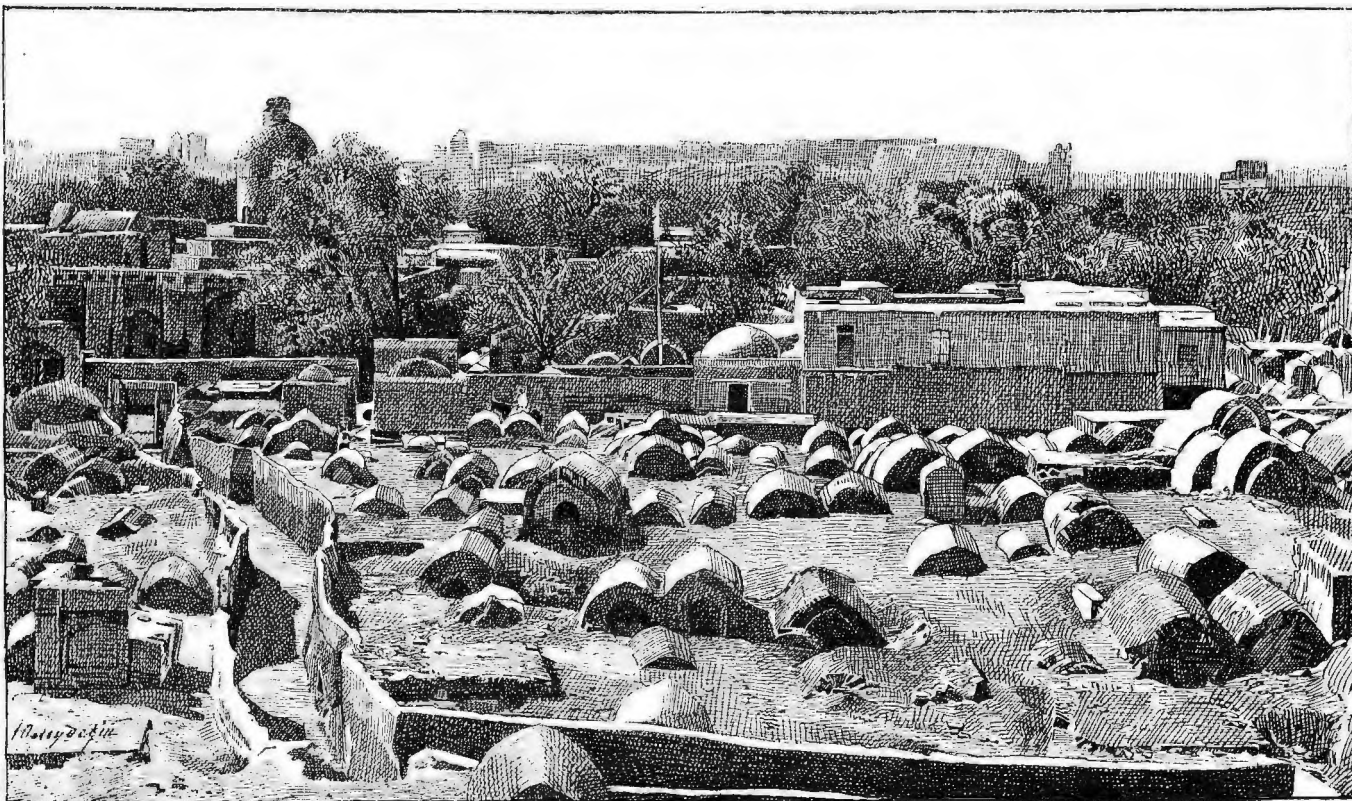
Единственную магистральную линію города составляетъ каналъ Шахри-Рудъ, снабжающій водой посредствомъ цѣлой сѣти малыхъ и большихъ арыковъ все населеніе бухарской столицы.

Сѣверо-восточный уголь города занятъ кварталомъ прокаженныхъ, садами и кладбищами. Цитадель и главный городской дворецъ эмира находятся въ сѣверо-западной части. Караванъ-сарай и большой базаръ расположены въ центрѣ городской черты, по близости отъ соборной площади. Южная и юго-западная части заняты почти исключительно жилыми постройками, въ которыхъ ютится менѣе зажиточный классъ городского населенія; что касается богатыхъ, то они имѣютъ дома преимуществу въ центральныхъ кварта-

¹⁾ Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 80—81.

²⁾ Городъ Бухара, со временъ калифовъ-завоевателей, усвоилъ за собой названіе «Бухара-и-Шарифъ», что въ переводѣ означаетъ священная Бухара. Это названіе начинаетъ появляться на монетахъ послѣ 893 г. (Борнсъ: «Путешествіе въ Бухару», пер. съ англійск., Москва, 1848 г., ч. II, стр. 429).

Кладбище въ Бухарѣ.

лахъ города, вокругъ главнаго караванъ-сарая, соборной площади и Регистанскаго дворца эмира.

Постоянное населеніе столицы не превышаетъ 100,000 душъ обоюго пола, но если бросить взглядъ на городъ съ высоты большой круглой башни, откуда онъ представляется весь какъ на ладони, то вслѣдствіе растянутости, обусловливаемой огромнымъ количествомъ садовъ, кладбищъ, мечетей, медресе и другихъ нежилыхъ построекъ, онъ производитъ впечатлѣніе такого рода центра, въ которомъ помѣщается не менѣе 200—300 тысячъ населенія.

Бухара вмѣщаетъ въ себѣ около 365 мечетей¹⁾, 103 медресе, отъ 20—150 комнатъ каждое, 13 кладбищъ, около пятидесяти базаровъ, до 150 караванъ-сараяевъ, 9 тимовъ (пассажей), 16 главныхъ публичныхъ бань, 2 городскихъ тюрьмы, около 85 хаузовъ (резервуаровъ для проточной воды), 12 каменныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Шахри-Рудъ и его главные рукава, и множество разнаго рода второстепенныхъ публичныхъ зданій: торговыхъ сараевъ, монастырей дервишей (ханка) и проч.

Улицъ и переулковъ считается всего 360. Длина и направленіе ихъ различны, ширина 1—2 сажени.

Мы приглашаемъ читателя предпринять вмѣстѣ съ нами небольшую прогулку для осмотра достопримѣчательностей столицы и ея окрестностей.

Начнемъ съ главной достопримѣчательности и жизненной артеріи Бухары, съ канала Шахри-Рудъ, снабжающаго водой какъ самый городъ, такъ и его предмѣстья и окрестныя поля на большое разстояніе. Каналь этотъ беретъ начало въ 8 верстахъ отъ города, изъ рѣки Заравшанъ. Ширина его до городскихъ предмѣстій составляетъ 10—12 саж.; при входѣ въ городъ ширина русла суживается и не превышаетъ 5—7 саж.; общая глубина достигаетъ 6—7 футовъ. Наполняемые имъ водоемы выложены по большей части камнемъ и имѣютъ видъ набережныхъ. Самымъ большимъ считается Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги, находящійся въ центральной части города.

Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги представляетъ собой правильный четырехугольникъ, въ 100 фут. длины и 80 фут. ширины. Глубина хауза 20 фут. Къ поверхности его ведутъ восемь широкихъ каменныхъ ступеней. Хаузъ обнесенъ широкимъ тротуаромъ, выложеннымъ квадратными каменными плитами и обсаженъ въ нѣсколько рядовъ старинными вязами. Въ тѣни этихъ деревьевъ, съ южной и восточной стороны, размѣщается множество балагановъ, чай и ашъ-хана и фруктовыхъ лавочекъ. Съ сѣверной стороны его окаймляетъ улица, а съ западной — возвышается величественная

¹⁾ Бухарцы особенно гордятся этой цифрой, отвѣчающей числу дней года.

мечеть Невръ-Диванъ-Беги, сооруженная этимъ сановникомъ въ 1629 г., въ эпоху правленія страной патріархальнаго и набожнаго философа-эмира Имамкули-хана. Входъ въ эту мечеть осѣненъ огромными тѣнистыми деревьями, совершенно прикрывающими ея великолѣпныя рѣзныя двери.

Набережная хауза Диванъ-Беги служитъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ бухарскихъ жителей. Тутъ постоянно кипитъ самая разнообразная толпа средне-азиатцевъ всевозможныхъ типовъ, а чайныя лавки и харчевни буквально набиты публикой, наслаждающейся кейфомъ и чаепитіемъ въ прохладной тѣни, даваемой близостью воды и развѣсистыми вязами. Вода въ хаузѣ бываетъ, впрочемъ, по большей части, довольно грязная, въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы.

Мы упомянули уже въ предыдущей главѣ о томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ Заравшанъ для населенія западной части Бухарскаго ханства. Воды этой рѣки втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ буквально разбираются до послѣдней капли, служа источникомъ жизни человѣку, царству животному и растительному. Первые воды Заравшана попадаютъ на почву Самаркандской области. Затѣмъ онѣ переходятъ въ Катта-Курганъ, Зіауддинъ, Кермине, и, уже насытивъ эти два послѣднія бекства, появляются въ Бухарѣ. Вслѣдствіе этого, въ послѣдней часто чувствуется существенный недостатокъ въ водѣ, пагубно отражающійся на населеніи и земледѣльческой производительности. Въ особенности это ощущается при пониженіи температуры, когда таяніе снѣговъ въ горахъ уменьшается, въ зависимости отъ чего уменьшается и количество воды, приносимой Заравшаномъ на оплодотворяемую имъ почву. Но даже и при нормальныхъ условіяхъ водоснабженія на долю бухарской столицы и ея округа остается весьма скудный запасъ животельной влаги. Втеченіе лѣта вода освѣжается въ ея резервуарахъ не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяць, что, разумѣется, оказывается далеко недостаточнымъ, въ виду крайней скученности населенія и тропической температуры, подъ вліяніемъ которой она быстро разлагается и становится вредной при употребленіи. Понятно поэтому, съ какимъ восторгомъ встрѣчается въ Бухарѣ появленіе заравшанской воды, всегда сначала очень грязной. Всѣ жители, отъ мала до велика, спѣшатъ къ каналамъ и резервуарамъ, совершаютъ омовеніе, потомъ купаютъ лошадей, коровъ, ослей и, наконецъ, собакъ, послѣ чего входъ въ воду запрещается. Ей даютъ пройти и затѣмъ отстояться до прозрачности.

Казалось, что все сказанное должно было бы вызвать особенную заботливость по отношенію къ сохраненію постоянной чистоты воды со стороны жителей столицы и вообще бухарскаго народа. На самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Напротивъ, чистоплотные только въ отношеніи своего тѣла и одежды и крайне неряшливые

во всемъ остальномъ, средне-азиатцы сплошь и рядомъ сваливаютъ въ воду разныя нечистоты, моются въ арыкахъ сами и купаютъ животныхъ. Вслѣдствіе этого арычная вода является крайне нездоровой и служитъ источникомъ распространенія всевозможныхъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней, какъ-то: эпидемической маляриной лихорадки, болѣзней желудка, ригиды, сартовской болѣзни и даже проказы (махао), распространеніе которой большинство врачей склонны приписывать зараженію во время купанья и омовенія.

Вообще, отсутствіе какихъ бы то ни было гигиеническихъ и санитарныхъ условій въ бухарской столицѣ полное, и только привычная натура таджика можетъ выносить, безъ особаго вреда для здоровья, весь этотъ смрадъ, пыль, грязь, нечистоту и отвратительную, гнилую воду.

Вторую достопримѣчательность Бухары составляетъ ея древній Регистанскій замокъ, построенный, по преданію, Афросіабомъ. То же преданіе гласитъ, что послѣ этого легендарнаго царя замокъ долго оставался въ развалинахъ и былъ возобновленъ лишь княземъ Бендономъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х. Въ эпоху владычества арабовъ, онъ неоднократно былъ разоряемъ и сожигаемъ почти дотла. Въ началѣ X столѣтія Измаиль Саманидъ украшаетъ и расширяетъ замокъ, обращая его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ главный дворецъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ запустѣнія, онъ снова былъ отстроенъ Альпъ-Арсланомъ и получилъ прежній свой видъ. Въ 1117 году, по завоеваніи Бухары шахомъ Харезмомъ, замокъ былъ разоренъ, но въ 1119 году опять возстановленъ. Нашествіе монголовъ, страшнымъ степнымъ ураганомъ пронесшееся надъ всей Трансоксаніей, оставило свой разрушительный слѣдъ и на тысячелѣтнемъ зданіи. Свирипыи Чингисъ, при общемъ разрушеніи Бухары, въ 1220 году пощадилъ, однако же, сѣдья стѣны Регистанскаго замка, и онъ былъ опустошенъ его войсками лишь съ внутренней стороны. Подобная судьба нерѣдко и послѣ того постигала замокъ, но его главныя части оставались неприкосновенными, вслѣдствіе чего архитектура этого зданія представляется намъ приблизительно такой, какой она была во времена великаго Саманида.

Мы уже говорили выше, что Регистанскій замокъ расположенъ въ сѣверо-западной части Бухары. Онъ построенъ на насыпномъ холмѣ, имѣющемъ въ высоту до 4 сажень, и обнесенъ зубчатыми кирпичными стѣнами, около 3 сажень вышины и до 2 сажень толщины у основанія. Стѣны снабжены нѣсколькими башнями и величественными воротами, выходящими съ западной стороны на Регистанскую площадь, обстроенную со всѣхъ сторонъ медресе, мечетями, караванъ-сараями и представляющую, въ обычное время, нѣчто вродѣ толкучаго рынка, съ безчисленнымъ множествомъ раскинутыхъ на немъ балагановъ и мелочныхъ лавочекъ.

Площадь въ Бухарѣ.

Съ площади къ воротамъ замка ведетъ довольно крутая дорога-насыпь, вымощенная камнемъ и окруженная, по сторонамъ, не высокою глинобитной баллюстрадой. Надъ воротами помѣщаются огромные круглые часы, съ курантами, бой которыхъ служитъ регуляторомъ для провѣрки часовъ жителей столицы. Передъ входомъ въ ворота, на небольшихъ площадкахъ парпетовъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ и старинныхъ мортирахъ. Пройдя въ ворота, вы входите въ длинную, широкую и высокую сводчатую тоннель, составляющую ихъ толщу. Стѣны этой тоннели увѣшаны разнаго рода средневѣковыми оружіемъ, въ числѣ котораго первое мѣсто занимаетъ огромная, саженной величины, плеть, или нагайка, принадлежавшая, по преданію, богатырю Рустему ¹⁾. Рядомъ помѣщается колоссальная деревянная булава, эмблема власти какого-то изъ доисторическихъ бухарскихъ владыкъ, и змѣевидный посохъ одного изъ безчисленныхъ средне-азиатскихъ святыхъ. Тутъ же виднѣются небольшіе, оправленные бирюзой, металлическіе топорики, малыхъ размѣровъ булавы и другія эмблемы власти азиатскихъ властителей, ихъ намѣстниковъ и ближайшихъ сотрудниковъ. Противоположная стѣна занята стариннымъ оружіемъ и разными военными доспѣхами, между которыми виднѣнъ огромный бубень, имѣющій, вѣроятно, также какое нибудь историческое значеніе. На той же стѣнѣ укрѣпленъ корень съ частью ствола святаго дерева, привезеннаго въ даръ предкамъ эмира изъ Мекки.

Внутрестѣнная площадь Регистанскаго замка представляетъ правильный четырехугольникъ, имѣющій въ длину около 200 и въ ширину около 150 сажень. Она сплошь застроена каменными зданіями разной величины и архитектуры, отдѣленными одно отъ другаго небольшими вымощенными двориками. Тутъ помѣщается дворецъ эмировъ, огромное и сложное зданіе, весьма напоминающее, по своему типу, наши до-Петровскіе дворцы и палаты бояръ. Повсюду видны крытыя галереи, пузатыя колонки у входовъ, крутыя лѣсенки, затѣйливыя и пестрыя скульптурныя украшенія на толстыхъ стѣнахъ, глубокія ниши въ окнахъ и входныхъ дверяхъ. Внутренность этого дворца представляетъ рядъ почти совершенно пустыхъ комнатъ, все богатство которыхъ заключается въ великолѣпныхъ туркменскихъ и баширскихъ коврахъ, покрывающихъ полы, и превосходной скульптурной работѣ потолковъ, раскрашенныхъ, какъ и стѣны, альфресковой живописью, изображающей цвѣты, арабески и другіе затѣйливыя рисунки въ азиатскомъ вкусѣ.

Огромный дворецъ этотъ, по большей части, остающійся пустыннымъ, такъ какъ эмиры проводятъ большую часть времени

¹⁾ Крестовскій, «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», Спб., 1887 г., стр. 290—291.

Мечеть-и-Каянъ.

въ загородномъ Ширъ-Баданскомъ замкѣ, не представляетъ собой ничего особенно замѣчательнаго въ архитектурномъ отношеніи и интересенъ развѣ въ смыслѣ своихъ историческихъ преданій.

Въ Регистанскомъ замкѣ, кромѣ дворца эмира и принадлежащихъ къ нему службъ, находятся три мечети, дома кушъ-беги и топчи-баши, обширныя дворцовыя кладовыя, представляющія собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, бухарскій эрмитажъ и государственное казначейство, такъ какъ въ нихъ хранятся всѣ капиталы и сокровища эмира; знаменитая тюрьма сіахъ-чахъ, верхній ярусъ которой занятъ обычными помѣщеніями для содержанія преступниковъ, а нижній—подвальными тюрьмами-клоповниками, теперь уже засыпанными и замурованными, по приказанію Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана. По близости этой тюрьмы находится Абъ-хана, или водохранилище, для сбереженія запаса воды во время лѣтнихъ жаровъ. Темные каменные резервуары этого зданія дѣйствительно отлично сохраняютъ воду, быть можетъ, единственную чистую и не опасную для питья во всей столицѣ Бухарскаго ханства. Всѣ эти зданія построены изъ тесаннаго камня и лишены какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній. Только мечети снабжены обычной скульптурой, арабесками и надписями, а ближайшая изъ нихъ къ входнымъ воротамъ украшена вдѣланными въ ея порталъ большими круглыми часами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подошвы холма, на которомъ расположенъ Регистанскій замокъ, помѣщается арсеналь, главный артиллерійскій дворъ, съ 80 орудіями, по большей части старой конструкціи и совершенно негодными къ дѣлу, и домъ главнаго зякетчія, представляющій собой одно изъ самыхъ богатыхъ и наиболѣе удобныхъ для жизни казенныхъ зданій во всей столицѣ.

Въ общемъ, бухарскій кремль производитъ впечатлѣніе чего-то мрачнаго, гнетущаго, давящаго.

Прежде чѣмъ разстаться съ этимъ несимпатичнымъ мѣстомъ, скажемъ нѣсколько словъ о его холмѣ, или насыпи, на которой собственно помѣщается замокъ.

Безъ сомнѣнія, насыпь эта лишь отчасти имѣетъ искусственное происхожденіе, и значительная доля ея образовалась подъ вліяніемъ естественныхъ наслоеній. Какъ бы то ни было, этотъ небольшой кусокъ земли служитъ убѣжищемъ самой богатой и образованной части населенія столицы втеченіе уже трехъ тысячъ лѣтъ. Тутъ жили властители страны, высшіе сановники и ихъ семьи. Сюда свозились огромныя богатства и массы произведеній искусствъ, оружія, принадлежностей обыденной жизни, символовъ религіи и т. д. Безъ сомнѣнія, все это оставило свой слѣдъ въ наслоеніяхъ историческаго холма, въ почвѣ котораго должна быть скрыта масса интересныхъ данныхъ для исторіи страны и населившихъ ее народовъ. Конечно, правильныя раскопки холма со-

вершенно невозможны въ настоящее время, въ виду его значенія, какъ подножія и фундамента цѣлаго маленькаго городка, но бухарскіе эмиры всеже могли бы оказать огромную услугу археологии и исторіи своей страны, если бы даже хотя отчасти приказали изслѣдовать тѣ площади земли, которыя остаются незастроенными внутри Регистанскаго замка. Не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованія эти вывели бы на свѣтъ огромные и чрезвычайно цѣнные археологическіе матеріалы.

Не меньшій интересъ для историческихъ изысканій представляютъ собой бухарскія кладбища, пріютившія въ своихъ нѣдрахъ столько поколѣній всевозможныхъ народностей, начиная отъ древнихъ персовъ, грековъ, римлянъ, скиновъ, арабовъ, монголовъ и разнообразныхъ тюркскихъ племенъ, до аборигеновъ страны—таджиковъ.

Кладбища эти, между которыми въ особенности замѣчательны Хазретъ-Имля, или царское и загородное, при могилѣ Ходжа-Богаетдина, усѣяны замѣчательными по своему стилю, рѣзной работѣ и надписями надгробными памятниками, одновременно сооруженными надъ прахомъ бухарскихъ владыкъ, ихъ приближенныхъ, полководцевъ и другихъ замѣчательныхъ личностей. Къ сожалѣнію, полное отсутствіе въ бухарскомъ народѣ интереса къ поддержанію остатковъ старины служитъ причиной безпощаднаго истребленія этихъ замѣчательныхъ памятниковъ прошлаго, которые, сплошь и рядомъ, лежатъ въ развалинахъ и постепенно засыпаются наноснымъ грунтомъ, навсегда унося съ собой въ землю ключи къ разгадкѣ многихъ интересныхъ историческихъ данныхъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Регистанскаго дворца находится соборная площадь, на которой расположены три замѣчательные памятника древне-строительнаго церковнаго мусульманскаго зодчества—Мечеть-и-Калянъ, медресе Миръ-Арабъ и минареть, или башня, Манари-Калянъ. Оба первыя зданія расположены одно напротивъ другаго, имѣя посрединѣ значительную площадь, западная сторона которой занята высоко поднимающимся къ небу величественнымъ минаретомъ.

Мечеть-и-Калянъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ зданій этого рода во всей Средней Азіи. Основаніе ея было положено Имаиломъ Саманидомъ, еще въ первыхъ вѣкахъ появленія ислама въ Трансоксаніи. Уже въ началѣ XIII столѣтія она считалась главнымъ городскимъ храмомъ. Отсюда въ 1220 г. Чингисъ подалъ своимъ войскамъ знакъ для всеобщаго разрушенія Бухары ¹⁾. Тогда же она сильно пострадала отъ пожара, истребившаго почти всю столицу.

Тимуръ возстановилъ это величественное зданіе въ его перво-

¹⁾ Вамбери, «Исторія Бухары», т. I, стр. 142.

начальномъ видѣ ¹⁾), и съ тѣхъ поръ оно остается достойнымъ памятникомъ великаго прошлаго Трансоксаніи.

Мечеть-и-Калянъ занимаетъ четырехугольную площадь въ 3.000 квадр. фут.; куполь ея возвышается надъ поверхностью земли почти на 100 футовъ. Нѣсколько хорошо сохранившихся каменныхъ ступеней ведутъ къ высокому portalу этого зданія, сплошь облицованному великолѣпными эмалированными изразцами, съ неподражаемымъ искусствомъ сложенными въ форму одного общаго громаднаго рисунка, заключающаго въ себѣ многоцвѣтныя арабески, изреченія изъ алкорана, сдѣланныя куфическими письменами, переплетенныя гирляндами цвѣтовъ и другими составными частями причудливаго азіатскаго рисунка. Изящная и легкая стрѣльчатая арка ведетъ къ массивнымъ рѣзнымъ дверямъ, снабженнымъ бронзовой оковкой, пройдя которыя вы входите на квадратный дворъ мечети, обнесенный съ трехъ сторонъ крытой каменной галлереей, образующей рядъ сквозныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, имѣющихъ назначеніе служить убѣжищемъ для молящихся въ дождливую или слишкомъ жаркую погоду. Мечеть расположена въ восточной сторонѣ зданія. Посреди двора возвышается круглая бѣлая мраморная каеэдра, съ которой произносятся проповѣди послѣ богослуженія.

Мечеть представляетъ собой совершенную копію наружнаго портала зданія. Огромная стрѣльчатая входная арка дѣлаетъ ея внутренность открытой взору молящихся со стороны двора, а такія же двѣ боковыя арки—тѣмъ, кто помѣщается въ галлерейхъ. Потолокъ и внутреннія стѣны расписаны великолѣпной альфресковой живописью мертвыхъ цвѣтовъ. Зданіе вѣнчаетъ огромный, бирюзоваго цвѣта, полусферическій куполь. Наружныя, со стороны двора, части такъ же, какъ и арки галлерей, украшены эмалированными изразцами, образующими тотъ же рисунокъ, что и на порталѣ зданія.

Внутренность мечети, какъ и вообще всего зданія, совершенно пуста. Тутъ вы не увидите ни малѣйшаго предмета, который могъ бы развлечь впечатлѣніе величественной простоты, производимой общимъ видомъ зданія и его деталями. Только во время совершенія службы полъ мечети устилается коврами, да передъ главной молитвенной нишей раскладываются на небольшихъ столикахъ алкораны и другія священныя книги, которыя послѣ службы тотчасъ убираются.

Въ общемъ, все это массивное зданіе, съ его безчисленными рѣзными нишами, арками, пилястрами, колоннами, украшенными дивными рисунками и арабесками, представляетъ цѣлую поэму древняго средне-азіатскаго архитектурнаго творчества, умѣвшаго сочетать поражающее великолѣпіе съ простотой и изяществомъ,

¹⁾ Борнсъ, ч. II, стр. 427.

Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.

грандіозность и массивность съ необыкновенною соразмѣрностью и легкостью общихъ очертаній.

Безъ сомнѣнія, мало однихъ денегъ и доброй воли, чтобы соорудить зданіе, подобное Мечеть-и-Калянъ. Для этого нужно еще то оригинальное творчество, которое выработывалось подъ вліяніемъ неизвращеннаго религіознаго культа первыхъ вѣковъ ислама и угасшей уже теперь въ таджикской народности, нѣкогда въ такой сильной степени присущей ей, склонности къ искусствамъ, поэзіи и вообще ко всему эстетическому.

Мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что Мечеть-и-Калянъ является прототипомъ всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азіи. Сооруженное рукой гениальнаго зодчаго, имя котораго осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ для потомства, зданіе это послужило моделью для послѣдующихъ поколѣній, изъ которыхъ каждое заимствовало отъ него общія черты и отдѣльныя детали его огромнаго художественнаго цѣлага. Изъ дальнѣйшаго осмотра архитектурныхъ памятниковъ Бухары мы увидимъ, что многимъ удавалось превзойти въ той или другой подробности этотъ древній образецъ архитектурнаго искусства, но ни одинъ изъ зодчихъ не возвышался до того секрета общей гармоніи, цѣльности, законченности, которыя были вложены въ Мечеть-и-Калянъ душой ея перваго основателя.

Соборная мечеть вмѣщаетъ въ своемъ дворѣ и галлереяхъ отъ 10 до 15 тысячъ молящихся. Бухарскіе эмиры, во время пребыванія своего въ столицѣ, каждую пятницу посѣщаютъ ее, совершая здѣсь полуденную молитву.

Противоположная сторона соборной площади занята другимъ, не менѣе замѣчательнымъ, древнимъ зданіемъ—медресе Миръ-Арабъ, однимъ изъ тѣхъ зданій, которыя, по выраженію доктора Яворскаго, прославили Бухару и заслужили мировую извѣстность своими изразцовыми украшеніями¹⁾.

Медресе Миръ-Арабъ было возведено бухарскимъ сановникомъ этого имени въ царствованіе эмира Абдулахъ-хана, въ періодъ времени между 1575—1597 годами.

Огромное зданіе это построено изъ жженаго кирпича, облицованнаго эмалированными кафелями, преимущественно бѣлаго и сянга цвѣтовъ. Главный фасадъ его украшенъ величественнымъ порталомъ, поднимающимся на нѣсколько сажень выше его боковыхъ крыльевъ. По обѣимъ сторонамъ портала находятся двухэтажные боковые корпуса съ тремя стрѣльчатыми нишами въ каждомъ ярусѣ, надъ которыми высоко поднимаются къ небу два огромные лазоревые купола съ тамбуромъ, украшеннымъ мелкой, какъ кру-

¹⁾ Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», Спб., 1883 г., т. II, стр. 343.

жево, рѣзной работой и гирляндами куфическихъ надписей. Большая ниша главнаго портала и малыя—боковыхъ корпусовъ представляютъ собой какъ бы вогнутые внутрь амфитеатры, снабженные дивнаго рисунка рѣзными дверями, рѣшетчатыми окнами, баллюстрадами и другими украшеніями, дѣлающими чертежъ наружнаго фасада медресе чрезвычайно сложнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неподражаемо прекраснымъ.

Передъ входомъ въ медресе находится возвышенная площадка, выложенная камнемъ, на которую ведетъ широкая каменная лѣстница.

Внутренній дворъ представляетъ четырехугольникъ, со всѣхъ сторонъ ограниченный стѣнами зданія, въ которыхъ устроены жилия комнаты для обучающихся здѣсь семинаристовъ. Комнаты расположены въ два этажа. Въ нижнемъ обыкновенно помѣщаются профессора, въ верхнемъ—студенты. Стѣны зданія достигаютъ высоты 10 сажень; порталъ и молитвенныя ниши съ арками, устроенныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ зданія,—до 15 сажень. Арки надъ нишами и своды ихъ также облицованы великолѣпными разноцвѣтными изразцами, сохранившими до сей поры изумительную свѣжесть красокъ; цвѣты, образованные сложной и очень тонкой мозаикой, смотрятъ живыми. Не менѣе искусно выложены на стѣнахъ и аркахъ арабскія надписи изъ алкорана.

Къ сожалѣнію, наружная отдѣлка Мирь-Арабъ пострадала болѣе чѣмъ какого нибудь другаго зданія этого рода. Эмалированная облицовка во многихъ мѣстахъ выпала, образовавъ зіяющія раны, и, вѣроятно, недалеко то время, когда она совершенно исчезнетъ, оставивъ о себѣ воспоминанія лишь въ народной памяти и въ тѣхъ немногихъ русскихъ музеяхъ, куда случайно были занесены кое-какіе обломки, подобранные руками туристовъ и путешественниковъ¹⁾

Прежде чѣмъ оставить медресе Мирь-Арабъ, представляющее собой, въ болѣшей или меньшей степени, модель всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азій, скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи въ немъ мусульманской премудрости, условіяхъ поступленія въ него учащихся, прохожденіи курса, внутренней организаціи и проч.

Медресе Мирь-Арабъ имѣетъ трехъ мударисовъ, или профессоровъ, преподающихъ каждый свой отдѣлъ мусульманскихъ наукъ. Старшему изъ нихъ принадлежитъ распорядительная власть и завѣдываніе вакуфными доходами, идущими на содержаніе зданія, жалованье профессорамъ, вспомошествованіе недостаточнымъ семинаристамъ и проч. Число учащихся въ медресе достигаетъ 140 человекъ и опредѣляется количествомъ комнатъ, которыхъ 110.

¹⁾ Подобную коллекцію намъ удалось видѣть въ Московскомъ политехническомъ музеѣ. Безъ сомнѣнія, она не единственная въ своемъ родѣ въ Россіи.

Тридцать сверхкомплектныхъ студентовъ живутъ по двое въ одной комнатѣ съ товарищами. При поступленіи въ медресе каждый обязанъ сдѣлать единовременный взносъ отъ 25 до 450 рублей, смотря по достатку, но за то втеченіе всего курса онъ ежегодно получаетъ изъ кассы медресе по 40 рублей, а въ случаѣ нужды еще единовременныя пособія. Весь курсъ проходитъ втеченіе 10—20 лѣтъ, вслѣдствіе чего среди семинаристовъ нерѣдко встрѣчаются уже весьма почтенныя по своимъ лѣтамъ личности. Лекціи читаются каждый день съ восхода до заката солнца съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами, необходимыми для приготовленія лекцій, отдыха и молитвы, кромѣ пятницъ и четверговъ, а также мѣсяца Рамазана и трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, составляющихъ каникулярное время.

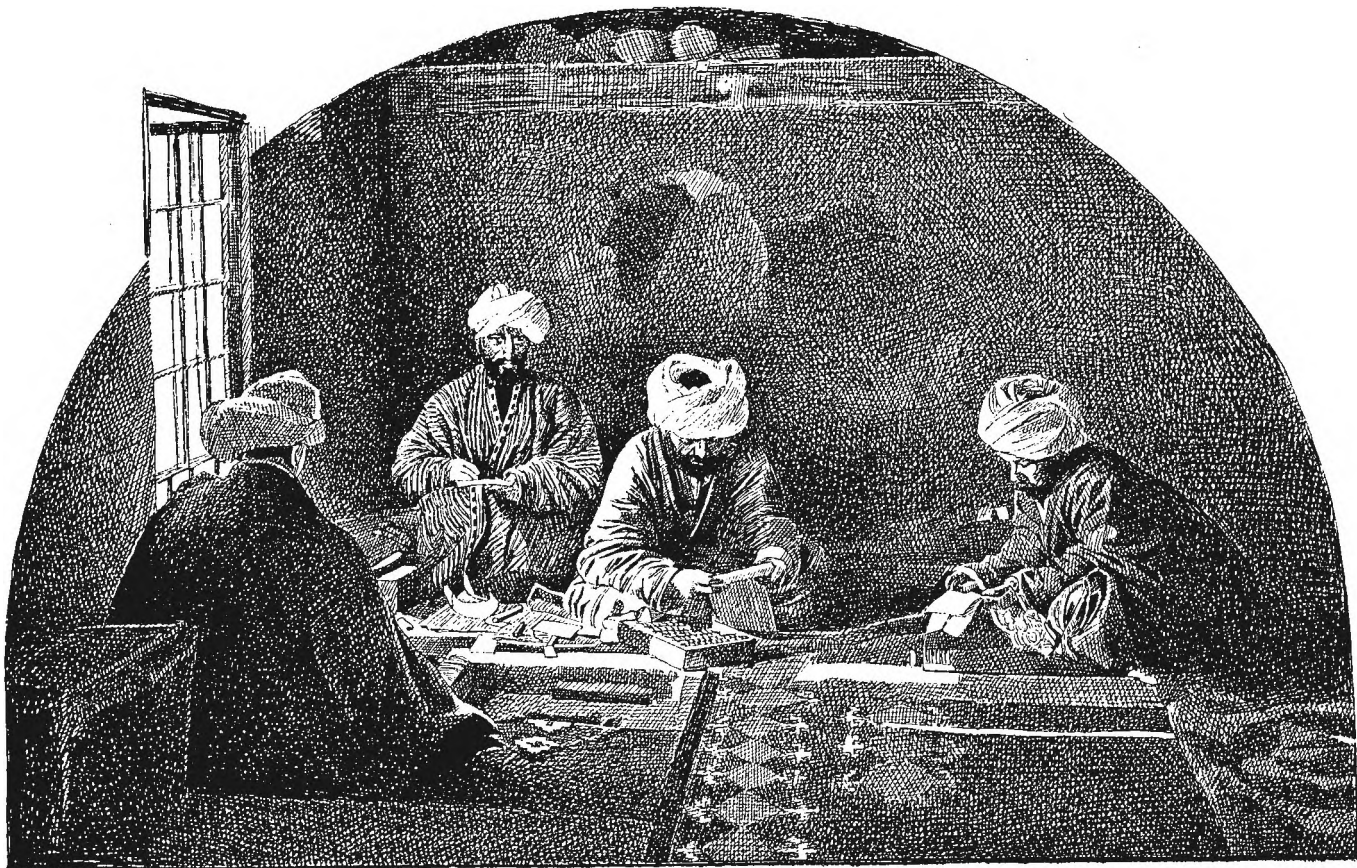
Три главные рода наукъ: это ширгіе—теологическія, арабіе—арабскія и хикміе—свѣтская мудрость. Весь курсъ обученія въ медресе направленъ исключительно къ развитію и поддержанію религиозно-философскихъ идей, казуистики и весьма поверхностнаго остроумія. Положительная европейская наука остается здѣсь совершенно неизвѣстной.

Лекціи проходятъ по книгамъ, которыхъ насчитывается до 137. Профессоръ, задавъ какой нибудь отдѣлъ, разъясняетъ его слушателямъ. Затѣмъ идетъ изложеніе, по выбору профессора, къмъ либо изъ присутствующихъ ранѣе заданнаго отдѣла. Пренія семинаристовъ, опонирующихъ отвѣчающему, завершаются заключеніемъ профессора. При этомъ вырабатывается искусство говорить и спорить, что имѣетъ весьма большую цѣну въ глазахъ бухарцевъ.

Научная зрѣлость кончающаго курсъ семинариста констатируется всѣми профессорами, и тогда онъ выпускается изъ заведенія съ тѣмъ или другимъ изъ духовныхъ мусульманскихъ званій, дающихъ ему право занять мѣсто муллы, казія, профессора въ медресе или учителя въ мактабъ-хане (первоначальной народной школѣ).

Разумѣется, во всемъ этомъ не обходится безъ кумовства и послабленій подъ вліяніемъ всесильнаго на востокъ презрѣннаго металла. Богатые кончаютъ скорѣе и съ меньшими усиліями, чѣмъ бѣдные. Что касается способностей, то высшимъ ихъ критеріумомъ считается память, дающая возможность вы зубрить наизусть коранъ, шаріатъ и другія священныя книги.

Студенты живутъ вообще безбѣдно, ибо, по установившемся издавна обычаю, эмиры бухарскіе и народъ жертвуютъ ежегодно значительныя суммы въ пользу духовенства и учащихся. Кромѣ того, они пользуются лѣтними мѣсяцами, чтобы заработать что нибудь уроками, рассыпаясь по окрестнымъ кишлакамъ и отправляясь къ кочевникамъ, у которыхъ такой посѣтитель бываетъ всегда желаннымъ гостемъ.

Бухарская торговая контора.

Что касается почтенныхъ мударисовъ, то это народъ вполне обеспеченный. Ихъ матеріальному достатку можетъ позавидовать любой изъ нашихъ тружениковъ науки.

Сѣверная сторона площади занята хорошо сохранившейся башней Манари-Калянъ. Минареть этотъ, по свидѣтельству Борнса, построенъ въ 542 году гиджиры ¹⁾, слѣдовательно въ правленіе Арсланъ-хана, въ 1125 году нашей эры ²⁾.

Манари-Калянъ представляетъ собой круглую каменную башню, имѣющую въ окружности при основаніи около 35, а въ высоту около 88 аршинъ ³⁾, постепенно суживающуюся къ верху, увѣнчанную изящнымъ рѣзнымъ тамбуромъ, въ видѣ высокой короны, съ прорѣзаннымъ въ ней рядомъ полукруглыхъ, глухихъ италіанскихъ оконъ. Подножіе башни вымощено плитами тесаннаго камня, а сама она сплошь облицована разноцвѣтными кафелями, образующими цѣлый рядъ сложныхъ рисунковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго нѣсколькими широкими цвѣтными эмалированными поясами. Тамбуръ снабженъ сложными украшеніями изъ рѣзнаго камня.

Внутри башни устроена витая лѣстница, освѣщаемая небольшими, едва замѣтными снаружи, длинными и тонкими окнами, прорѣзанными въ толщѣ башни. Съ высоты этого минарета муезины сзываютъ по пятницамъ на молитву жителей столицы. Отсюда же, при прежнихъ эмирахъ, сбрасывали на каменный помостъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Съ высоты этой башни открывается роскошная панорама на городъ и его окрестности. Перемѣстивъ взглядъ съ ближайшихъ сосѣдей великана-минарета, Медрессе-Миръ-Арабъ и Мечеть-и-Калянъ, очертанія которыхъ кажутся отсюда еще изящнѣе, еще величественнѣе, вы видите подъ своими ногами цѣлое море плоскихъ земляныхъ крышъ, въ разныхъ мѣстахъ котораго высоко поднимаются къ небу грандіозные памятники историческаго прошлаго Трансоксаніи. Великолѣпныя мечети, величественныя медресе, какъ бы висящія въ воздухѣ огромные лазоревые купола, темныя массы Регистанскаго замка, кладбища, минареты и другіе памятники,—всѣ эти остатки сѣдой старины ярко выдѣляются своими

¹⁾ Борнсъ, ч. II, стр. 427.

²⁾ Вамбери, «Ист. Бух.», ч. I, стр. 112.

³⁾ Путешественники, одновременно описывавшіе эту башню, придавали ей различные размѣры. Такъ, Филиппъ Ефремовъ («Странствованія въ Киргизской степи и Бухаріи», Казань, 1811 г., стр. 96) говоритъ, что башня эта имѣла въ высоту 60 и въ ширину 3 сажени, что, очевидно, невозможно. Докторъ Яворскій («Пут. по Авган. и Бух. ханству», т. II, стр. 345) опредѣляетъ ея высоту въ 25 саж. В. Крестовскій («Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», стр. 359) говоритъ, что высота башни—87½ аршинъ, а окружность—35 шаговъ. Эти послѣднія цифры мы приводимъ, какъ болѣе подходящія къ нашему собственному глазомѣрному измѣренію.

изящными формами и блеском изразцовых украшений на общем глинобитном сѣро-пепельном фонѣ, стѣснивших их со всѣхъ сторонъ, современныхъ мизерныхъ построекъ, безцвѣтныхъ и безжизненныхъ. Дивно прекрасными, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалкими, кажутся отсюда эти полуразвалившіеся остатки минувшаго величія ислама и таджикской народности. Окружившій ихъ со всѣхъ сторонъ измелчавшій современный бухарскій людъ чуждъ ихъ великому историческому прошлому. Онъ вырожденъ, измелчалъ, въ немъ давно погасла искра стремленія къ возвышенному, прекрасному... Идея, которая была вложена въ эти грандіозные памятники талантомъ знаменитыхъ артистовъ, непонятна и чужда ему. Толпа не только не цѣнитъ и не стремится къ поддержанію этихъ чудныхъ зданій, но увеличиваетъ ихъ разрушеніе, равнодушно отрывая отъ нихъ камень за камнемъ... ¹⁾).

Вся сѣверная сторона застѣннаго города утопаетъ въ зелени садовъ, за которой сверкаетъ на горизонтѣ серебристая линія водъ Заравшана. На востокъ виднѣется обширный загородный Ширъ-Баданскій замокъ эмира, а далѣе монастырь и селеніе Богаеддинъ, эта вторая Мекка мусульманъ Средней Азіи. Нѣсколько дальше и правѣе, какъ живая эмблема зарождающейся въ Бухарѣ новой жизни, видна раскинувшаяся, на значительномъ пространствѣ, желѣзно-дорожная станція Бухара, а за ней русскій поселокъ и рельсы Закаспійской дороги. Вы невольно поворачиваете вашъ бинокль то на то, то на другое изъ этихъ мѣстечекъ, стоящихъ такъ близко одно къ другому и столь далекихъ другъ другу по своему характеру и назначенію. Какъ будто нарочно судьба сблизила опорную точку культурныхъ стремленій современной жизни съ многовѣковымъ оплотомъ религіозной косности, фанатизма и тысячалѣтняго застоя, представителемъ котораго является монастырь Богаеддинъ и связанная съ нимъ традиція.

Къ югу и западу видны за городской стѣной обширные кишлаки, разбросанные среди садовъ и рощъ на большое разстояніе. Среди нихъ безчисленными кривыми радіусами, сходящимися къ одной общей точкѣ—городскимъ стѣнамъ, идутъ дороги изъ Пейкенда, Карки, Каракуля и другихъ мѣстностей.

Тутъ, по преданію, находились когда-то великолѣпные дворцы Моліанъ и Шемшабадъ, окруженные прекрасными садами, роскошными лугами, цвѣтниками, клумбами, ручейками и фонтанами. Тутъ же находился огромный, въ 4 мили въ окружности, зоологи-

¹⁾ Торговля эмалированными изразцами, которые еще не такъ давно беспощадно выламывались цѣлыми сотнями изъ наружной и внутренней облицовки древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ зданій, вошла въ профессію для нѣкоторыхъ туземцевъ. Въ настоящее время это возмутительное варварство строго воспрещено распоряженіями эмира Сеидъ-Абдуль-Ахата и туркестанской администраціей.

ческий садъ, переполненный рѣдкими звѣрями и птицами, находившимися въ полуприрученномъ состояніи, а также ботанической садъ, въ которомъ росли нынѣ совершенно неизвѣстныя въ Бухарѣ породы деревьевъ, какъ-то кедръ, вишневое, лавровое дерево и др. Нашествіе монголовъ, какъ вихрь, снесло все это съ поверхности земли, но лѣтописи и народная память сберегли до нашихъ дней воспоминаніе объ этихъ загородныхъ бухарскихъ Эльдорадо.

Въ общемъ картина представляется поразительно-прекрасной и оригинальной. Долго, долго глазъ не хочетъ оторваться отъ нея и перейти на мелкіе предметы обыденной обстановки.

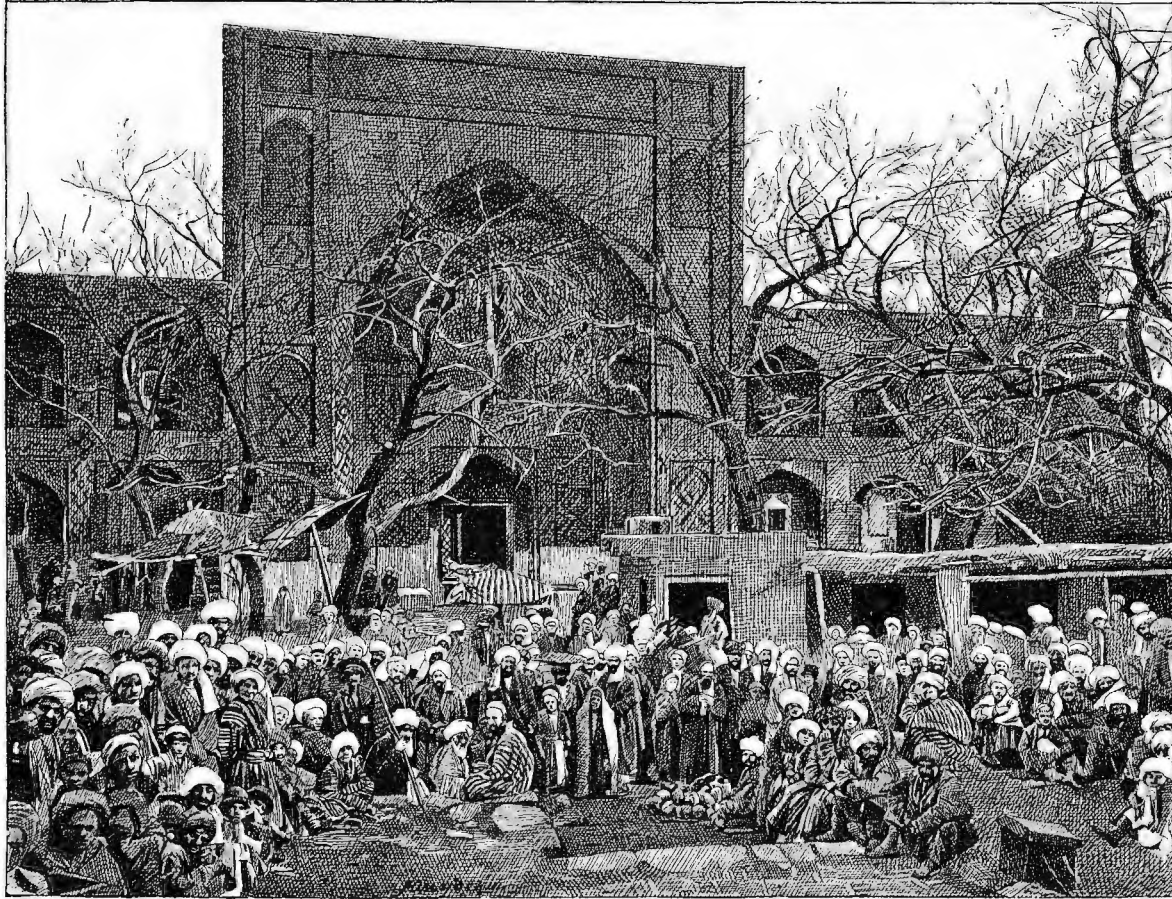
При всемъ томъ, это является положительно необходимымъ, ибо входъ на вершину минарета, съ котораго открывается видъ во внутреннія части прилегающихъ къ нему домовъ, разрѣшается лишь духовнымъ лицомъ, и позволеніе взглянуть оттуда на общій видъ города составляетъ исключительную любезность, которой не слѣдуетъ злоупотреблять.

Двигаясь отъ соборной площади къ югу, по направленію главнаго городского базара, вы проѣзжаете разстояніе около версты, сплошь застроенное караванъ-сараями, мечетями и медресе, между которыми видны болѣе или менѣе замѣчательныя, по своей древности и архитектурѣ, зданія, близко подходящія къ типу только-что описанныхъ построекъ, занимающихъ соборную площадь. Между ними, съ лѣвой стороны, видны медресе Зергирянъ, Диванъ-беги и караванъ-сарай Пирхане; справа—мечеть и медресе Гаукшонъ, караванъ-сарай Раджабъ-бека и другія зданія.

Миновавъ рядъ кривыхъ и тѣсныхъ улицъ, вымощенныхъ кое-какъ огромнымъ булыжникомъ, заставляющимъ васъ ежеминутно подпрыгивать на подушкахъ рессорнаго экипажа, вы въѣзжаете наконецъ въ центръ городской жизни бухарской столицы, въ ея главный базаръ,—и что за пестрое, шумное зрѣлище представляется вашимъ глазамъ!

Позволяемъ себѣ воспроизвести описаніе этой картины, мастерски сдѣланное г. Яворскимъ, въ его книгѣ «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству».

«Типы всѣхъ народностей Средней Азіи виднѣются тутъ одинъ возлѣ другаго. Природный бухарецъ, съ тонкими чертами лица и дѣловой фізіономіей, торгуетъ рядомъ съ мѣнялой индусомъ-огнепоклонникомъ, который жаднымъ взоромъ посматриваетъ даже на свои собственные деньги. Его продолговатая фізіономія, съ суровыми, жесткими чертами лица, съ краснымъ значкомъ на лбу и высокимъ плыкомъ на конусообразной головѣ, выражаетъ что-то дикое, надъ чѣмъ не пробудилось моральное сознание. Онъ самъ существуетъ для денегъ, а не деньги для него... Широкая, открытая фізіономія самаркандца, пріютившагося тутъ же рядомъ съ

Медресе Абдуллахъ-хана.

своимъ шкафчикомъ, наполненнымъ туземными шелковыми тканями, представляетъ рѣзкій контрастъ съ фізіономіей тутъ же торгующаго еврея, вытянутой блѣдной, точно изъ мрамора изваянной, оживленной быстрыми, лукавыми глазами и оттѣненной завитками длинныхъ пейсовъ. Широкоскулый, плосконосый, съ лицомъ, какъ тарелка, съ узкими покосившимися внутрь глазами, обитатель киргизскихъ степей, лѣниво расхаживающій отъ одной лавки къ другой, наталкивается на хищника Туранскихъ пустынь туркмена, клинообразная фізіономія котораго, мягко оттѣненная небольшой, но довольно густой бородой, не выражаетъ ни особенной свирѣпости, ни также мягкости. Его небольшіе, сѣрые, чаще каріе глаза, зорко смотрящіе изъ-подъ нахлобученной, огромной мерлушковой папахи, говорятъ о коварствѣ. Вотъ передъ вами высокая, широкоплечая фигура авганца. Смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, большая окладистая борода и длинные, нестриженные косматые волосы сразу выдаютъ его національность. Онъ непремѣнно мѣняла, рѣже торговецъ индійскими чаями, иногда продавецъ бирюзы, ляписъ-лазури и т. д. А вотъ длинная, поджарая, волосатая фигура персіянина. Высокая мерлушечья шапка, сдвинутая на затылокъ, длинный, слегка горбатый носъ, далеко-далеко выдающійся впередъ, украшающій его подвижную фізіономію, красные ногти на пальцахъ, часто выкрашенная въ огненный цвѣтъ борода... сразу рекомендуютъ вамъ его. Онъ непремѣнно продавецъ фруктовъ или рѣже шелковыхъ матерій. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, вы видите довольно плотную фигуру средняго роста, обладающую подвижной и выразительной фізіономіей. Эта фізіономія украшена большими карими, иногда черными, живыми глазами: широкій разрѣзъ вѣкъ дополняетъ образъ пешаверца. Здѣсь же вы видите и казанскаго татарина и астраханскаго калмыка, изрѣдка желто-лимоннаго китайца и даже дикаго сына Кавказскихъ горъ¹⁾).

Вся эта огромная разношерстная, разноплеменная, разнохарактерная толпа сливается здѣсь въ одинъ общій потокъ, наводняющій своимъ теченіемъ безчисленные караванъ-сарай, лавки, чайханы, харчевни и узкія полутемныя улицы огромнаго базара. Мѣсто это, безспорно, является самой жизненной точкой, самымъ животрепещущимъ нервомъ не только бухарской столицы, но и всего ханства. Тутъ весь этотъ людъ находитъ удовлетвореніе своему естественному природному влеченію къ торговлѣ, къ маклерству и гешефтмейстерству; здѣсь онъ покупаетъ и продаетъ, совершаетъ всевозможныя коммерческія сдѣлки, молится, ѣсть, пьетъ, политиканствуетъ, наслаждается въ одно и то же время душеспаси-

¹⁾ Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», 1883 г., стр. 341—342.

тельными проповѣдями муллъ и подвижнымъ театрамъ маріонетокъ. Здѣсь опредѣляется денежный курсъ и цѣны на товаръ, принимаемая впослѣдствіи цѣлымъ ханствомъ; здѣсь же складываются моды и общественное мнѣніе,—словомъ, здѣсь центръ народной жизни торговой, религіозной и политической.

Все это смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ типовъ, самыхъ яркихъ красокъ и необычайно рѣзкихъ звуковъ, порождаемыхъ многотысячной толпой, говорящей на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, вмѣстѣ съ ревомъ верблюдовъ и ишаковъ, меланхолическимъ тренканьемъ дутары, крикливымъ, рѣзущимъ слухъ, завываніемъ дerviшей и тысячью другихъ звуковъ, поражающихъ непривычное ухо европейца, образуетъ такой гамъ и шумъ, такую пеструю, своеобразную картину, которая оглушаетъ и ошеломляетъ васъ въ первую минуту. Только остановившись и давъ улечься первому впечатлѣнію, вы овладѣваете объектомъ этой картины, не лишенной оригинальной прелести и, быть можетъ, единственной въ своемъ родѣ.

Весь вообще торговый рынокъ города Бухары подраздѣляется на караванъ-сарай, тимы, чаръ-су и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ исключительно мѣстомъ склада привозныхъ заграничныхъ товаровъ и имѣютъ внутренніе дворы, обстроенные зданіями, нижніе этажи которыхъ заняты лавками и кладовыми, а верхніе отдаются въ наймы для помѣщенія пріѣзжихъ купцовъ.

Тимы представляютъ собой четырехугольные деревянные или каменные сараи, гдѣ производится торговля мѣстными мануфактурными и заграничными издѣліями. Лучшимъ тимомъ считается тимъ Абдуллахъ-хана—превосходно построенный, прочный каменный пассажъ, состоящій изъ цѣлаго ряда скрещивающихся между собой полукруглыхъ сводчатыхъ ротондъ. Чаръ-су, это нѣчто въ родѣ отдѣльнаго небольшого пассажа, въ которомъ продаются всевозможные предметы, преимущественно же предметы домашняго обихода, какъ-то: готовые платья, ножевый товаръ, посуда, мыло, чай и т. д.

Базары представляютъ собой или крытые циновками торговые ряды или цѣлый рядъ балагановъ на открытомъ воздухѣ, среди площадей, подобно нашимъ толкучимъ рынкамъ.

Въ Бухарѣ считается всего до полутораста караванъ-сараявъ, девять тимовъ (изъ нихъ пять каменныхъ), шесть чаръ-су, пять-десять внутреннихъ базаровъ и около двадцати пяти въ пригородныхъ слободахъ.

Мы уже имѣли случай указать въ предыдущей главѣ на главные предметы ввоза и вывоза изъ Бухары различныхъ товаровъ. Поэтому не будемъ утомлять читателя описаніемъ всего содержимаго огромныхъ и сложныхъ помѣщеній главнаго бухарскаго базара. Укажемъ лишь на то, что эта сама по себѣ значительная

внутренняя торговля занимает лишь второстепенное мѣсто въ общемъ механизмѣ торговыхъ оборотовъ ханства, центръ тяжести которыхъ лежитъ главнымъ образомъ въ транзитной торговлѣ. Географическое положеніе Бухары на точкѣ пересѣченія путей изъ Индіи, черезъ сѣверный Авганистанъ, восточныя провинціи Персіи и юго-западныя части Кашгара, съ одной стороны, и Россіей съ другой — упрочиваютъ за ней значеніе главнаго торговаго центра между Нижегородскимъ и Пешаверскимъ рынками.

Осмотрѣвъ главный базаръ, необходимо взглянуть на медресе Гаукшонъ, замыкающее собой юго-западную его оконечность. Это самое богатое изъ всѣхъ медресе въ Бухарѣ, такъ какъ ректоръ его получаетъ съ его вакуфа до 7.000 рублей въ годъ на свои деньги, а семинаристы отъ 60—100 рублей каждый.

Въ полувертѣ отсюда, по направленію къ сѣверо-востоку, одно подлѣ другаго, находятся два замѣчательныя медресе: Кукольташъ — построенное министромъ Абдуллахъ-хана Алейке-Кукольташемъ, въ началѣ XVI столѣтія, самое большое по числу комнатъ и одно изъ самыхъ величественныхъ зданій этого рода въ Бухарѣ, и Ирѣ-Назаръ, сооруженное на деньги, пожертвованныя императрицей Екатериной II, въ царствованіе эмира Шахъ-Мурада, основателя династіи Мангытъ, въ періодъ времени около 1790—1793 г. ¹⁾ Медресе Ирѣ-Назаръ построено изъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ эмалированными изразцами, въ обычномъ стилѣ построекъ этого рода въ Средней Азіи. Оно имѣетъ болѣе 60 комнатъ для помѣщенія семинаристовъ и свой отдѣльный вакуфъ. Высокій портикъ, съ стрѣльчатой нишей, выложенной внутри бѣлымъ точенымъ мраморомъ, ведетъ во внутренній дворъ этого помѣщенія, обстроенаго кругомъ двухъ-этажными корпусами. Въ одномъ изъ нихъ находится большая аудиторія,

¹⁾ Правленіе эмира Шахъ-Мурада было ознаменовано оживленными дружественными сношеніями Россіи съ Бухарскимъ ханствомъ. Шахъ-Мурадъ всячески стремился поддержать эти сношенія, не безъ основанія рассчитывая найти въ Россіи естественную союзницу въ борьбѣ съ персидскимъ шахомъ Магометь-Ага, заклятымъ личнымъ врагомъ Шахъ-Мурада. Около 1790 г. онъ отправилъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ II слона и восемь арабскихъ лошадей. Во главѣ посольства былъ поставленъ нѣкто Ирѣ-Назаръ. Результатомъ этого посольства явилось сооруженіе въ Бухарѣ, по волѣ императрицы, медресе, названнаго «Ирѣ-Назаръ», или Назаръ-Ильчи.

Въ непродолжительномъ времени, мы надѣемся познакомить читателей съ интереснымъ историческимъ моментомъ сближенія Бухары съ Россіей подъ влияніемъ политическихъ комбинацій и нравственнаго негодованія, вызваннаго личностью и дѣйствіями свирѣпаго изверга Магометь-Ага, овладѣвшаго престоломъ Персіи послѣ смерти Шахъ-Надира.

Эпоха эта интересна еще и потому, что результатомъ ея явилось нѣсколько памятниковъ въ Средней Азіи, сохранившихся до нашихъ дней, вмѣстѣ съ именемъ императрицы Екатерины Великой, которое живо въ памяти средне-азиатскихъ народовъ.

съ плоскимъ куполомъ, стѣны и потолокъ которой сплошь покрыты изящными узорами тонкой лѣпной работы изъ алебастра.

Въ полтора верстахъ отъ этихъ интересныхъ зданій находится кварталъ прокаженныхъ и песевыхъ субъектовъ, или Гузари-песанъ. Этотъ кварталъ расположенъ въ сѣверо-восточной части города, не будучи отдѣленъ отъ послѣдняго никакими естественными или искусственными преградами. Полнѣйшее равнодушіе бухарцевъ ко всякаго рода гигиеническимъ и санитарнымъ условіямъ допускаетъ до сихъ поръ существованіе въ городской чертѣ этого лепрознаго пріюта, заразное вліяніе котораго, путемъ пользованія общей арычной водой, не подлежитъ сомнѣнію. И это тѣмъ болѣе удивительно, что нѣтъ въ мірѣ народа, который съ такимъ отвращеніемъ относился бы къ больнымъ вообще и къ прокаженнымъ въ особенности, какъ таджикскій народъ. Но такова уже сила привычки и дѣйствіе фатализма! Считая проказу въ высшей степени заразительной, бухарцы въ то же время отнюдь не думаютъ о томъ, чтобы, подобно многимъ другимъ городамъ Средней Азіи, хоть сколько нибудь изолировать прокаженныхъ путемъ выселенія ихъ за городскую черту. Они ограничиваются лишь тѣмъ, что воспрепятствуютъ махаонамъ оставлять районъ ихъ квартала и появляться въ центрѣ города, для чего содержатся небольшіе караулы, при входахъ и выходахъ изъ Гузари-писанъ. Разумѣется, запрещеніе это остается совершенно фиктивнымъ, такъ какъ мы сами неоднократно встрѣчали на улицахъ субъектовъ со всѣми признаками вполне развившейся проказы.

Средне-азиатская проказа, или иначе «махао», есть не что иное, какъ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ видовъ болѣзни, извѣстной въ медицинѣ подъ именемъ *elephantiasis graecorum*. Исторія медицины относитъ появленіе этой болѣзни ко временамъ глубокой древности. Мѣстороженіемъ ея считаются Египетъ и Индія ¹⁾.

Причины существованія проказы въ точности не извѣстны. Зародыши ея, какъ предполагаютъ, заключаются въ лепрозныхъ палочкахъ, близко подходящихъ къ бугорковымъ. Существуетъ также предположеніе, что болѣзнь эта наследственна, но иногда она падаетъ отдѣльныхъ субъектовъ и даже цѣлыя поколѣнія и

---

¹⁾ Эйхгорстт, «Руководство къ частной патологіи и терапіи», пер. съ нѣм., Спб., 1888 г., т. IV, ст. 711.

Болѣзнь эта не чужда и европейскому полуострову. Перенесеніе ея изъ Малой Азіи въ Европу приписывается войскамъ Пампи, а затѣмъ крестоносцамъ. Въ настоящее время она еще вѣрѣдка встрѣчается въ Швеціи и Норвегіи, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, въ Испаніи, Португаліи, Греціи, Турціи и Испаніи, а также въ южной и юго-восточной Россіи, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ черной немочи; у астраханскихъ киргизовъ подъ именемъ чапди; у ногайцевъ—урусъ-катуръ; у донцовъ—крымской болѣзни. Предполагаютъ, что на югъ Россіи она была занесена войсками Тамерлана, въ концѣ XIV ст.

потомъ снова появляется ¹⁾). Степень заразительности проказы до сихъ поръ въ точности не опредѣлена. Большинство мнѣній сводится къ тому, что проказа заразительна лишь при непосредственныхъ сношеніяхъ съ зараженнымъ субъектомъ; песь же совсѣмъ не заразительна.

Огромное большинство случаевъ заболѣванія махао обнаруживается между 20—40 годами. Процентъ заболѣваемости мужчинъ значительно больше женщинъ. Болѣзнь считается до сихъ поръ неизлечимой какъ европейскими, такъ и туземными врачами ²⁾).

Признаки появленія и общаго теченія этой мучительной, тяжелой болѣзни чрезвычайно сложны и разнообразны. Конечный результатъ ихъ заключается въ полномъ разложеніи организма снаружи и внутри, причемъ тѣло больного покрывается зіяющими ранами, отдѣльные суставы и цѣлые члены отпадаютъ одинъ за другимъ и человекъ, послѣ адскихъ страданій, погибаетъ отъ бурчатки легкихъ, зараженія крови или задушенія.

Болѣзнь «песь» заключается въ особаго рода страданіяхъ кожи, результатомъ которыхъ являются сначала бѣлые пятна, а затѣмъ систематическое побѣленіе всего тѣла, отъ головы до конечностей. Болѣзнь эта нисколько не заразительна и вообще не имѣетъ ничего общаго съ проказой. Тѣмъ не менѣе, бухарцы и вообще сарты считаютъ ее еще болѣе отвратительной, чѣмъ махао, будучи убѣждены, что Богъ посылаетъ проказу лишь въ наказаніе за грѣхи непосредственно пораженнаго ей субъекта, песь же является, по ихъ мнѣнію, результатомъ грѣховной жизни не только самого больного, но и всего его рода. Брезгливость туземцевъ къ песевымъ субъектамъ доходитъ до того, что даже прокаженные махаоны гнушаются ими, стараясь выбирать для своего жительства такія убѣжища, гдѣ по возможности меньше больныхъ песью ³⁾).

Гузари-писанъ образуетъ особый кварталъ въ сѣверо-восточномъ углу бухарской столицы ⁴⁾). Части города, отдѣляющія его отъ остальныхъ кварталовъ, наименѣе населены. Мнительный тад-

¹⁾ Нейманъ, «Руководство къ изученію болѣзней кожи», перев. съ нѣмецк. 1871 г., стр. 356—361.

²⁾ Въ настоящее время проказа находитъ себѣ специалиста изслѣдователя въ лицѣ профессора. Кіевскаго университета св. Владиміра Г. Н. Минха, самоотверженно посвятившаго себя на пользу науки и многихъ тысячъ безпомощныхъ страдальцевъ. Результатомъ научно-практическихъ изысканій г. Минха являются изданныя имъ книги: «Проказа на югѣ Россіи», Кіевъ, 1886 г., и «Проказа и песь», 1890 г. Тотъ, кто имѣлъ случай видѣть эту ужасную болѣзнь, не можетъ не выразить уваженія трудамъ почтеннаго профессора и не пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія на пути помощи страждущему человечеству.

³⁾ Г. Н. Минхъ, «Проказа на югѣ Россіи», вып. 3, ст. 305; «Проказа и песь», т. II, вып. I, ст. 144—154.

⁴⁾ Непосредственно за нимъ слѣдуетъ рядъ городскихъ кладбищъ, ограниченныхъ крѣпостной стѣной.

жикъ не любитъ приближаться къ этимъ мѣстамъ, которыя считаетъ опасными и какъ бы отверженными Богомъ, лишь изъ нужды поселяясь въ нихъ.

Прокаженные живутъ благотворительностью и милостыней, которую собираютъ, выходя на большія дороги и отправляясь въ соседніе киплаки. Кромѣ того, они имѣютъ свои небольшіе сады и участки земли, которые отдаютъ въ наймы, раздѣляя доходы съ нихъ между собой поровну.

У нихъ есть нѣсколько своихъ мечетей, свои бани, базаръ и училище для дѣтей, свой казій, муллы и акъ-сакалы,—все это выборные изъ прокаженныхъ же. Вообще, они образуютъ нѣчто вродѣ маленькой республики, живущей своей внутренней, самобытной жизнью.

Заболѣвшій махао субъектъ, по большей части, насильственно выселяемый въ лепрозный пріютъ, лишается, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Онъ какъ бы умираетъ для общества и ему больше ничего не остается, какъ начать новую жизнь среди своихъ прокаженныхъ собратьевъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ махаоновъ женятся въ своихъ пріютахъ и производятъ на свѣтъ такихъ же несчастныхъ, какъ они сами. Замѣчательно, что дѣти у нихъ рождаются почти всегда совершенно здоровыми, безъ всякихъ признаковъ болѣзни, которая развивается лишь по достиженіи зрѣлаго возраста.

Кварталь Гузари-писянь, втеченіе большей части дня, остается пустыннымъ, ибо всѣ способные двигаться махаоны съ ранняго утра отправляются за сборомъ милостыни. Остальные лежатъ въ своихъ сакляхъ, будучи иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ пригвождены страшной болѣзнию къ своему страдальческому ложу.

Мы оставляемъ это мѣсто скорби и несчастія и предлагаемъ читателю сдѣлать послѣдній переѣздъ внутри города, чтобы осмотрѣть два замѣчательные памятника старины: кошъ-медрессе Абдуллахъ-ханъ и находящееся противъ него медрессе Модари-ханъ (матери этого талантливаго Шейбанида), на которыхъ мы собственно и окончимъ описаніе внутрискѣпной Бухары.

Оба эти зданія, возвышающіяся одно противъ другаго, не въ далекѣ отъ Талипаньскихъ воротъ, пробитыхъ въ срединѣ восточной части крѣпостной стѣны, являются достойными памятниками ихъ знаменитаго основателя эмира Абдуллахъ-хана, заслужившаго справедливое названіе «благодѣтеля бухарскаго народа». Построенныя въ одну эпоху съ медрессе Миръ-Арабъ, они по архитектурнымъ своимъ очертаніямъ представляютъ почти копіи этого послѣдняго зданія, съ той лишь разницей, что лишены его боковыхъ лазоревыхъ куполовъ. Но зато наружная облицовка и детали выполнены несравненно оригинальнѣе и богаче. Мелкій затѣйливый общій рисунокъ главныхъ порталовъ, нишъ и карнизовъ обо-

ихъ зданій, преимущественно голубой съ желтымъ цвѣтомъ, до того хорошъ, что отъ него рѣшительно не хочется оторваться, а отдѣльныя детали, въ видѣ безчисленныхъ продольныхъ и поперечныхъ бордюровъ, арабесокъ, розетокъ нишъ и такъ далѣе, представляютъ такое разнообразіе и дивное сочетаніе красокъ и рисунковъ, что нужно посвятить много часовъ, чтобы подробно разсмотрѣть каждый въ отдѣльности оригинальный уголокъ этого превосходно выполненнаго общаго гигантскаго эмалированнаго рисунка.

Внутреннія части зданій украшены превосходной альфресковой живописью, рѣзной работой по дереву и камню и весьма оригинальными, массивными бронзовыми рѣшетками. Кошъ-медрессе и Модари-ханъ сохранились лучше, чѣмъ другія зданія этого рода въ бухарской столицѣ.

П. Шубинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ I

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

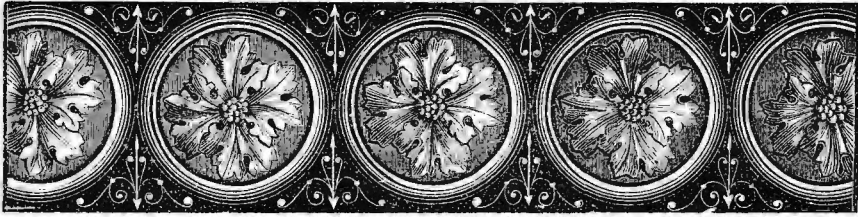
ОКТАБРЬ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1892 г.

	СТР.
I. Клубъ Козицкаго дворянства. I—III. Марка Басанина	5
II. Воспоминанія стараго литератора. I—III. А. В. Старчевскаго . . .	26
III. Гулебщики. (Очеркъ изъ быта стародавняго казачества). А. Березинцева	53
IV. Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года. IV—VI. (Продолженіе). Ягмина	74
V. Очерки Бухары. IV. (Окончаніе). П. П. Шубинскаго	99
Иллюстраціи: 1) Бухарская палатка.— 2) Нияше въ Бухарѣ.— 3) Минаретъ въ Бухарѣ.— 4) Страшнующій фокусникъ.— 5) Бухарскій чиновникъ.	
VI. Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ. В. И. Снѣжневскаго	124
VII. Къ исторіи русско-турецкихъ дипломатическихъ сношеній въ началѣ XVII столѣтія. С. Чахотина	146
VIII. Эпизодъ изъ Пугачевщины. Е. П. Горбунова	152
IX. Одна изъ нашихъ окраинъ. М. В. С.	172
Иллюстраціи: 1) Аккерманская крѣпость въ 1790 году.— 2) Аккерманская крѣпость въ настоящее время.— 3) Измаильская крѣпость.— 4) Кишиневскій митрополитъ Гавриилъ Банулеско-Водони.— 5) Церковь въ селѣ Новокарагачъ, или Магалъ, Измаильскаго уѣзда.— 6) Павсій Величковскій, настоятель Немецкаго монастыря.— 7) Дмитриевскій соборъ въ г. Оргѣвѣ.— 8) Армянская церковь въ г. Аккерманѣ.— 9) Домъ Изова въ г. Кишиневѣ.	
X. Женскій вопросъ въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ. С. А. Адрианова	194
XI. Великій старикъ. II—V. (Окончаніе). В. Т.	214
Иллюстраціи: 1) Гаварденскій замокъ.— 2) Въ Гаварденскомъ паркѣ.— 3) Гаварденская церковь.— 4) Гладстонъ у входа въ Гаварденскую церковь.— 5) Чтеніе Гладстонемъ утреннихъ молитвъ въ Гаварденской церкви.— 6) Два соперника актера (Гладстонъ въ роли Вильгельма Телля, Дизраэли въ роли Робера Макера).— 7) Дизраэли—Прощайте; сожалѣю, что вы отказались отъ главенства либеральной партіи; я началъ съ книгъ, а вы кончаете ими.— 8) Современная статуя Мемпона, издающая мелодическіе звуки.— 9) Гладстонъ на избирательномъ собраніи въ Лондонѣ 1 іюня 1892 года.— 10) Гладстонъ какъ дровосѣкъ.	
XII. Критика и библиографія	256
1) К. П. Петровъ. Курсъ исторіи русской литературы. Изданіе восьмое, совершенно передѣланное и доведенное до 1891 года. Спб. 1892. М. М. — 2) Ө. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины и рисунки И. П. Шишкина. Спб. 1892. З. В. — 3) Д. П. Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ первый. Съ 22 рисунками. Спб. 1892. В. Б.	
XIII. Заграничныя историческія новости	264
XIV. Смѣсь	274
1) Конгрессъ доисторической археологіи въ Москвѣ.— 2) Столѣтняя годовщина рожденія Плетнева.— 3) Хранители старины въ Плоцкѣ.— 4) Некрологи: Н. М. Благовѣщенскій; В. А. Франкини; Н. П. Прокофьева; В. П. Лядовъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **В. Э. Гладстона**.— 2) Въ поискахъ правосудія. (Изъ нѣмецкаго быта XVI вѣка). Историческая повѣсть **Клейста** (Michael Kohlhaas). Переводъ съ нѣмецкаго. Стр. 25—48. (Продолженіе).— 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.— 4) Объявленія.

ОЧЕРКИ БУХАРЫ ¹⁾

IV.

Дорога въ кишлакъ Богаеддинъ.—Уличная жизнь бухарской столицы.—Внѣшній видъ и внутреннее устройство бухарскихъ жилищъ.—Нѣсколько словъ по поводу дервишества на востокѣ.—Ходжа-Богаеддинъ.—Кишлакъ и монастырь его имени.—Ширъ-Баданскій замокъ.—Дорога къ желѣзно-дорожной станціи.—Бухарскіе сарбавы.—Станція «Бухара».—Русскій поселокъ и политическое агентство.—Заключеніе.

В ПИСАВЪ достопримѣчательности внутрискѣнной Бухары, мы теперь обратимъ вниманіе читателей на ея окрестности и, въ частности, на знаменитый монастырь Богаеддинъ, эту вторую Мекку мусульманъ Средней Азіи.

Дорога отъ центра города къ Мазарскимъ воротамъ идетъ сначала по берегу канала Шахри-Рудъ, мимо медресе Диванъ-Беги, откуда, поворотивъ къ сѣверо-востоку, выводитъ на прямой песчаный путь къ монастырю Богаеддина, отстоящему въ 8 верстахъ отъ городской стѣны.

Проѣхавъ по городу около трехъ верстей, можно видѣть уличную жизнь столицы во всѣхъ ея мельчайшихъ проявленіяхъ. Тутъ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь и ощущаешь настоящій востокъ, чувствуешь себя со всѣхъ сторонъ охваченнымъ его пестрыми, оригинальными волнами.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 620.

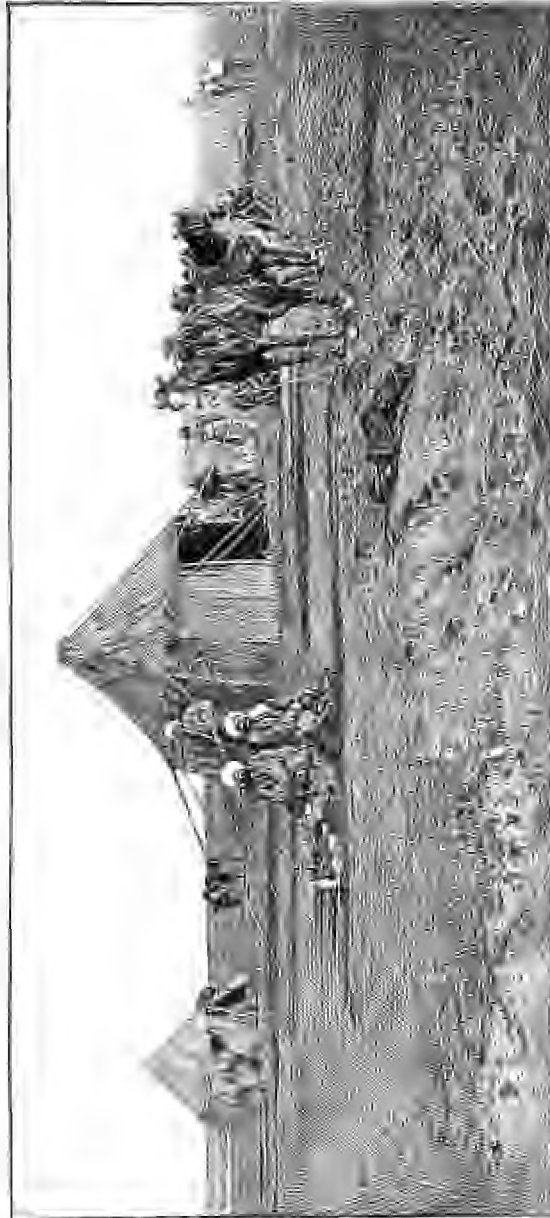
Вотъ двигается на встрѣчу длинная вереница ословъ, навьюченныхъ всевозможной живностью. За ними слѣпно подвигается толпа носильщиковъ съ какими-то тюками на плечахъ, а тамъ, еще дальше, плавно и величественно выступаетъ огромный караванъ двугорбыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ произведеніями Средней Азіи, долженствующими быть отправленными отсюда по всѣмъ направлениамъ. Спины верблюдовъ покрыты большими разноцвѣтными попонами, а ихъ морды, украшенныя большими темносиними кроткими глазами, убраны затѣйливой работы шерстяными недоузками, съ безчисленнымъ множествомъ кисточекъ, привѣсковъ и амулетовъ, имѣющихъ назначеніе предупреждать болѣзни и разныя другія случайности. Подъ горломъ каждаго верблюда, на длинныхъ, толстыхъ шнурахъ подвѣшены огромныя мѣдныя бубенчики, издающіе въ тактъ движенія животныхъ мѣрный, гармоническій звонъ, далеко предупреждающій о приближеніи каравана. Впереди на небольшомъ степномъ ковѣ ѣдетъ здоровенный киргизъ, караванъ-башъ, управляющій съ помощію тонкой волосяной веревки, продѣтой въ ноздри перваго верблюда, — а отъ него ко всѣмъ слѣдующимъ, огромной вереницей мощныхъ, но кроткихъ и покорныхъ животныхъ. Шествіе замыкаютъ нѣсколько конныхъ сыновъ пустыни, съ загорѣлыми, мѣдно-красными лицами, въ остроконечныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Два-три таможенные агента издали сопровождаютъ караванъ своимъ хищнымъ окомъ.

Тутъ, въ этихъ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, на каждомъ шагу попадаетъ и заграждаетъ путь то скрипучая арба, наполненная цѣлымъ поколѣніемъ бухарцевъ, отправляющихся въ свои сады, или толпа полуголыхъ мардекеровъ, съ первобытными китменями въ рукахъ, слѣпшащихъ куда-то, или группа конныхъ обывателей, въ разноцвѣтныхъ халатахъ и пышныхъ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, направляющихся къ одному изъ безчисленныхъ городскихъ базаровъ. Изрѣдка, какъ бы крадучись, проскользнетъ по тротуару длинная, закутанная съ ногъ до головы въ темное одѣяніе, фигура женщины, быть можетъ, еще молодой и прекрасной, но кажущейся, благодаря безобразному одѣянію, всегда старухой; проѣдетъ, въ сопровожденіи большой свиты, какойнибудь важный бухарскій чиновникъ въ богатомъ парчевомъ халатѣ, на кровномъ аргмакѣ, разукрашенномъ дорогой збруей и вышитой серебромъ попоной; съ гамомъ и шумомъ пройдетъ по полотну улицы толпа оборванныхъ дервишей, съ тыквенными бутылками у пояса и длинными посохами въ рукахъ. Изрѣдка увидишь передъ собой дикаго представителя пустыни, какогонибудь приѣзжаго киргиза, или туркмена, котораго тотчасъ можно узнать по его загорѣлому, здоровому лицу и мѣховой шапкѣ. Онъ совсѣмъ пораженъ и не знаетъ, чему болѣе дивиться: роскоши ли маза-

нокъ, пестротѣ ли костюмовъ, или шуму толпы, непривычному для его степнаго уха. Не менѣе его забавнымъ кажется его чичероне, бухарскій сартъ, съ гордостію представителя высшей расы, показывающій дикому кочевнику плоды своей цивилизаціи и утонченности нравовъ. Безъ сомнѣнія, наивный номадъ разочаруется современемъ въ этихъ прелестьяхъ, ибо встрѣчающая его теперь повсюду предупредительная любезность испарится какъ дымъ вмѣстѣ съ послѣдней золотой монетой, вырученной имъ за проданный здѣсь товаръ. Но пока онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ.

Вотъ мы проѣзжаемъ мимо открытой къ сторонѣ улицы первоначальной школы (мактабъ-хана), рядомъ съ которой помѣщается нѣсколько большихъ кузницъ. Умори-

тельно видѣть, какъ среди адскаго шума и грохота почтенный мулла учитъ читать и писать нѣсколько десятковъ учениковъ, си-

Бухарская палатка.

дяхицхъ, поджавши ноги, вокругъ своего сѣдобородаго наставника. Лекція мусульманской премудрости, подь акомпанементъ желѣзныхъ молотовъ, приводимыхъ въ движеніе здоровенными руками, безъ сомнѣнія, является крайне комичной. Профессоръ и его чады сидятъ красные отъ крика, какъ индійскіе пѣтухи, и только по раскрытымъ ихъ ртаамъ да по налитымъ на лицѣ жиламъ видно, что они заняты ученіемъ.

Всего чаще попадаютъ на пути чай-ханы, по большей части, также открытые къ сторонѣ улицы. Эти заведенія всегда биткомъ набиты посѣтителами, истребляющими здѣсь огромное количество китайскаго напитка. Страсть бухарца къ чаю нужно признать одной изъ преобладающихъ его страстей. Сидя, поджавши ноги, или полулежа, житель Средней Азіи въ состояніи просидѣть въ чай-хана, наслаждаясь кейфомъ, безконечное число часовъ. Только необходимость или срочное дѣло могутъ вывести его изъ того состоянія полудремоты и блаженнаго покоя, въ которое онъ погружается подь влияніемъ излюбленной имъ обстановки.

Войдя въ чай-хана, бухарець обыкновенно достаетъ изъ кожанаго мѣшечка, пристегнутаго къ поясу, небольшую щепотку чаю, которую передаетъ хозяину, продающему, поэтому, главнымъ образомъ горячую воду, а не чай ¹⁾. Затѣмъ онъ садится и принимаетъ ту или другую позу, которой остается вѣренъ иногда втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Говорить слишкомъ громко, смѣяться, жестикулировать, или даже оживленно разговаривать о чемънибудь, считается въ Средней Азіи верхомъ неприличія. Поэтому неудивительно, что въ небольшой чай-хана помѣщается иногда до пятидесяти и болѣе посѣтителей, не стѣсняющихъ и не мѣшающихъ другъ другу. Черезъ нѣсколько минутъ передъ посѣтителемъ появляется круглый фарфоровый чайникъ и китайская чашка, въ родѣ нашихъ послѣобѣденныхъ полоскательницъ. Устроившись такимъ образомъ, онъ выпиваетъ одинъ чайникъ за другимъ, изрѣдка затягиваясь чилимомъ (средне-азиатскій кальянъ), подносящимъ ему служителемъ чай-хана, а если гость поважнѣе, то и самимъ хозяиномъ. Появляется бродячій музыкантъ съ своей дутарой ²⁾, какойнибудь фокусникъ, заклинатель змѣй, странствующій аафизъ, которые по очереди завладѣваютъ вниманіемъ пьющей чай публики. Иногда появляется бача, вызванный кѣмъ либо изъ

¹⁾ Въ Бухарѣ обращается въ продажѣ чай 16 сортовъ. Лучшими изъ нихъ считаются 2 сорта зеленого чая «ленка», стоящіе отъ 36—43 тиллей за цибикъ, то-есть отъ 216—253 рублей за пудъ. Второстепенные сорта стоятъ 24, 20—16 тиллей за цибикъ.

²⁾ Дутара—двухструнный инструментъ, въ родѣ гитары. Кромѣ того, въ Средней Азіи употребляются слѣдующіе инструменты: тамбуръ въ 3 струны металлическихъ; кабызъ и визакъ въ 2 струны; флейта, ковчей—двойной кларнетъ; рожокъ и чильмандаръ—бубень.

богатыхъ посѣтителей, и тогда ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ присоединяется еще балетъ. Зрѣлище разнообразятъ группы странствующихъ дервишей, которые, расположившись на ступенькахъ чай-хана, или просто посреди улицы, произносятъ свои, по большей части, притворно-фанатическія проповѣди, вызывая такой же притворный восторгъ слушателей, которые немедленно по удаленіи святыхъ мужей переходятъ къ созерцанію соблазнительной пляски бачи или къ выслушиванію скабрзныхъ разсказовъ странствующаго повѣствователя.

Въ антрактахъ между этими развлеченіями передаются сплетни, выслушиваются новости, которыя потомъ разносятся по всему городу.

Только истребивъ нѣсколько чайниковъ чая и цѣлую гору вываренныхъ листьевъ этого растенія, которые бухарцы любятъ не менѣе самого напитка, посѣтитель рѣшается сдвинуться съ мѣста и дѣланной, лѣниво раскачивающейся, медленной походкой, считающейся здѣсь верхомъ граціи, направляется домой, гдѣ, быть можетъ, его давно ожидаетъ голодная семья и дѣла неотложной необходимости. Дорогой онъ еще не разъ остановится, чтобы поболтать съ встрѣтившимся знакомымъ, поглазѣть на что либо любопытное, и такъ далѣе.

Но такова уже натура восточнаго человѣка, этого прототипа эгоизма, себялюбія, смѣси алчности и мотовства, поражающей лѣности и неподвижности, съ предпримчивостію и коммерческой сметкой, развитой у него преимущественно передъ всѣми остальными народами земнаго шара. Часто становится совершенно непонятно, какъ эти лѣнивые и неповоротливые люди, повидимому, проводящіе жизнь въ праздности, ведутъ большую торговлю, поддерживаютъ значительную производительность и культуру, хотя первобытную, но всеже требующую труда и усилій. Ключъ къ разгадкѣ этого вопроса, конечно, заключается въ ихъ природныхъ способностяхъ и естественныхъ богатствахъ страны, на столько обширныхъ, что даже поверхностное прикосновеніе къ нимъ даетъ богатые результаты и обезпечиваетъ жизнь человѣка во всѣхъ ея первыхъ потребностяхъ.

Слѣдуя по берегу канала Шахри-Рудъ, можно увидѣть безчисленное множество иллюстрацій возмутительно небрежнаго отношенія бухарцевъ къ столь драгоценной и необходимой здѣсь водѣ. Вотъ на широкихъ каменныхъ ступеняхъ хауза видна цѣлая группа жителей священной Бухары разныхъ возрастовъ. Вода въ хаузѣ имѣетъ какой-то странный, прозрачно-зеленоватый видъ, кажущійся крайне подозрительнымъ. Изъ этого нездороваго источника нѣсколько женщинъ черпаютъ воду, очевидно, для питья большими мѣдными кумганами. О бокъ съ ними здоровенный парень, быть можетъ, мясникъ, сидя на корточкахъ, моетъ свои

грязныя огромныя руки, а еще дальше—широколиціи узбекъ, съ наивнымъ наслажденіемъ умывается и полощетъ ротъ той же водой, которой черезъ минуту, быть можетъ, воспользуется другое лице для цѣлей не менѣе деликатныхъ.

Повернувъ отъ канала Шахри-Рудъ по направленію къ сѣверо-востоку, мы попадаемъ въ одну изъ немногихъ прямыхъ и довольно широкихъ улицъ Бухары, которая мимо медресе Фетхъ-Улла-Кушъ-Баи и нѣсколькихъ старинныхъ мечетей доводитъ насъ до крѣпостной стѣны, съ продѣланными въ ней центральными Мазарскими воротами.

Улица эта обнесена большими, нештукатуренными, глинобитными домами мрачнаго вида, окна и жилия части которыхъ обращены внутрь дворовъ. Проникнуть въ эти жилища можно лишь съ помощію единственной небольшой калитки, едва достаточной для того, чтобы пропустить мѣстную арбу, верблюда или всадника. Внутреннее пространство этихъ бухарскихъ жилищъ почти всегда раздѣляется на двѣ половины, образующія два двора, изъ которыхъ первый занятъ конюшнями, кладовыми, помѣщеніемъ для прислуги и, если бухарецъ состоятельный, то особымъ помѣщеніемъ для гостей. Второй дворъ занятъ кладовыми, кухней и постройками, гдѣ живетъ семья домовладѣльца. Иногда за этимъ дворомъ помѣщается еще садъ.

Дома строятся всегда изъ тополеваго дерева, обмазаннаго сверху глиной. Весьма рѣдко подъ нихъ подводится каменный фундаментъ. Полы дѣлаются кирпичные. Сверху ихъ покрываютъ обыкновенно барданами, кошмами, паласами или коврами, смотря по достатку домохозяина. Окна, по большей части, безъ стеколъ, съ рѣшетчатыми рамами, которыя на зиму заклеиваютъ просаленной бумагой. Двери имѣются лишь съ наружной стороны домовъ. Внутреннія же комнаты рѣдко снабжены ими. Мебели почти ни у кого нѣтъ. Ее можно встрѣтить развѣ во дворцѣ эмира и въ двухъ-трехъ самыхъ богатыхъ домахъ. Большинство же бухарцевъ проводятъ жизнь на полу, сидя на разостланныхъ ватныхъ одѣялахъ и подкладывая сбоку для удобства небольшія круглыя подушки. Вся роскошь обстановки заключается въ скульптурныхъ украшеніяхъ потолковъ и иногда стѣнъ, расписанныхъ альфресковой живописью, въ коврахъ и домашней утвари, между которой нерѣдко можно встрѣтить весьма цѣнный китайскій фарфоръ и превосходной работы металлическія издѣлія, какъ-то: кумганы, чашки, блюда и проч.

Но вотъ утомительному переѣзду по тѣснымъ, пыльнымъ и душнымъ городскимъ улицамъ наступилъ конецъ. Мы подъѣзжаемъ къ Мазарскимъ воротамъ, тотчасъ за которыми начинается уже линія садовъ. Ее смѣняютъ хлопковыя поля и небольшія зеленыя лужайки, черезъ которыя до самаго кишлака Богаеддина проле-

Нищє въ Бухарѣ.

гаеъ широкая, песчаная дорога, обрамленная по краямъ тщательно поддерживаемыми оросительными канавами и рядами тутовыхъ деревьевъ. Тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣются сакли подгородныхъ жителей, кладбища, небольшія мечети, какія-то развалины. Общій видъ этой мѣстности довольно пустынный и унылый, тѣмъ не менѣе она кажется земнымъ раемъ послѣ невообразимой тѣсноты, пыли, гама и шума городскихъ улицъ. Восемь верстъ, отдѣляющія кишлакъ Богаеддинъ отъ городскихъ воротъ, промелькнули совершенно незамѣтно. Вотъ издали становятся видными, окутывающіе кишлаки, огромные сады и висящій надъ ними полусферическій куполь Мазара, но прежде чѣмъ войдти подъ его древніе своды, скажемъ нѣсколько словъ о дервишествѣ вообще и о личности патрона этихъ мѣстъ, знаменитаго Ходжа-Богаеддина.

Основатель ученія о тарикатѣ Ходжа-Богаеддинъ-Мухаметъ-Накшъ-Бяндъ считается однимъ изъ старѣйшихъ представителей средне-азиатскаго дервишества ¹⁾, этого величайшаго изъ золь, которымъ западный исламъ подарилъ древнюю Трансоксанію и прилегающія къ ней страны, въ періодъ времени между XI и XIV столѣтіемъ.

Идея дервишества ²⁾ заимствуетъ свое начало изъ временъ глубокой древности. Колыбелью ея слѣдуетъ считать Индію и главнымъ образомъ Грецію, откуда она была занесена въ Малую Азію апостолами древне-индійской теософіи и греческаго неоплатонизма. Отчасти вытѣснивъ, отчасти воспринявъ въ себя основы древне-арабскаго аскетизма, обрывки ученія этихъ двухъ послѣднихъ школъ мало-по-малу переработались въ суфійство, которое съ теченіемъ времени на столько укоренилось въ Малой Азіи, что даже могущественный исламъ былъ поставленъ въ необходимость примириться съ существованіемъ дервишескихъ братствъ, подъ условіемъ принятія ими догмата единства Бога, признанія пророческаго посланничества Магомета и нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ мусульманской обрядности. Такимъ образомъ, въ смѣшанную школу суфійства былъ введенъ, хотя и въ слабой степени, еще четвертый элементъ—магометанство.

Было бы, однако, до крайности ошибочно считать дервишество ближайшимъ факторомъ распространенія на востокѣ религіи мусульманскаго пророка. Послѣдняя является для него лишь щитомъ,

¹⁾ Колыбелью ученія о тарикатѣ считается Багдадъ. Отсюда оно распространилось по всѣмъ мусульманскимъ странамъ. Оно составляетъ особое толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ корана и шаріата.

²⁾ Слово дервишъ состоитъ собственно изъ двухъ персидскихъ словъ: «дерь», дверь, и изъ однозначащаго съ глаголомъ «джистанъ», искать. Въ переносномъ смыслѣ оно означаетъ бѣдняка, который ходитъ отъ двери къ двери съ просьбой о помощи. (Броу нъ, «The dervishes, or oriental spiritualism», стр. 49)

за которымъ скрыта совершенно самостоятельная религиозно-философская школа, чуждая исламу почти столько же, сколько и религии Христа.

Ученіе это, прежде всего, стремится къ разрѣшенію самаго великаго міроваго вопроса,—вопроса о бытіи и назначеніи человѣка. По его понятію, все въ природѣ, въ томъ числѣ и человѣкъ, происходитъ не отъ Бога, а изъ Бога, и все, до мельчайшей песчинки, составляетъ эманацию Его божественной сущности и духа. По отношенію матеріальнаго міра, матеріи, мы постоянно находимся въ обманѣ нашихъ чувствъ, и эти послѣднія заимствуютъ свое существованіе только отъ божественнаго свѣта, или одушевляющаго принципа, который дѣлаетъ насъ способными видѣть міръ, а его дѣлаетъ видимымъ, иначе говоря, онъ есть ничто ¹⁾.

Далѣе дервишество учитъ, что для Бога совершенно безразлично, какое бы понятіе о немъ кто ни имѣлъ. Для человѣка обязательно лишь одно чувство по отношенію къ Божеству—безграничная, всепоглощающая любовь.

Люди, посвятившіе себя всецѣло этой божественной любви, при исполненіи всѣхъ предписываемыхъ дервишествомъ условій, получаютъ возможность лицезрѣть сущность Божества; передъ ними открывается не только видимый міръ, но и сущность всѣхъ вещей въ природѣ.

Это состояніе, составляющее послѣднюю степень духовнаго совершенства, называется халь. Для достиженія его, кромѣ религиозныхъ упражненій, дервиши употребляютъ еще хапишъ и упражняются въ зикрѣ. Въ Средней Азій, кромѣ хапиша, между дервишествомъ въ большемъ употребленіи «наша» и «кукнаръ», о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше.

Въ вопросѣ о предопредѣленіи они держатся убѣжденія, что все происходитъ отъ Бога, и что человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать безъ Его воли, если Онъ не пожелаетъ того. Подъ вліяніемъ этого же принципа они отрицаютъ зло, видя въ проявленіи самыхъ возмутительныхъ пороковъ и страстей лишь недоступный нашему пониманію высшій промыселъ.

Духовную жизнь человѣчества дервишество раздѣляетъ на четыре стадіи. Къ первой, низшей стадіи оно относитъ всѣ вообще религии и даже само магометанство. По ихъ понятію, всѣ религии имѣютъ лишь временное значеніе: съ развитіемъ своихъ послѣдователей, онѣ должны уступить мѣсто второй, высшей степени духовнаго совершенства.

Переходя, затѣмъ, всѣ остальные степени духовной жизни, человѣчество должно дойти до совершеннаго познанія истины и до полнаго слиянія съ Божествомъ.

¹⁾ Поздѣевъ, «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ», стр. 90.

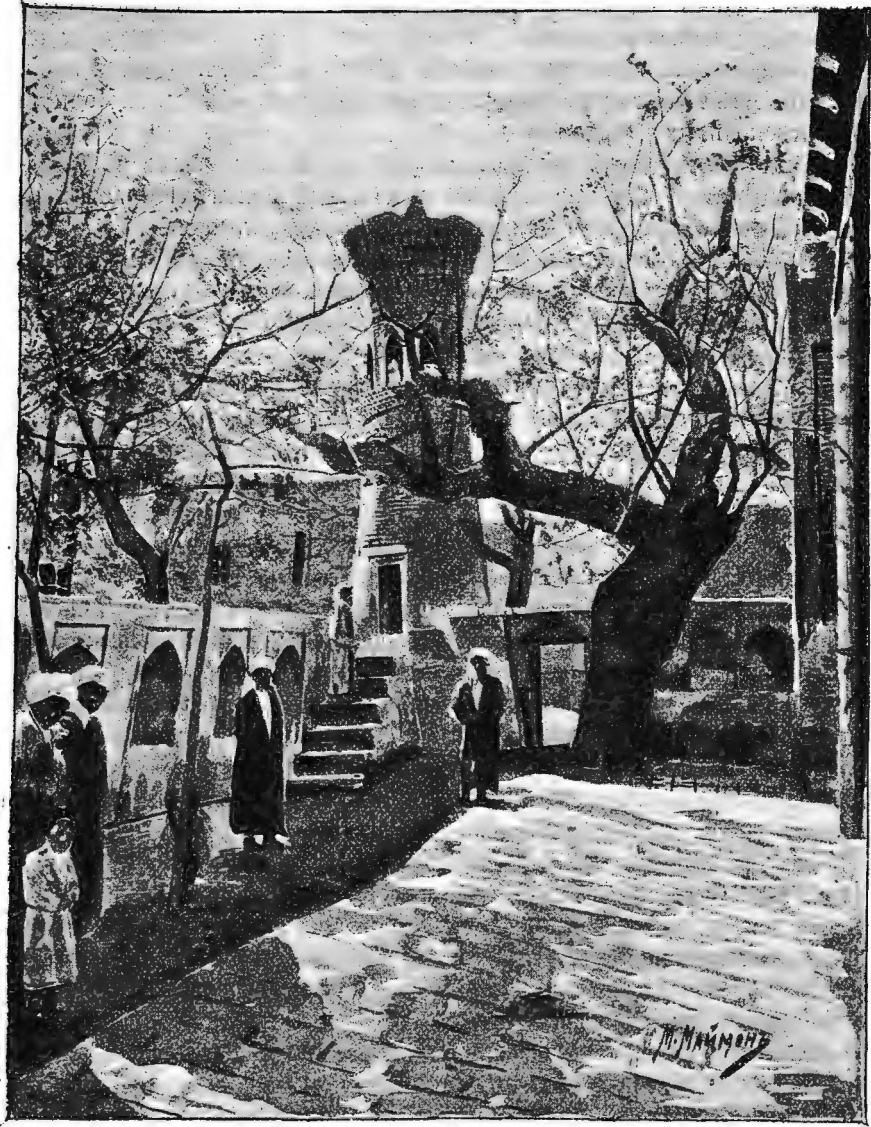
Изъ сказаннаго становится очевиднымъ, какая огромная бездна отдѣляетъ исламъ отъ дервишества, и почему свѣтское мусульманское духовенство съ такой непримиримою ненавистью относится къ послѣднему, совершенно основательно видя въ немъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага вѣроученія Магомета, овладѣвшаго зеленымъ знаменемъ пророка лишь для того, чтобы подъ его защитой проводить въ темныя народныя массы свое собственное, діаметрально-противоположное ученіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ Востока суфійство порождало массу талантливыхъ личностей, съ сильными характерами и большими политическими способностями. Этимъ объясняется та необыкновенная послѣдовательность и осторожность, съ которой дервишество овладѣвало и продолжаетъ овладѣвать религіозной и соціальной жизнью мусульманскихъ народовъ Востока, мало-по-малу отодвигая свѣтское духовенство на степень второстепеннаго значенія. Можно съ увѣренностью сказать, что нравственное вліяніе дервишества на народныя массы уже теперь значительно выше вліянія свѣтскаго духовенства, и что значеніе послѣдняго поддерживается исключительно его правами на народное образованіе и принадлежащей ему значительной долей судебной власти. Разъ эти двѣ прерогативы отойдутъ отъ него, оно быстро обратится въ нуль, и дервишество овладѣетъ всѣми струнами религіозно-политической жизни магометанскихъ народовъ.

Большинство изслѣдователей ученія дервишества совершенно игнорируютъ вопросъ о соціальномъ и политическомъ значеніи этого сословія въ жизни мусульманскихъ народовъ Востока. Между тѣмъ, уже оставивъ въ сторонѣ исторію мусульманскихъ странъ, представляющую безчисленныя иллюстраціи стремленія дервишества руководить политической жизнью магометанскаго міра, мы укажемъ лишь на примѣры нашего времени, какъ-то: на возстаніе мюридовъ на Кавказѣ, бабидовъ въ Персіи и лже-Магди въ Суданѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести горячую агитацію, которую дервишество вело противъ Россіи, во время войны въ Средней Азіи, въ 1860—1868 годахъ.

Главныхъ дервишескихъ орденовъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ считается 36¹⁾. Основатели этихъ орденовъ были почти исключительно арабы, турки и персіяне. Они всѣ считаются святыми, и ихъ могилы, съ устроенными при нихъ текіе, составляютъ какъ бы главные капитулы, отъ которыхъ распространяются развѣтвленія этихъ орденовъ по всему мусульманскому міру. Эти основныя текіе служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстопробываніемъ раисъ-уль-мешейховъ, или генераловъ дервишескихъ орденовъ, ру-

¹⁾ Повдѣвъ, стр. 59—64.

Минаретъ въ Бухарѣ.

ководящихъ и заправляющихъ дѣлами отдѣльныхъ общинъ своего ордена, возникающихъ въ разныхъ странахъ.

Основатели дервишескихъ текіе имени того или другаго изъ этихъ главныхъ святыхъ за предѣлами ихъ родины въ большинствѣ случаевъ также считаются святыми. Эти многочисленные монастыри имѣютъ въ свою очередь множество развѣтвленій, въ видѣ второстепенныхъ текіе, молитвенныхъ домовъ, мечетей и проч. Каждое изъ такихъ учреждений служить мѣстопробываніемъ одного или нѣсколькихъ шейховъ.

Общимъ главнымъ центромъ для всѣхъ дервишескихъ учреждений извѣстнаго ордена служитъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ перваго его основателя и гдѣ проживаетъ райсь-уль-мешейхъ.

Монастыри, мечети и молитвенные дома дервишей владѣютъ значительными недвижимыми имуществами, доходы съ которыхъ идутъ на ихъ поддержаніе и отчасти на содержаніе членовъ братствъ.

Такимъ образомъ, дервишество образуетъ собой правильно-организованную, сплоченную, богатую и вліятельную касту, густой сѣтью охватывающую весь мусульманскій міръ, начиная съ отдаленнаго Туниса до береговъ Босфора и обширныхъ территорій Средней Азіи.

Основанный въ Бухарѣ Ходжа-Богаетдиномъ нищенствующій орденъ Накшъ-Бенди есть одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и могущественныхъ дервишескихъ орденовъ на всемъ земномъ шарѣ. Нищенство это является, впрочемъ, совершенно фиктивнымъ, ибо, не говоря уже о значительныхъ вакуфахъ, принадлежащихъ ордену во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, почти каждый изъ членовъ братства, пробывъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, успѣваетъ скопить себѣ болѣе или менѣе значительный капиталъ, который пускаетъ потомъ гдѣ нибудь на сторонѣ въ оборотъ, и оставляетъ своему потомству солидное наслѣдство.

Ходжа-Богаетдинъ былъ современникъ знаменитаго Тимура (1349—1388 гг.). Онъ приобрѣлъ себѣ, еще при жизни, громкую извѣстность своей святой жизнью и чудесами, къ числу которыхъ, между прочимъ, относится приписываемая ему способность знать все, что дѣлалось въ его время на земномъ шарѣ. Мусульмане всѣхъ странъ высоко чтятъ этого святаго, и троекратное паломничество на его могилу считается равносильнымъ путешествію въ Мекку. Въ частности онъ считается патрономъ и покровителемъ Бухары, такъ, какъ, на примѣръ, св. Петръ покровителемъ Рима, а св. Сергій покровителемъ Московскаго государства.

Большинство дервишей женаты; этому похвальному обыквенію слѣдовалъ и знаменитый мусульманскій подвижникъ, оставившій, какъ можно думать, многочисленное потомство, ибо, поселившись послѣ его смерти въ окрестностяхъ Мазара, оно съ теченіемъ

ченіемъ времени разрослось на столько, что образовало цѣлый маленький городокъ, названный кишлакомъ Богаеддинъ. Обитатели этого кишлака, происходящіе по мужской линіи непосредственно отъ святаго, носятъ названіе шейховъ и ходжей, освобождены отъ повинностей и пользуются большимъ уваженіемъ со стороны народа. Кишлакъ этотъ, вѣчно набитый богомольцами, цѣлыми тучами профессиональныхъ нищихъ, дервишами прочихъ орденовъ и разнымъ другимъ сбродомъ, представляетъ собой нѣчто въ родѣ независимаго городка, у воротъ котораго оканчивается сфера вліянія свѣтской власти и гдѣ духовенство является полновластнымъ распорядителемъ.

Кишлакъ Богаеддинъ по наружному виду мало отличается отъ остальныхъ мѣстечекъ этого рода въ Средней Азіи. Болѣе или менѣе обширные глиняные дома, обращенные, какъ и городскіе ихъ собратья, жилыми частями внутрь дворовъ, нѣсколько небольшихъ мечетей, съ десятокъ чай-хана и четыре заѣзжихъ дома для богомольцевъ,—все это утопаетъ въ зелени абрикосовыхъ, тутовыхъ, таловыхъ и другихъ деревьевъ. При вѣздѣ въ кишлакъ, съ правой стороны, видны какія-то огромныя развалины, съ полуразрушеннымъ куполомъ на верху, быть можетъ, мечеть, или заброшенный караванъ-сарай. Проѣхавъ по кишлаку около версты, выѣзжаемъ на небольшую площадь, лѣвая сторона которой занята высокой глинобитной стѣной, съ возвышающимися посреди ея древними каменными воротами. Отъ этихъ входныхъ воротъ начинается длинный, вымощенный дикимъ камнемъ, довольно широкій корридоръ, застроенный по сторонамъ, идущими въ рядъ, саклями, составляющими убѣжище богаеддинскихъ нищихъ, которыхъ тутъ проживаетъ нѣсколько сотъ человекъ. Входныя двери этихъ небольшихъ сакель, каждая въ одну комнату, обращены къ сторонѣ корридора и остаются всегда открытыми. Сквозь нихъ виднѣется убогая обстановка, производящая, вмѣстѣ съ грязью и лохмотьями обитателей этого маленькаго квартала, крайне тяжелое впечатлѣніе. Обойти его, къ сожалѣнію, невозможно. Это единственный путь къ воротамъ Мазари-Шерифа, издавна занятый нищими, которыхъ удалить отсюда невозможно, ибо Ходжа-Богаеддинъ считается ихъ ближайшимъ покровителемъ. Они пользуются отъ монастыря даже извѣстнымъ содержаніемъ, такъ какъ имъ, кромѣ даровыхъ помѣщеній, дается и пища, ежедневно приготавливаемая въ четырехъ огромныхъ котлахъ, называемая «пищей святаго». Тутъ всегда толпятся цѣлыя тучи калѣкъ и оборванцевъ всевозможныхъ возрастовъ, между которыми добрую половину составляютъ здоровенные парни, которые могли бы зарабатывать себѣ средства къ существованію, отнюдь не прибѣгая къ нищенству. Вся эта публика при входѣ посѣтителя остается совершенно спокойной и лишь жаднымъ окомъ взвѣшиваетъ вновь прибывшаго,

въ смыслѣ возможности получить отъ него большую или меньшую цифру подаянія. Но зато при выходѣ изъ Мазара на богомольца производится правильная облава, и бѣда ему, если онъ позволитъ нищимъ окружить себя. Они буквально ограбятъ его до послѣдней нитки, причемъ набожному поклоннику святаго Богаеддина грозить опасность быть избитымъ до полусмерти голодными и алчными тунеядцами.

Эта улица нищихъ приводитъ посѣтителя ко вторымъ воротамъ меньшаго размѣра, чѣмъ первыя, скрывающимъ за собой обширное кладбище, непосредственно примыкающее къ оградѣ монастыря и представляющее собой ряды четырехугольныхъ возвышенныхъ могилъ, раздѣленныхъ между собой правильными корридорами. Тутъ покоятся эмиры двухъ династій: Шейбанидовъ и Аптарханидовъ, потомки Богаеддина и множество историческихъ личностей, полководцевъ, министровъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей разныхъ эпохъ существованія священной Бухары. Первый слой кладбища, уже вскорѣ послѣ смерти Богаеддина, былъ занятъ рядами благочестивыхъ поклонниковъ святаго, пожелавшихъ сдѣлать его мѣстомъ своего вѣчнаго упокоенія. Для того, чтобы имѣть возможность хоронить тутъ новыя поколѣнія, пришлось дѣлать надъ старыми могилами искусственныя насыпи. Чтобы послѣднія не осыпались, выводился обыкновенно каменный четырехугольникъ, болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ, внутри котораго, въ каменномъ склепѣ, клали тѣло покойника. Сверху все засыпалось землей, плотно утрамбовывалось и воздвигался памятникъ. Надъ этими могилами устраивались новыя насыпи, причемъ только прежніе памятники переносились выше и ставились на точкахъ, образующихъ перпендикуляръ къ похороненнымъ подъ ними лицамъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени образовалось кладбище въ нѣсколько ярусовъ, заключающее между своими каменными стѣнами цѣлыя поколѣнія обитателей священной Бухары и потомковъ Ходжа-Богаеддина.

Это историческое кладбище производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на посѣтителя. Оно кажется какимъ-то городомъ мертвыхъ, скрывающимъ въ своихъ мрачныхъ стѣнахъ нѣчто таинственное, еще не совсѣмъ угасшее, но продолжающее жить въ нѣдрахъ огромныхъ каменныхъ усыпальницъ, увѣчаныхъ оригинальными мавзолеями, съ ихъ загадочными куфическими надписями, несомнѣнно гласящими о громкихъ побѣдахъ, неувадаемыхъ подвигахъ и былой славѣ цѣлыхъ тысячъ людей, нашедшихъ здѣсь конецъ своимъ земнымъ странствованіямъ и разнообразнымъ приключеніямъ.

Все мертво и пустынно кругомъ: ни одной травки, ни одного листка, оживляющаго этотъ огромный каменный склепъ, ни одной птички, нарушающей его могильную тишину своимъ пѣніемъ.

Гулко отдаются шаги въ пустынныхъ, каменныхъ корридорахъ кладбища, и лишь изрѣдка встрѣчаешь здѣсь какого нибудь бродягу-эксплоататора, который, желая сорвать нѣсколько лишнихъ денегъ, навязываетъ вамъ свои услуги чичероне, безпощадно перевирая имена и года историческихъ лицъ, похороненныхъ подъ сводами безчисленныхъ мавзолеевъ и памятниковъ.

Странствующій фокусникъ.

Издали, въ концѣ главнаго корридора, виднѣются огромныя, украшенныя эмалированными изразцами, входныя ворота Мазара, съ обычной стрѣльчатой нишей, надъ которыми виднѣются красиво сложенные огромные рога мараловъ, туровъ, оленей и другихъ рогоносцевъ.

Рога въ Средней Азіи, въ противоположность нашимъ европейскимъ понятіямъ, считаются эмблемой силы и славы. Эмблема

эта, очевидно, была привита среднеазиатцамъ греками, ибо мы знаемъ, что Александръ Македонскій пользовался ей въ качествѣ сына Юпитера-Аммона. Поэтому-то въ Средней Азiи онъ и извѣстенъ подь именемъ Искандера-Зюлькарнайна, то-есть двурогаго. Сассаниды и нѣкоторыя другія династiи употребляли рога, какъ украшенiе своихъ коронъ и шлемовъ, слѣды чего мы видимъ на монетахъ той эпохи. Съ теченiемъ времени вошло въ обычай украшать рогами могилы святыхъ, богатырей и другихъ замѣчательныхъ личностей, особенно чтимыхъ мусульманскимъ миромъ.

Входъ во внутренность Мазара осѣненъ нѣсколькими столѣтними развѣсистыми карагачами, за которыми виднѣются великолѣпныя рѣзныя двери старой работы съ бронзовой оковкой, представляющiя дивно выполненный художественный рисунокъ въ азиатскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнiю, усердiе правовѣрныхъ испортило этотъ антикъ, выкрасивъ его въ разноцвѣтную краску. Но, конечно, обожающему пестроту среднеазиатцу, онѣ представляются въ такомъ видѣ несравненно изящнѣе. Пройдя эти двери, вы попадаете во внутреннiй дворъ Мазари - Шерифа, производящiй также очень сильное впечатлѣнiе.

Дворъ этотъ представляетъ обсаженный деревьями и хорошо вымощенный правильный каменный четырехугольникъ, правая южная сторона котораго занята мавзолеемъ святаго и мечетью Хакима-кушъ-беги, лѣвая, то-есть восточная, мечетью Абдулъ-Азиса, а западная, въ которой собственно и находятся входныя ворота, образуетъ длинную, во всю ширину двора, крытую молитвенную террасу, устланную дорогими коврами и украшенную прекрасной альфресковой живописью и рѣзными украшенiями въ видѣ колоннъ, пилястровъ, арокъ и т. п. Къ потолку террасы привѣшены нѣсколько бронзовыхъ серебряныхъ и хрустальныхъ люстръ, старинной работы, которыя зажигаются во время богослуженiя.

Къ сожалѣнiю, грубый вкусъ современнаго бухарца не пощадилъ и этой замѣчательной по своему изяществу и оригинальности части Мазари-Шерифа, такъ какъ на покрытыхъ альфресковой живописью стѣнахъ террасы мѣстами видны прибитыя къ нимъ простыя деревянныя рамки съ гравюрами грубой работы, изображающими виды Мекки, Медины и другихъ священныхъ мѣстъ мусульманства.

Съ восточной стороны дворъ ограниченъ высокой каменной стѣной, за которой начинаются принадлежащiе монастырю обширные сады, поля и другія угодыя.

Мавзолей Ходжа-Богаеддина находится прямо противъ входныхъ воротъ Мазара, въ юго-восточномъ углу двора. Онъ представляетъ собой массивный бѣлый мраморный четырехугольникъ, въ три аршина высоты и около двухъ квадратныхъ саженъ у

основанія. Головная часть гробницы испещрена арабскими надписями, изящно вырѣзанными по бѣлому мрамору. Три остальные стороны памятника гладко отшлифованы, и въ нихъ, на высотѣ половины роста человѣка, вдѣланы небольшіе черные камни, привезенные изъ Мекки, называемые бухарцами сянг-мурадъ. Къ этимъ камнямъ послѣ молитвы правовѣрные съ благоговѣніемъ прикладываются, глубоко вѣря въ ихъ чудодѣйственную силу. Могилу святаго осѣняютъ нѣсколько огромныхъ бунчуковъ, съ подвѣшанными подъ нихъ металлическими шарами, издающими при колебаніи отъ вѣтра тихій, меланхолическій звукъ, напоминающій звукъ мелодіума.

Между изголовьемъ гробницы и входными воротами, подъ большимъ пестрымъ наметомъ, устроено возвышеніе, покрытое дорожными коврами, на которыхъ обыкновенно возсѣдаютъ всѣ старшіе представители потомства Богаедина, имѣющіе званіе шейховъ. Такихъ лицъ считается теперь въ кишлакѣ около сорока. Семь изъ нихъ, по очереди, ежедневно дежурятъ при могилѣ святаго отъ восхода до заката солнца. Они же являются какъ бы арендаторами могилы святаго, собирая въ свою пользу воѣ пожертвованія, дѣлаемыя посѣтителеми, и выплачивая лишь жителямъ кишлака ежегодно около 12.000 тенегъ (2.400 р.), которыя эти послѣдніе дѣлятъ между собой. Такому же раздѣлу подвергаются доходы съ вакуфнаго имущества. Кассы, принадлежащей собственно монастырю, какъ учрежденію, совѣмъ не существуетъ. Огромные доходы, образующіеся отъ жертвованій богомольцевъ и отъ вакуфнаго имущества, почти всецѣло поступаютъ въ руки шейховъ и обитателей кишлака и расходуются ими на свои личныя надобности, вызываемыя ихъ частной жизнью, обставленной, въ большинствѣ случаевъ, богато и со всевозможными азіатскими удобствами.

Вообще внутренняя организація дервишескихъ монастырей и ихъ социальное значеніе на столько же далеки отъ нашего, европейскаго, представленія о монашествѣ, на сколько и религія Христа разнится отъ религіи Магомета. Тутъ все основано на совершенно другихъ началахъ, подчасъ до того дикихъ и неестественныхъ, что не знаешь, чему болѣе дивиться: невѣроятному ли эгоизму и лицемерію представителей духовной власти, или легкомыслію толпы, позволяющей такъ нагло и безцеремонно эксплуатировать себя, благоговѣющей передъ людьми, отнимающими у нея иногда послѣдній грошъ для того, чтобы употребить его на свои прихоти и предметы роскоши.

Семь дежурныхъ шейховъ засѣдаютъ обыкновенно въ рядѣ на описанномъ нами возвышеніи, оставляя свои мѣста лишь на время молитвы и обѣда. Передъ каждымъ изъ нихъ возвышается горка золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, составляющихъ

приношенія богомольцевъ, которыя потомъ поступаютъ въ общую дѣлежку. Непосредственно за главной гробницей виднѣются гробницы семи учениковъ Ходжа-Богаеддина, въ видѣ двускатныхъ, слегка округленныхъ саркофаговъ, сдѣланныхъ изъ алебастра.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гробницы Богаеддина находится священный ключъ, дающій прекрасную, необыкновенно чистую и вкусную воду; нѣсколько далѣе, внутри двора, обложенный мраморными плитами небольшой хаузъ, а еще далѣе—изящный каменный кіоскъ, внутри котораго также помѣщается водоемъ. Шейхи разрѣшаютъ посѣтителямъ брать оттуда воду за особое приношеніе.

Мечети Хакима-кушъ-беги и Абдуль-Азиза не представляютъ собой ничего особенно выдающагося въ ряду другихъ зданій этого рода въ Средней Азіи, о которыхъ мы въ предыдущей главѣ говорили. Послѣдняя замѣчательна только по своей внутренней стѣнной живописи, сдѣланной мертвыми цвѣтами.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ двора виднѣются разсаженные тамъ и сямъ развѣсистые столѣтніе карагачи, дающіе тѣнь и прохладу всему этому мѣстечку, имѣющему своеобразный и оригинальный видъ и производящему чрезвычайно сильное впечатлѣніе, еще болѣе увеличиваемое тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ, которое написано на лицахъ многочисленныхъ богомольцевъ всѣхъ типовъ Средней Азіи.

Въ юго-западномъ углу двора помѣщаются небольшія ворота, ведущія во второй дворъ Мазара, занятый главнымъ фасадомъ мечети и медресе Абдуль-Азиза, небольшимъ медресе эмира Мозафаръ-Эддина и другими второстепенными зданіями. Отсюда есть нѣсколько выходовъ на кладбище и прилегающей къ нему огромный садъ, знаменитый своими розами.

Оба двора и садъ содержатся чисто и въ большомъ порядкѣ, такъ же, какъ и зданія, составляющія Мазаръ. На нихъ еще незамѣтно той печати разрушенія, которая такъ рѣзко бросается въ глаза при взглядѣ на любую старинную постройку въ Средней Азіи. Но нельзя сказать того же про Богаеддинское кладбище. Въ общемъ оно содержится крайне небрежно. Узкіе корридоры между гробницами мѣстами совершенно засыпаны землей, такъ что по нимъ даже пробраться трудно; ступени, ведущія на верхъ, обвалились точно такъ же, какъ и многіе замѣчательные по своей работѣ и историческому значенію надгробные памятники. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ и гробница знаменитаго Абдуллахъ-хана, представляющая собой правильный кубъ, увѣнчанный сверху великолѣпной мраморной балюстрадой, мѣстами уже сильно пострадавшей, со сдвинутымъ съ своего основанія надгробнымъ камнемъ. Глядя на эту забытую, полуразрушенную могилу одного изъ величайшихъ представителей луч-

шихъ минутъ процвѣтанія ислама въ Средней Азїи, невольно вспоминаешь знаменитое латинское изреченіе: «sic transit gloria mundi». Дѣйствительно, очевидно, не далеко то время, когда не только могила, но и самое имя величаваго и просвѣщеннаго «отца и благодѣтеля бухарскаго народа» изгладится изъ па-

Бухарскій чиновникъ;

мяти измельчавшаго, переродившагося, погрязшаго въ мелкомъ торгашествѣ современнаго бухарскаго люда.

Къ могилѣ Ходжа-Богаеддина ежегодно стекаются сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Средней Азїи. Для жителей священной Бухары это маленькое паломничество составляетъ душеспасительную прогулку. Движеніе между городомъ и кишла-

комъ на столько значительно, что у Мазарскихъ воротъ содержится постоянно болѣе ста ословъ и нѣсколько десятковъ извозчичьихъ арбъ, которыми, не имѣющіе собственныхъ перевозочныхъ средствъ, бухарцы пользуются для того, чтобы съѣздить въ Богаеддинъ и обратно. Кромѣ того, по дорогѣ къ этому мѣстечку и на пути отъ него можно всегда встрѣтить множество пѣшеходовъ и конныхъ мусульманъ, ѣдущихъ на богомолье и возвращающихся съ него.

Эмиры бухарскіе ежегодно разъ совершаютъ туда торжественное паломничество. Кромѣ того, при переѣздахъ изъ Бухары въ Карши и обратно они обязательно заѣзжаютъ на могилу святаго. Эти посѣщенія приносятъ всегда монастырю значительныя пожертвованія.

На половинѣ пути между кишлакомъ Богаеддинъ и Мазарскими воротами находится одна изъ немногихъ современныхъ достопримѣчательностей священной Бухары—загородный Ширъ-Баданскій дворецъ эмира. Дворецъ этотъ, окруженный со всѣхъ сторонъ огромными садами, былъ построенъ въ его настоящемъ видѣ еще покойнымъ Мозафаромъ-Эддиномъ; Сеидъ-Абдуль-Ахатъханъ прибавилъ къ нему лишь большую увеселительную залу и нѣсколько жилыхъ комнатъ.

Путешественникъ, которому представится возможность осмотрѣть Ширъ-Баданъ, будетъ очень разочарованъ, если отправится туда съ расчетомъ увидѣть все то, что составляетъ великолѣпіе и прелесть нашихъ европейскихъ дворцовъ, то-есть античную архитектуру, роскошное убранство, мраморъ, позолоту, картины и т. д. Ничего этого и въ поминѣ нѣтъ въ Ширъ-Баданскомъ замкѣ, представляющемъ собой обширный четырехугольникъ, обнесенный высокой глинобитной стѣной, съ разсаженными внутри его прекрасными садами и большимъ зданіемъ европейско-азиатскаго стиля по срединѣ. Зданіе это является образцомъ новѣйшаго вкуса бухарскаго народа. Все въ немъ шаблонно, безвкусно, пестро. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, послѣ утомительныхъ разѣздовъ по пыльнымъ и душнымъ улицамъ, послѣ осмотра всѣхъ этихъ старинныхъ развалинъ,—осмотра, требующаго напряженнаго вниманія и оставляющаго впечатлѣніе смерти и разрушенія, Ширъ-Баданскій замокъ, съ его новенькими зданіями, множествомъ зелени, цвѣтовъ, съ тщательно-содержимыми двориками и небольшими прудами, представляется чуть-чуть не земнымъ раемъ. Здѣсь все дышетъ жизнью, довольно меркантильной и лишенной поэзіи, но все же жизнью, которую такъ хочется увидать послѣ того мрачнаго полуразрушеннаго склепа, какимъ представляется вся эта старая Бухара, съ ея безчисленными развалинами, мрачными стѣнами, душнымъ, спертымъ воздухомъ.

Съ улицы въ замокъ ведутъ большія каменные ворота, въ видѣ арки, выкрашенныя въ разноцвѣтную краску. Пройдя ихъ,

попадаешь въ обширный первый дворъ, съ водоемомъ по срединѣ и крытыми навѣсами по сторонамъ, для помѣщенія лошадей приѣзжихъ посѣтителей. Второй дворъ представляетъ обширный четырехугольникъ, усыпанный пескомъ, въ концѣ котораго виднѣтся лицевой фасадъ большаго одноэтажнаго дворца, съ нѣсколькими подъѣздами, балконами, колонками, арками и другими неизбежными азіатскими украшеніями. Стѣны дворца выбѣлены, а выдающіяся части весьма недурно раскрашены разноцвѣтной масляной краской. Боковыя стороны двора заняты дворцовыми постройками такого же типа, какъ и главное зданіе. Въ общемъ, эта наружная сторона замка очень напоминаетъ Бахчисарайскій дворецъ въ Крыму.

Внутреннее помѣщеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ обширныхъ комнатъ одного общаго типа. Главное богатство этихъ покоевъ составляютъ великолѣпныя, скульптурной работы, потолки, съ неподражаемымъ искусствомъ окрашенные сверху водяными красками, среди которыхъ мѣстами сверкаетъ позолота. Полы сплошь устланы дорогими бухарскими, хивинскими, туркменскими и текинскими коврами, между которыми, мѣстами, видны замѣчательные по своей величинѣ и работѣ экземпляры. Стѣны лишь въ нѣкоторыхъ комнатахъ украшены альфресковой живописью. Съ потолковъ почти всѣхъ комнатъ спускаются бронзовыя и хрустальныя люстры, наполненныя разноцвѣтными свѣчами; кое-гдѣ на стѣнахъ видны бра. Мягкой мебели во дворцѣ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ тахтъ и двухъ-трехъ большихъ креселъ, вѣроятно, служащихъ сѣдалищемъ эмиру, когда онъ въ этихъ комнатахъ принимаетъ кого либо. Зато въ вѣнской мебели нѣтъ недостатка. Ею убрана чуть не половина дворцовыхъ комнатъ.

Весь дворецъ снабженъ стеклянными рамами и печами. Прекрасныя рѣзныя двери имѣются также почти во всякой комнатѣ.

Вдоль лицеваго фасада, выходящаго на дворъ, расположены пріемные покои, между которыми находятся зеркальная и тронная зала, обширная, высокая комната, общаго типа съ описанными нами; въ глубинѣ ея, противъ входной двери, устроено нѣчто въ родѣ балдахина, подъ которымъ помѣщается тронъ Сеидъ-Абдуль-Ахата. Эта зала снабжена боковымъ входомъ во внутренніе покои.

За этими оффиціальными комнатами идутъ внутренніе покои; между ними нѣкоторую оригинальность представляютъ: огромная увеселительная зала, съ двумя круглыми арками, открывающими видъ въ боковыя ея части. Зала эта снабжена хорами, откуда любуются представленіемъ жены его высокостепенства. Стѣны и потолкъ этой комнаты сплошь покрыты живописью, скульптурой, и обтянуты цвѣтнымъ крепономъ. Глядя на послѣдній, невольно

мелькаетъ мысль, что ему, вѣроятно, предстоитъ вытѣснить изъ Средней Азіи послѣдній обрывокъ древняго искусства—скульптурную работу и альфресковую стѣнную живопись. Шаблонный узоръ кретона рѣзко выдѣляется своей аляповатой пестротой среди нѣжнаго и изящнаго рисунка стѣнной живописи. Окна этой залы выходятъ въ прохладный, тѣнистый садъ, и вся она представляется чрезвычайно уютной и веселой, не смотря на свою обширность.

Далѣе, среди ряда комнатъ, обращаетъ на себя вниманіе угловая фонтанная комната, съ круглымъ бассейномъ по срединѣ, изъ котораго бьетъ прозрачная и всегда холодная вода. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея помѣщается чайная. Усердіе устроителя этой комнаты сдѣлать ее именно «чайной» дошло до того, что онъ позаботился росписать даже стѣны чайниками и чашками, которые во множествѣ видны на стѣнахъ среди фруктовъ, цвѣтовъ и другихъ украшеній.

Эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ образцовый хозяинъ и большой любитель садоводства, благодаря чему замокъ содержится въ отличномъ порядкѣ, а окружающій дворецъ обширный паркъ переполненъ рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Черезъ дорогу, противъ дворца, помѣщается постоянный лагерь батальона сарбазовъ, подъ начальствомъ Датха-Халь-Мурадъ-бека. Во время пребыванія эмира во дворцѣ лагерь этотъ увеличивается еще частями кавалеріи и нукерами.

Обѣхавъ Ширъ-Баданскій замокъ съ юго-западной стороны, вы выѣзжаете на прямую, шоссированную дорогу, которая направляется къ желѣзно-дорожной станціи Бухара, отстоящей отъ города на разстояніи восьми верстъ. Дорога эта идетъ все время голой степью, не представляющей собой ни малѣйшаго интереса ¹⁾. Въ двухъ-трехъ верстахъ, не доѣзжая станціи съ лѣвой стороны, виднѣется возвышенное земляное укрѣпленіе, съ нѣсколькими орудіями на валахъ и толпящимися у воротъ сарбазами, въ мѣховыхъ шапкахъ, бѣлыхъ гимнастическихъ рубахахъ и красныхъ чамбарахъ, нашего русскаго покроя. Въ толпѣ сарбазовъ, между взрослыми бородатыми людьми, есть еще совсѣмъ дѣти 13—15 лѣтъ. Въ Бухарѣ не существуетъ воинской повинности, и вся армія эмира состоитъ изъ наемныхъ солдатъ. Разумѣется, бухарцевъ, добровольно

¹⁾ Окружающая Бухару огромная равнина буквально выжжена солнцемъ. Лишь кое-гдѣ на этомъ пепельно-буромъ фонѣ пустыни виднѣются темно-зеленныя ленты растительности, ютящейся по берегамъ арыковъ, напоминая о жизни, да живымъ ключемъ бьетъ она на шоссированномъ полотнѣ дороги, отдѣляющей городъ отъ желѣзно-дорожной станціи. Тутъ постоянно вы можете видѣть цѣлыя вереницы верблюдовъ, арбъ, пѣшую и конную толпу, всевозможныхъ типовъ Средней Азіи, уѣзающую изъ города или спѣшащую въ него. По сторонамъ дороги, кое-гдѣ виднѣются раскинутыя въ степи пестрыя палатки и юрты томоженныхъ чиновниковъ или подгородныхъ кочевниковъ.

желающих поступить въ военную службу, является очень немногимъ, и для того, чтобы пополнить ряды, эмиръ разрѣшаетъ принимать на службу мальчиковъ, часто совершенно не сложившихся и неспособныхъ вынести всѣ тягости военной службы.

Уморительно бываетъ видѣть, какъ эти дѣти, вооруженныя большими ружьями со штыками и одѣтые въ мундиры съ чужаго плеча, маршируютъ во фронтѣ, наряду съ остальными солдатами. Но уже такова священная Бухара: тутъ все оригинально и своеобразно и все представляетъ смѣсь европейскаго съ азіатскимъ.

Обмундированіе и вооруженіе пѣхоты, по русскому образцу, было введено въ бухарской арміи еще эмиромъ Мозафаръ-Эддиномъ. Оно состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ частей, что и у насъ, съ той лишь разницей, что на головѣ, вмѣсто фуражки, носится мѣховая шапка. Но такъ какъ въ Бухарѣ нѣтъ казенныхъ шваленъ, то бухарцы покупаютъ мундиры для своихъ солдатъ на базарахъ нашихъ туркестанскихъ городовъ. Однообразіемъ они не стѣсняются, и во фронтѣ любой бухарской роты можно видѣть солдатъ, одѣтыхъ въ мундиры всѣхъ родовъ оружія нашего туркестанскаго воинства, начиная съ стрѣлковыхъ и линейныхъ частей, до саперныхъ и казачьихъ. То же самое смѣшеніе формъ представляетъ и обмундированіе офицеровъ, на которыхъ виднѣются погоны и эполеты всѣхъ существующихъ у насъ родовъ оружія.

Вооруженіе и амуниція также лишена единообразія. Казнозарядныхъ ружей въ бухарской пѣхотѣ всего 2.000. Остальное огнестрѣльное оружіе состоитъ изъ заряжающихся съ дула и даже фитильныхъ ружей.

Все это образуетъ крайне пеструю и довольно комичную картину бухарскаго военнаго фронта, впрочемъ, довольно хорошо выработаннаго и обученнаго плацъ-парадной службѣ.

Желѣзно-дорожная станція Бухара представляетъ собой небольшой, но чистенькій каменный домъ, окруженный съ трехъ сторонъ службами и зданіями, между которыми помѣщается и бухарская таможня. Тутъ всегда толпится самый разнообразный и смѣшанный людъ, лишающій это мѣсто того казенно-официальнаго типа, которымъ отличаются всѣ вообще станціи нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вотъ, проходя по платформѣ, вы видите группу загорѣлыхъ до черноты узбековъ, судя по ихъ костюмамъ и пѣлымъ бородамъ лежащихъ около нихъ дорожныхъ азіатскихъ принадлежностей, прибывшихъ сюда издалека, быть можетъ, съ тѣмъ, чтобы предпринять еще болѣе далекій путь въ священную землю Магомета. Они усѣлись въ кружокъ и, оживленно толкуя о чемъ-то, съ аппетитомъ поѣдаютъ сочныя бухарскія дыни, разрѣзывая ихъ на кусочки своими кривыми, пристегивающимися у пояса ножами. О бокъ съ ними размѣстилось нѣсколько человекъ нашихъ солдати-

ковъ, уволенныхъ въ запасъ арміи, съ большими котомками за плечами, нетерпѣливо ожидающихъ поѣзда, который унесетъ ихъ изъ этихъ опостылыхъ имъ мѣстъ въ родныя деревни и прохладныя, привольныя лѣса какойнибудь Пермской или Уфимской губерніи. Вотъ около прѣѣхавшаго изъ русскаго поселка приказчика или комиссіонера суетятся два туземца-носильщика, всѣми силами стараясь овладѣть его дорожнымъ сундукомъ, который, между тѣмъ, оборванный персіянинъ-амбанъ уже свалилъ на свои могучія плечи, съ цѣлю нести его въ багажную контору. Но ловкіе сарты успѣваютъ убѣдить владѣльца сундука довѣрить его имъ и, не теряя времени, овладѣваютъ добычей, отнимая ее у перса, который съ грустью удаляется, разочарованный въ своихъ надеждахъ заработать бакшишъ.

Нѣсколько человѣкъ мервскихъ туркменъ, въ верблюжьихъ халатахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, прогуливаются по платформѣ, вѣвая по сторонамъ въ ожиданіи поѣзда. Ихъ подвижная натура, просвѣчивающая въ рѣзкихъ движеніяхъ, быстрыхъ, смысленныхъ взглядахъ и живыхъ рѣчахъ, составляетъ разительный контрастъ съ сонливой неподвижностью остальныхъ типовъ мусульманъ Средней Азіи, видныхъ тамъ и сямъ на возвышеніи платформы и прилегающихъ къ ней площадкахъ. Но вотъ они останавливаются на краю платформы и съ напряженнымъ любопытствомъ начинаютъ всматриваться въ приближающуюся къ вокзалу группу конныхъ бухарцевъ, провожающихъ какого-то почтеннаго старика въ огромной бѣлой чалмѣ и богатомъ халатѣ, быть можетъ, бека одного изъ попутныхъ округовъ, который, сойдя съ лошади, важно проходитъ въ станціонный залъ, сопровождаемый своей пестрой свитой. Туркменовъ, однако же, очевидно, не удивилъ ни надутый видъ этого господина, ни шуршащія новые халаты его провожатыхъ. Все ихъ вниманіе направлено на лошадей вновь прибывшихъ, которыхъ бухарскіе джигиты проводятъ, между тѣмъ, въ станціонномъ дворѣ. Стоя на краю платформы, сыны пустыни съ живѣйшимъ любопытствомъ разсматриваютъ красивыхъ карабаировъ, очевидно, оцѣнивая ихъ качества и обмѣниваясь по этому поводу живыми замѣчаніями. На противоположномъ концѣ платформы сгруппировалась какая-то смѣшанная толпа туземцевъ, разсматривающая стоящій на запасномъ пути раззолоченный вагонъ эмира, тыкая въ него пальцами и, очевидно, споря, настоящее ли это «тилля», или только позолота.

Между всей этой пестрой, полудикой толпой тамъ и сямъ видны мундиры и фуражки желѣзно-дорожнаго начальства, блузы рабочихъ, смазчиковъ, кочегаровъ, какъ и на любой изъ желѣзно-дорожныхъ станцій внутренней Россіи. Большинство изъ нихъ отлично говорятъ потаджикски и чувствуютъ себя среди всего этого иноплеменнаго люда совершенно какъ дома. Глядя на нихъ, невольно

удивляешься способности русскаго человѣка повсюду ужиться, со всякимъ установить добродушно-дружественныя отношенія, лишенные и тѣни гордости или чванства, столь присущихъ повсемѣстно народамъ-побѣдителямъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полотна Закаспійской дороги начинается русскій поселокъ «Бухара», вмѣщающій въ себѣ до тысячи человѣкъ жителей, состоящихъ изъ русскихъ купцовъ, приказчиковъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ и другихъ подобныхъ лицъ. Поселокъ этотъ образуетъ нѣчто въ родѣ маленькаго городка, въ которомъ есть уже все, составляющее предметъ первой необходимости для жизни, какъ-то: православная церковь, магазины, лавки, гостинница и даже клубъ. Все это, разумѣется, имѣетъ совершенно первобытный характеръ, но какъ бы то ни было обезпечиваетъ жизнь въ ея первыхъ потребностяхъ. Быстрое развитіе нашихъ торговыхъ сношеній съ Бухарой сулитъ этому мѣстечку блестящее будущее.

Эта небольшая русская колонія имѣетъ своимъ начальникомъ русскаго чиновника, молодаго, но дѣятельнаго и распорядительнаго, г. Черкеса.

Тутъ же находится новое зданіе русскаго политическаго агентства, построенное Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханомъ для нашей агентуры. Обширное зданіе это прекрасно меблировано и снабжено всѣми удобствами европейскаго комфорта.

Заканчивая нашъ небольшой очеркъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что онъ, при всей его бѣглости и неполнотѣ, дастъ читателямъ понятіе о томъ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ кроваваго деспотизма, суевѣрія и удушающаго дѣйствія ислама нѣкогда считавшаяся колыбелью человѣчества великолѣпная Трансоксанія обратилась въ тотъ жалкій обломокъ, который представляетъ собой современное Бухарское ханство.

П. Шубинскій.

